

**ХАНОЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Буй Тху Ха

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДА РУССКОГО
ГЛАГОЛА И ИХ ПЕРЕДАЧА ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ**

(на материале произведения Н.В. Гоголя

«Мертвые души»)

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

ХАНОЙ - 2025

**ĐẠI HỌC QUỐC GIA HÀ NỘI
TRƯỜNG ĐẠI HỌC NGOẠI NGỮ**

BÙI THU HÀ

**NGŨ NGHĨA VÀ CHỨC NĂNG CỦA THỂ ĐỘNG TỪ TIẾNG NGA VÀ
CÁCH TRUYỀN ĐẠT SANG TIẾNG VIỆT
(Dựa trên ngữ liệu tác phẩm “Những linh hồn chết” của N.V.Gogol)**

Chuyên ngành: Ngôn ngữ Nga

Mã số: 9220202.01

Cán bộ hướng dẫn: 1. PGS, TS. Vũ Thị Chín

2. TS. Khuông Thị Thu Trang

Hà Nội – 2025

ЗАВЕРЕНИЕ

Данная диссертационная работа написана мной и не является копией какой бы то ни было другой диссертационной работы; тема данной диссертационной работы до этого не была использована никаким частным лицом или организацией.

Ханой, 2025 г.

Исполнитель

Буй Тху Ха

АННОТАЦИЯ

Категория вида - одна из ключевых и сложнейших в системе русского глагола, отражающая представление действия во времени через противопоставление совершенного и несовершенного видов. Особый интерес представляют частные видовые значения, формирующиеся в зависимости от контекста и вызывающие трудности в классификации и переводе. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души», насыщенная разнообразными видовыми формами, служит ценным материалом для изучения их функционирования в художественном тексте. Перевод произведения на вьетнамский язык через французский как язык-посредник позволяет проанализировать потери и трансформации при передаче видовой семантики, что особенно важно в рамках социолингвистического подхода и оценки качества косвенного перевода.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложение.

Во Введении обосновывается актуальность выбора темы диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, приводятся методы исследования, формируется научная новизна исследования, отмечается практическая ценность полученных результатов.

В первой главе «Вид как центральная категория глагола в русском языке» рассматривается социолингвистический аспект как основной подход к изучению вида. В рамках социолингвистического аспекта вид понимается как система, связанная с социальным контекстом речи. А также первая глава представляет собой обзор теоретических положений, посвященных изучению частных видовых значений и видо-временных форм русского глагола. Глава формирует теоретическую базу для анализа текста и перевода. В ходе теоретического обзора предпринимается ономаσιологическое описание частных видовых значений.

Вторая глава «Вид в нарративе: Функционирование глагольных форм в гоголевской поэме «Мертвые души»» посвящена анализу видовых форм в художественном тексте. На материале первой главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» проводится семантический разбор, выявляющий типичные видовые значения и их связь с композиционно-речевыми типами. Вид рассматривается как средство не только грамматического, но и социального смысла: через выбор форм передаются черты персонажей и их место в обществе.

Третья глава «Передача глагольной семантики во вьетнамской переводной версии гоголевской поэмы «Мертвые души»: Достижения и утраты» исследует косвенный перевод и качество передачи видовых значений при переводе на вьетнамский язык через язык-посредник. Перевод анализируется как социальная практика, влияющая на восприятие текста в другой культуре. Вводятся критерии оценки, учитывающие как точность передачи грамматической категории вида, так и ее роль в социокультурном контексте.

В ходе исследования установлено, что категория вида в русском языке выполняет не только грамматическую, но и важную социально-коммуникативную функцию, отражая культурные и речевые нормы. Анализ художественного текста на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» показал, что выбор глагольных форм связан с созданием как художественного, так и социального смысла, передающего характеры персонажей и их место в обществе. Исследование переводов на вьетнамский язык выявило как достижения, так и утраты при передаче видовой семантики, особенно в случае косвенного перевода через язык-посредник. Предложенные критерии оценки качества перевода позволяют учитывать не только точность передачи грамматических форм, но и их роль в социокультурном контексте.

***Ключевые слова:** вид, семантика, функционирование, перевод, художественный текст*

ABSTRACT

The category of aspect is one of the key and most complex components in the system of Russian verbs, reflecting the conceptualization of actions in time through the opposition of the perfective and imperfective aspects. Of particular interest are specific aspectual meanings, which are context-dependent and pose significant challenges for classification and translation. N. V. Gogol's poem *Dead Souls*, rich in various aspectual forms, serves as valuable material for examining their functioning within a literary text. The translation of this work into Vietnamese via French as an intermediary language provides an opportunity to analyze losses and transformations in conveying aspectual semantics, which is especially relevant within a sociolinguistic framework and for evaluating the quality of indirect translation.

The dissertation consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a bibliography, and an appendix.

The Introduction substantiates the relevance of the research topic, defines its aims and objectives, presents the research methods, establishes the scientific novelty, and highlights the practical significance of the findings.

The first chapter, *Aspect as a Central Category of the Russian Verb*, explores the sociolinguistic perspective as the principal approach to the study of aspect. From this viewpoint, aspect is understood as a system closely connected to the social context of speech. This chapter also provides a review of theoretical concepts related to specific aspectual meanings and tense-aspect forms of Russian verbs. It forms the theoretical foundation for subsequent text and translation analysis and includes an onomasiological description of specific aspectual meanings.

The second chapter, *Aspect in Narrative: The Functioning of Verb Forms in Gogol's Poem "Dead Souls"*, focuses on analyzing aspectual forms in a literary text. Using the first chapter of *Dead Souls* as its material, it conducts a semantic analysis to identify typical aspectual meanings and their relationship with

compositional and speech structures. Aspect is considered not only as a grammatical phenomenon but also as a vehicle for conveying social meaning, reflecting the characters' traits and their position in society.

The third chapter, *Conveying Verb Semantics in the Vietnamese Translation of Gogol's "Dead Souls": Gains and Losses*, investigates indirect translation and the quality of rendering aspectual meanings when translating into Vietnamese through an intermediary language. Translation is examined as a social practice influencing how the text is perceived in another culture. Evaluation criteria are introduced that take into account both the accuracy of conveying the grammatical category of aspect and its role within a sociocultural context.

The study demonstrates that the Russian aspect category performs not only a grammatical but also a significant socio-communicative function, reflecting cultural and speech norms. The analysis of *Dead Souls* reveals that the choice of verb forms contributes to both artistic expression and the construction of social meaning, shaping characters and their societal roles. The investigation of Vietnamese translations uncovers both gains and losses in conveying aspectual semantics, especially in the case of indirect translation through an intermediary language. The proposed evaluation criteria enable a comprehensive assessment of translation quality, considering not only the accurate rendering of grammatical forms but also their sociocultural functions. This underlines the interdisciplinary nature of the research and its value for linguistics, translation studies, and sociolinguistics.

The results of this dissertation provide a solid theoretical foundation for the development of textbooks and teaching materials on morphology and translation studies.

Keywords: *aspect, semantics, functioning, translation, literary text*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

№	Сокращенный вариант терминов	Полный вариант терминов
1.	ВП	видовой показатель
2.	ВВП	видо-временной показатель
3.	напр.	например
4.	НСВ	несовершенный вид
5.	РКИ	русский язык как иностранный
6.	СВ	совершенный вид
7.	с.	страница
8.	см.	смотрите
9.	ср.	сравните
10.	т.е.	то есть
11.	т.д.	так далее
12.	т.п.	тому подобному
13.	ЧВЗ	частное видовое значение
14.	TQA	Translation quality assessment

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАВЕРЕНИЕ	i
АННОТАЦИЯ	ii
ABSTRACT	iv
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	vi
ОГЛАВЛЕНИЕ	vii
СПИСОК ТАБЛИЦ В ДИССЕРТАЦИИ	xi
ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА 1: ВИД КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА	
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	14
1.1. Социолингвистика как теоретическая база при изучении видовой семантики.....	14
1.1.1. Семантика как основа социолингвистики	15
1.1.2. Прагматика и ее связь с социолингвистикой	16
1.1.3. Интеграция семантики и прагматики в социолингвистике	19
1.1.4. Применение интегрированного подхода в переводоведении	20
1.2. Обзор аспектологической литературы: частные видовые значения в свете современных аспектологических освещений	24
1.2.1. Концепция частных видовых значений, разработанная А.В. Бондарко	26
1.2.2. Концепция частных видовых значений, разработанная авторами Русской грамматики -1980	27
1.2.3. Концепция частных видовых значений, разработанная Ю.С. Масловым.....	32
1.2.4. Концепция частных видовых значений, разработанная Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым	35

1.2.5. Концепция частных видовых значений, разработанная М.А. Шелякиным	38
1.2.6. Список частных значений, разработанный Е.В. Падучевой	43
1.3. Опыт ономаσιологического описания частных видовых значений	45
1.3.1. Семантическое содержание СВ в ономаσιологическом освещении	45
1.3.2. Семантическое содержание НСВ в ономаσιологическом освещении	48
1.4. Семантика вида в составе аспектуально-темпоральных сочетаний: о так называемых видо-временных формах	54
1.4.1. Концепция видо-временных значений, развиваемая А.В. Бондарко	54
1.4.2. Концепция видо-временных значений, развиваемая Е.В. Петрухиной	59
1.4.3. Концепция видо-временных значений, развиваемая М.А. Шелякиным	60
1.4.4. Концепция видо-временных значений, развиваемая Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым	65
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ	71
ГЛАВА 2: ВИД В НАРРАТИВЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	74
2.1. Видовые и видо-временные формы в первой главе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»	79
2.1.1. Видовые формы глаголов НСВ	79
2.1.2. Видовые формы глаголов СВ	87

2.1.3. Конкуренция видов	93
2.1.4. Видо-временные формы	99
2.2. Видовые и видо-временные формы в составе фрагментов, относящихся к разным коммуникативно-речевым типам	110
2.2.1. Видовые и видо-временные формы в диалоге	110
2.2.2. Видовые и видо-временные формы в описаниях персонажей	113
2.2.3. Видовые и видо-временные формы в лирических отступлениях	117
2.2.4. Видовые и видо-временные формы во вставных эпизодах	122
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ	130
ГЛАВА 3: ПЕРЕДАЧА ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ВЕРСИИ ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭМЫ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: ДОСТИЖЕНИЯ И УТРАТЫ.....	132
3.1. Косвенный перевод как предмет анализа качества перевода.....	132
3.1.1. Определение и исторические примеры	132
3.1.2. Проблема оценки качества косвенного перевода.....	135
3.1.3. Оценка качества косвенного перевода: результаты эмпирических исследований.....	141
3.2. Оценка качества переводного варианта поэмы «Мертвые души» на вьетнамский язык	145
3.2.1. Случаи полной адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу	146
3.2.2. Случаи полной адекватности при частичной эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу.....	161
3.2.3. Случаи отсутствия адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу	174

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	192
ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3	I

СПИСОК ТАБЛИЦ В ДИССЕРТАЦИИ

Таблица 1.1. Классификация частных видовых значений, разработанная А.В. Бондарко	27
Таблица 1.2. Классификация частных видовых значений, разработанная авторами Русской грамматики -1980	28
Таблица 1.3. Классификация частных видовых значений, ...	35
разработанная Ю.С. Масловым	35
Таблица 1.4. Классификация частных видовых значений, ...	36
Разработанная Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым	36
Таблица 1.5. Классификация частных видовых значений, разработанная М.А. Шелякиным в виде таблицы	40
Таблица 1.6: Классификация видо-временных значений, ...	59
развиваемая А.В. Бондарко	59
Таблица 1.7: Описание видовых значений через наборы признаков	64
Таблица 1.8: Классификация видо-временных значений, ...	67
выявленных Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым	67

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

1. Категория вида традиционно рассматривается как одна из центральных более сложных в морфологической системе русского глагола. Она выражает особенности представления действия во времени через противопоставление форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Согласно Русской грамматике 1980, СВ характеризуется ограниченностью целостного действия пределом, а НСВ – неограниченностью нецелостного действия.

Особую трудность представляет анализ так называемых частных видовых значений, возникающих на стыке категориальных характеристик и контекстуальных условий. М.А. Шелякин определяет их как «речевые варианты общих значений видов», а А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев – как значения, формируемые в определенных контекстах. Исследователи (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Е.В. Падучева и др.) предлагают различные типологии, однако единой классификации до сих пор не существует: одинаковые явления описываются разными терминами, а один и тот же термин нередко трактуется по-разному.

Сложность анализа усиливается взаимодействием категории вида и времени. Так, наличие в русском языке особых видо-временных форм стало предметом дискуссий. Традиционная точка зрения (В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов и др.) признает их комбинациями видовых и временных характеристик (открывал, открыл, открываю, открою, буду открывать). Новый подход, предложенный А. Зализняк и А.Д. Шмелевым, исходит из того, что ряд значений НСВ в настоящем времени следует относить не к виду, а к особым видо-временным формам, поскольку здесь невозможно отделить видовую семантику от темпоральной.

Современные исследования все чаще обращаются к функциональному подходу: анализ видовых и видо-временных форм в масштабе текста

позволяет выявить их специфические функции, не сводимые к уровню отдельного предложения [Шендельс, 1987]. Таким образом, проблема интерпретации видовой семантики остается одной из наиболее актуальных в русской аспектологии.

2. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» сразу после выхода в 1842 году произвела на современников глубокое потрясение и оказала колоссальное влияние на русскую культуру. Ее обсуждали критики, писатели и широкая публика, а само произведение называли «энциклопедией русской жизни», с сатирической силой обнажавшей социальные язвы общества.

Популярность книги была огромной: ее читали в литературных кружках, переписывали отрывки и цитировали героев. Критики называли Гоголя «смехотворцем и пророком», а его поэму - «книгой о судьбе России». Уже в XIX веке «Мертвые души» стали обязательным чтением и во многом определили развитие критического реализма в русской литературе.

Значение «поэмы в прозе» не ограничилось Россией. Первый том «Мертвых душ», законченный в 1842 году, был переведен на немецкий уже к 1846-му, на чешский - в 1849-м, а на английский - в 1854-м. Исследователь И. Золотуский считал, что именно Гоголь первым открыл русской литературе дорогу в мировую культуру, сделав ее частью общеевропейского процесса.

В странах Дальнего Востока знакомство с поэмой произошло позже. Первый перевод на японский появился лишь в 1917 году, а в Китае - в 1935-ом. Его выполнил Лу Синь, опираясь на немецкие и японские тексты. С тех пор в Китае вышло 17 разных переводов, а в Японии - 6. Это красноречиво говорит о значимости произведения для культур этих стран. Китайские переводчики стремились преодолеть культурные и языковые барьеры, добиваясь качества, сопоставимого с оригиналом.

Во Вьетнаме «Мертвые души» появились еще позже. Перевод был осуществлен лишь в 1965 году Хоанг Тхиеу Шоном на основе французской версии Анри Монго. Этот перевод остается единственным во вьетнамской

культуре и был переиздан только спустя 30 лет - в 1993 году, а затем еще раз в 2001 году издательством «Литература». К сожалению, прямого перевода с русского на вьетнамский до сих пор не существует. По-прежнему используется единственный вьетнамский перевод, выполненный с французского издания. Наличие переводов этого известного русского произведения на разные языки открывает широкие возможности для развития типологии категории вида, в частности для изучения аспектуальных значений и способов их выражения в различных языках мира.

Учитывая широкую известность произведения и его многоуровневую структуру, анализ функционирования категории вида в «Мертвых душах» приобретает особую значимость. Поэма насыщена разнообразными видовыми и видо-временными формами, которые Гоголь использует не только для описания событий, но и для создания сложных художественных эффектов - сатиры, гротеска, психологической характеристики персонажей. Изучение этих форм в контексте текста позволяет глубже понять художественный замысел автора, а также выявить закономерности взаимодействия вида и времени на уровне целого произведения. Кроме того, распространенность переводов на различные языки, включая опосредованные, открывает широкие возможности для социолингвистического анализа. Исследование позволяет выявить, каким образом особенности аспектуальной системы русского языка отражаются в переводах с учетом социального и культурного контекста языков-получателей, а также какие языковые трансформации происходят в результате межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Особый интерес представляет сопоставление стратегий передачи видовых значений в зависимости от традиций перевода, статуса языка, целевой аудитории и функциональных норм речевого поведения в различных языковых сообществах. Таким образом, «Мертвые души» становятся не только объектом литературоведческого интереса, но и ценным материалом для русской и типологической аспектологии, связывая теоретические положения о категории вида с их практическим проявлением в конкретном тексте.

3. Косвенный перевод (indirect translation) уже давно является объектом исследования переводоведения. Ученые всего мира посвятили множество трудов изучению косвенного перевода, рассматривая его как предмет известного в переводоведении подхода - оценки качества перевода.

Согласно Дж. Хаус [Хаус, 1997], важнейшим критерием оценки перевода является функциональная эквивалентность (functional equivalence) перевода (прямого или косвенного) по отношению к оригиналу: перевод оценивается не только с точки зрения передачи содержания, но и с точки зрения восприятия читателем перевода. Эта позиция Хаус во многом совпадает с мнением В.Н. Комиссарова (2002), который выделяет два ключевых критерия оценки качества перевода: адекватность и эквивалентность. Оба исследователя считают, что качественный перевод - это такой перевод, который одновременно обеспечивает полное соответствие оригиналу в содержании и средствах выражения и сохраняет авторский стиль, подтекст и имплицитные смыслы. Иными словами, читатель перевода должен воспринимать не только информацию, но и авторский замысел, идеи и художественные приемы оригинала.

Польский исследователь Х. Пьента и австрийский ученый Э. Пим акцентируют внимание на феномене «потерь» и «приобретений» косвенного перевода, а также вводят понятие «управление рисками» (risk management), когда переводчик вынужден подбирать такие средства, которые позволят компенсировать (компенсация) расхождения и несоответствия перевода оригиналу с целью достичь максимально возможного эффекта восприятия у читателя.

Существует множество практических исследований, посвященных анализу «приобретений» и «потерь» в косвенных переводах: переводах произведений с португальского языка на русский через немецкий, оценке качества передачи значений имен собственных при переводе восточных языков на русский через английский, а также переводов зарубежной

литературы (прежде всего англоязычной) на таджикский язык через русский и др. Эти исследования показывают, что, с одной стороны, косвенный перевод влияет на фонетическую систему языка перевода и приводит к появлению заимствований из языка-посредника, а с другой - именно косвенный перевод зачастую был наилучшим способом в конкретных историко-культурных условиях, позволяющим познакомить национального читателя с зарубежной литературой и стимулировать культурный обмен.

Оценка косвенного перевода особенно актуальна при анализе категории вида, поскольку эта грамматическая категория обладает высокой степенью языковой специфики и зачастую не имеет прямых эквивалентов в других языках. При опосредованной передаче аспектуальных значений - особенно через французский или английский языки - возникает риск утраты функциональных и семантических нюансов. Это особенно важно в случае с «Мертвыми душами», где видовые формы нередко играют ключевую роль в раскрытии авторской иронии, построении гротескных характеристик, изображении внутреннего состояния персонажей и общего темпо-ритмического рисунка текста.

Анализ косвенного перевода позволяет не только выявить степень утраты (или сохранения) видовой семантики, но и оценить, насколько успешно реализуются функции видо-временных форм в инокультурной интерпретации. Это особенно значимо в случае вьетнамского перевода «Мертвых душ», выполненного не напрямую с русского, а с французского языка, что открывает исследовательские перспективы: сопоставление оригинального текста и вьетнамского финального варианта дает богатый материал для изучения механизмов опосредованного отражения русской аспектуальности и адаптационных стратегий переводчика.

Следовательно, социолингвистический подход позволяет глубже понять, каким образом функционирует категория вида в художественном тексте, как она переносится в другие языки и какие формы трансформации она претерпевает в условиях опосредованного перевода.

Таким образом, актуальность предпринятого исследования обусловлена следующими факторами:

1. Необходимостью поиска нового подхода к выявлению особенностей аспектуальной семантики русского глагола, формирующейся в тесной взаимосвязи с грамматической категорией темпоральности;

2. Потребностью осмысления видовых значений русского глагола в связи с проблемами интерпретации видовых и видо-временных форм на уровне целого художественного текста, с задачей выявления художественного потенциала видовых и видо-временных форм;

3. Возрастающим интересом к вопросу оценки степени адекватного восприятия семантических тонкостей русского вида носителями языка косвенного перевода.

Цель исследования

Цель – осуществить социолингвистический анализ аспектуальной категории русского языка, ориентированный на выявление их семантических и прагматических особенностей в художественном тексте с учетом оценивания степени их адекватной передачи в переводе.

Задачи исследования

Эта цель привела к формулировке и решению следующих исследовательских задач:

1. Охарактеризовать основные аспектологические концепции, сложившиеся в современной лингвистической науке, и разработать подход к описанию частных видовых и видо-временных значений;

2. Охарактеризовать прагматические и социолингвистические особенности функционирования глаголов СВ и НСВ в оригинальном тексте поэмы «Мертвые души» с учетом разнообразия композиционно-речевых форм, представленных в произведении;

3) Выявить наличие / отсутствие тенденций, определяющих использование глагольных форм с теми или иными аспектуальными

характеристиками в различных коммуникативно-речевых типах повествования;

4) Оценить степени адекватности и эквивалентности перевода на вьетнамский язык оригиналу «Мертвые души»;

Материал исследования

Материалом исследования является поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». В данной работе в качестве источника материала используется версия книги, опубликованная издательством «Эксмо» в 2010 году.

Чтобы оценить степень реализации полных парадигм частных видовых значений в конкретном тексте и охарактеризовать художественный потенциал различных видовых форм, из первой главы поэмы методом сплошной выборки отобраны 299 контекстов. Чтобы проверить, существуют ли какие-либо тенденции, определяющие зависимость репрезентации определенных видовых значений от композиционно-речевого типа повествования, осуществлена выборка глагольных форм из лирических отступлений, диалогов, вставных эпизодов и описаний (1334 единицы соответственно).

Объект исследования

Объектом исследования является система видовых значений и видовое употребление русских глаголов, представленных в художественном тексте Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Предмет исследования

Предметом исследования служат семантические особенности и функционирование русского глагольного вида в произведении «Мертвые души» и их передачи на вьетнамский язык.

Гипотеза исследования

В поэме «Мертвые души» видовые формы организуют повествование как систему стабильных прагматико-семантических функций (фоновость/процессуальность, результативность, неоднократность, общефактичность), распределенных по речевым типам и ролям персонажей.

При косвенном переводе (русский → французский → вьетнамский) эти функции претерпевают системные трансформации: часть нейтрализуется, часть компенсируется лексико-синтаксическими маркерами, причем профиль потерь/замещений предсказуем и зависит от медиаторного языка и жанрового фрагмента. Следовательно, измеримые сдвиги в передаче частных видовых значений коррелируют с социолингвистическими параметрами реципиента и стратегией переводчика.

Если разработать корпусные метрики адекватности/эквивалентности, то можно выявить закономерности и предложить воспроизводимые приемы компенсации видовой семантики. Ожидается, что наибольшие искажения придется на повествовательные описания и иронический нарратив в авторском дискурсе.

Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в следующем.

1. Впервые осуществлено систематическое сопоставление различных классификаций частных видовых и видо-временных значений русского глагола, выявлены и типизированы зоны сходства и различия в имеющихся интерпретациях, осмыслены возможности использования предложенных подходов для решения задач типологического характера.

2. Разработан ономаσιологический подход к описанию видовой семантики глагольной словоформы, позволяющий репрезентации частных видовых значений в конкретном произведении.

3. Впервые во вьетнамской русистике предпринимается попытка оценить качества косвенного перевода, которая помогает заново заглянуть на природу вида русского языка, те ее особенности, которые могут быть сохранены или утрачены в результате многоступенчатой передачи.

Теоретико-методологическая основа исследования

Методологической основой исследования являются работы российских и зарубежных авторов в области социолингвистики, аспектологии русского

глагола, теории речевых актов и переводоведения: В.А. Аврорина, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, Л.П. Крысина, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, М.М. Бахтина, В.И. Карасика, В.Н. Комиссарова, У. Лабова, Д. Хаймса, Дж. Фишмана, Дж. Гамперца, Э. Гоффмана, Дж. Остина, Дж. Хаус, Нгуен Ван Кханг, Нгуен Хоа, До Хыу Чау, Зиеп Куанг Бан, Нгуен Ким Тхан, Као Суан Хао, Чан Нгок Тхем, Чан Тхонг, Хоанг Фе.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей применяются следующие **методы** и **методики** исследования: метод комплексного лингвистического описания, включающий приемы обобщения, сравнения, интерпретации и классификации материала; метод лингвистического эксперимента.

Положения, выносимые на защиту

1. Проблема выявления и классификации частных видовых значений, остающаяся предметом дискуссий в русской аспектологии, может быть решена с помощью ономаσιологического подхода, который способствует систематизации различных точек зрения и различий в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола. Использование ономаσιологического подхода представляется особенно перспективным в отношении социолингвистического аспекта, поскольку дает возможность преодолеть терминологический разнобой и представить объект сравнения максимально прозрачно: от комплекса семантических признаков к средствам их выражения в сопоставляемых языках.

2. Разработанный подход позволяет также уточнить сложные взаимоотношения категорий вида и времени. Различие терминологических характеристик, используемых по отношению к разным временным формам глагола (ср. *актуальное настоящее – прошедшее несовершенного конкретного единичного действия – будущее несовершенного конкретного единичного действия*), создает впечатление, что речь идет о разных частных видовых значениях. Применение ономаσιологического подхода

демонстрирует, что в таких случаях набор видовых признаков {‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ временная локализованность действия’} сохраняет свое тождество – он просто «перемещается по временной шкале». Иначе говоря, мы имеем дело не с разными значениями, а с простым сдвигом временной отнесенности. Это решение, в свою очередь, является дополнительным аргументом в пользу признания видо-временной формы.

3. Функционирование видовых форм в гоголевской поэме «Мертвые души», с одной стороны, подчиняется общим закономерностям употребления таких форм в нарративе, с другой, отражает специфическую черту авторской манеры – установку на обобщение, – которая наиболее ярко воплощается в описаниях и лирических отступлениях. Обеспечивая выражение идеи генерализации, формы НСВ и видо-временные формы, реализующие значение постоянного отношения и атемпоральное значение, (наряду с другими языковыми средствами) конструируют особый образ мира, в котором отдельное и зачастую незначительное бытовое событие может оказаться некой универсальной константой русского бытия.

4. Оценка качества косвенного перевода на вьетнамский язык с русского через французский показывает, что подобная практика, с одной стороны, обеспечивает доступность текста для вьетнамского читателя в условиях отсутствия прямого перевода, а с другой - неизбежно влечет за собой искажения авторского замысла. С социолингвистической точки зрения такие искажения обусловлены не только лингвистической трансформацией, но и сдвигами в коммуникативных нормах и культурных установках: в каждом языке прочно укоренены определенные поведенческие сценарии, риторические стили и прагматические ожидания. При косвенном переводе передается не только языковая структура, но, предполагается, и следы социокультурной интерпретации промежуточного языка - в данном случае французского, - что может привести к «двойной фильтрации» исходного текста. Это особенно актуально для произведений с ярко выраженной

стилизацией или национально маркированным содержанием, как, например, в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, где коммуникативный стиль, юмор и сатирические интонации тесно связаны с российской социокультурной действительностью XIX века.

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы заключается в следующем:

1. Углубляется понимание семантики вида в типологическом аспекте;
2. Обосновывается важность контекстуальных факторов в интерпретации видовых значений;
3. Формируется многоуровневая модель анализа аспектуальности в художественном тексте;
4. Предлагаются новые подходы к оценке сохранности видовой семантики в условиях косвенного перевода, в том числе для языков, не имеющих категории вида как грамматической;
5. Создается основа для дальнейших исследований функциональной эквивалентности аспектуальных форм в художественном переводе.

Практическая ценность исследования

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в учебном процессе вузов филологического и лингвистического профиля, а также в системе подготовки переводчиков.

Во-первых, исследование может служить теоретической базой для преподавания морфологии русского языка, особенно в рамках разделов, посвященных глагольному виду, видо-временным формам и их функциональному анализу. Обобщенный материал может быть использован в стандартных и углубленных курсах по русскому языку как иностранному.

Во-вторых, полученные выводы могут быть положены в основу разработки специальных курсов и учебных пособий по теории и практике перевода, в частности в аспекте оценки качества перевода и анализа косвенного перевода. Это особенно актуально для языков, где отсутствует категория вида, как, например, во вьетнамском, а также в ситуации, когда

перевод осуществляется через язык-посредник (например, с русского на вьетнамский через французский).

Особую ценность представляет возможность создания новой учебной дисциплины в рамках программ подготовки преподавателей и переводчиков в Институте иностранных языков при Ханойском государственном университете (ИИЯ ХГУ), ориентированной на:

- обучение студентов основам аспектуального анализа текста;
- формирование навыков выявления и интерпретации видовых значений в оригинале и переводе;
- освоение методов оценки качества художественного перевода, включая косвенные переводы;
- развитие критического мышления при работе с многоступенчатыми переводческими траекториями.

Таким образом, результаты настоящего исследования могут быть интегрированы в образовательные программы по русскому языку и русской культуре, а также в курсы по межкультурной коммуникации, теории перевода и переводоведческому анализу. Это способствует не только улучшению качества подготовки специалистов, но и расширяет горизонты преподавания русской филологии во Вьетнаме.

Апробация исследования

Основные положения кандидатской диссертации отражены в выступлениях на разных научных конференциях: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «XX Семеновские чтения» (Якутия, 2023, 2024); Международная научная конференция магистрантов и аспирантов ИИЯ при ХГУ 2024 года IRGS (Ханой, 2024), Hội thảo khoa học quốc gia “Giáo dục ngoại ngữ trong hệ thống giáo dục quốc dân” trong khuôn khổ chuỗi Hội thảo khoa học UNiC2025. Основные теоретические положения диссертации нашли свое отражение в десяти публикациях, из них шесть – в журналах, рецензируемых ВАК и престижных вьетнамскоязычных журналах.

Структура диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы и приложения.

Первая глава содержит обзор теоретических положений и научных исследований, внесших вклад в изучение частных видовых значений и видо-временных форм русского глагола. В ней рассматриваются основные подходы к интерпретации грамматической категории вида, а также предпринимается попытка описания семантических признаков, лежащих в основе отдельных аспектуальных значений.

Вторая глава посвящена анализу функционирования категории вида в художественном тексте: проводится семантический разбор глагольных форм, отобранных из первой главы поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», с целью выявления типичных частных видовых значений, соотнесенных с различными композиционно-речевыми типами.

В третьей главе рассматривается феномена косвенного перевода в перспективе оценки его качества. Предпринимается попытка оценить степени адекватности и эквивалентности перевода оригиналу в плане передачи видовой семантики.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются полученные результаты и обозначаются перспективные направления дальнейшей работы.

ГЛАВА 1:

ВИД КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Социолингвистика как теоретическая база при изучении видовой семантики

Социолингвистика занимает в современном языкознании ключевое место, так как рассматривает язык не только как систему знаков, но и как социальное явление, включенное в сеть общественных отношений. Как отмечал В.А. Аврорин, *«язык - это не просто средство общения, а важнейший общественный институт, тесно связанный с социальной структурой и функциями общества»* [Аврорин, 1975, с. 14]. Через призму социолингвистики язык предстает индикатором групповой принадлежности, социального статуса, гендерных и возрастных ролей, профессиональной и региональной идентичности, а также инструментом поддержания иерархий и норм вежливости.

Для анализа социально значимых аспектов языка социолингвистика опирается на две взаимосвязанные области - семантику и прагматику. Семантика отвечает за «что выражено» - значения слов и грамматических категорий, включая социально маркированные элементы, такие как обращения, титулы, регистровая лексика или видо-временные значения. Прагматика отвечает за «как и зачем это сказано» - интерпретацию высказывания в контексте целей говорящего, социальных ролей и норм уместности. Как писал Д. Хаймс, *«знание языка - это не только знание грамматики, но и знание того, как говорить уместно»* (Хаймс, 1972, с. 277).

Без семантического анализа невозможно выявить, какие социальные категории кодируются в языке, а без прагматического - объяснить, как эти категории реализуются в конкретных актах общения. Именно на стыке семантики и прагматики формируется понимание того, каким образом

языковые формы не просто обозначают действия, но и конструируют социальные отношения. Это особенно важно для изучения категорий времени и вида, которые несут не только грамматический, но и социально-прагматический смысл: выбор между завершенностью и процессуальностью действия часто связан с жанром текста, речевым портретом персонажа или стратегией вежливости.

1.1.1. Семантика как основа социолингвистики

Семантика является фундаментальным направлением современного языкознания, изучающим значения языковых единиц, их структуру, системные отношения и правила сочетания в рамках высказывания. Она отвечает на вопрос «что выражено в языке», тогда как прагматика рассматривает «как и зачем это выражено». Для социолингвистики семантика особенно важна, поскольку многие языковые значения включают социальные компоненты, отражающие статус участников общения, профессиональную и региональную идентичность, а также культурно-исторические различия. Через семантический анализ выявляется, как в языке закодированы социальные роли и категории, формируются модели «социального смысла».

Ч. Моррис в «Foundations of the Theory of Signs» (1938) выделил три аспекта: синтактику, семантику и прагматику, подчеркнув, что социальные значения неразрывно связаны с тем, кто и как использует языковые формы.

В отечественной лингвистике значительный вклад внес Ю.Д. Апресян, разработавший теорию «системного описания значений», где каждое значение рассматривается как элемент наивной картины мира, закрепленной в языке. Он отмечал, что язык содержит не только нейтральные, но и социально маркированные компоненты, позволяющие выразить принадлежность к группе, уважение, дистанцию или стереотипы.

В рамках аспектологии выделяется понятие семантики вида, рассматривающее значения видовых форм (совершенного и несовершенного вида в русском языке и их аналогов в других языках) как систему

семантических категорий. Видовые формы выражают не только временную структуру, но и социальный контекст: в официальной речи преобладает совершенный вид, фиксирующий результат и социальный контроль (*Заседание состоялось. Решение принято.*), тогда как в неформальной и художественной коммуникации чаще встречается несовершенный вид, создающий эффект процесса и вовлеченности (*Он входит, здоровается, садится*).

Таким образом, семантика вида выступает не только грамматическим, но и социальным явлением, поскольку выбор видовой формы связан с регистрами речи и статусом участников коммуникации. А.В. Бондарко рассматривал вид как систему функционально-семантических категорий, включающую значения длительности, результата, повторяемости, а Ю.С. Маслов выделял ядерные значения вида - процессуальность и предельность - и отмечал их социальную вариативность.

Вьетнамские лингвисты трактуют аспектуальные маркеры как средства выражения не только временной перспективы, но и социального контекста [Чан Тхонг, 1982]. Следовательно, семантика вида является основой для социолингвистического анализа, позволяя рассматривать грамматические формы как носители социально значимых смыслов и инструмент для описания коммуникативных стратегий в различных культурах.

1.1.2. Прагматика и ее связь с социолингвистикой

Прагматика представляет собой важнейшее направление современного языкознания, которое изучает употребление языка в контексте, а также то, как значение высказываний формируется под воздействием коммуникативных целей, социальных ролей участников общения и конкретных ситуаций взаимодействия. Если семантика отвечает на вопрос «что выражено в языке», то прагматика раскрывает «как и зачем это сказано», то есть каким образом языковые средства превращаются в инструмент действия.

Дж. Остин, один из основоположников прагматики, в своей работе «How to Do Things with Words» [Остин, 1962] впервые сформулировал идею,

что любое высказывание является не только носителем информации, но и действием, совершаемым в процессе общения. Он выделил три уровня анализа: локутивный акт (само произнесение высказывания), иллокутивный акт (действие, совершаемое через высказывание: просьба, приказ, обещание) и перлокутивный акт (эффект, который высказывание производит на адресата). Например, фраза «*Закройте, пожалуйста, окно*» может иметь иллокутивную силу просьбы, а ее перлокутивный эффект будет зависеть от того, выполнит ли собеседник это действие.

Дж. Серль развил теорию речевых актов, предложив классификацию иллокутивных актов (директивы, комиссивы, декларативы, экспрессивы и репрезентативы), что стало важным шагом в понимании того, как социальные отношения и роли участников определяют форму и силу речевых действий.

Вклад прагматики в развитие социалингвистики заключается в том, что она позволяет анализировать не только формальную структуру языка, но и социальные условия его использования. Американский социалингвист Д. Хаймс предложил концепцию коммуникативной компетенции, утверждая, что знание языка включает не только грамматические правила, но и умение говорить уместно в конкретной социальной ситуации. По его модели, успешная коммуникация возможна лишь тогда, когда говорящий учитывает параметры ситуации общения: кто говорит, кому, о чем, где, когда и с какой целью. Этот подход лег в основу современных моделей анализа речи, в которых прагматика и социалингвистика взаимодополняют друг друга.

Особое значение прагматический подход приобретает в изучении категории вида. Видовые формы русского языка (совершенный и несовершенный вид) имеют не только временную и аспектуальную семантику, но и важную прагматическую нагрузку, связанную с коммуникативными задачами говорящего. Например, выбор между «*я читал книгу*» и «*я прочитал книгу*» зависит не только от того, завершено действие или нет, но и от того, какое впечатление хочет произвести говорящий:

подчеркнуть процесс или результат, продемонстрировать вовлеченность или официальность.

В художественной речи историческое настоящее (*он входит, здороваётся, садится*) используется как прагматический прием, создающий эффект присутствия и эмоциональной вовлеченности.

В официальных текстах этот прием, напротив, практически не встречается, что отражает социальную дифференциацию видовых форм. Таким образом, выбор вида становится маркером не только грамматического значения, но и стиля, жанра и регистра речи.

Прагматика позволяет объяснить, почему одно и то же видовое значение реализуется по-разному в зависимости от социального контекста. Например, в административных документах и отчетах преобладают глаголы совершенного вида, выражающие завершенность и контроль. В неформальной беседе чаще встречаются глаголы несовершенного вида, которые подчеркивают процессуальность и эмоциональную близость (*Я думал о тебе вчера. Он все смеялся и шутил.*).

В социолингвистическом анализе прагматика вида рассматривается как ключ к пониманию того, как грамматические формы вплетаются в социальную ткань общения. Выбор видовой формы определяется не только внутренними правилами языка, но и социальными нормами, жанровыми особенностями текста и прагматическими стратегиями говорящего.

Например, использование совершенного вида в публичной речи политика может сигнализировать решительность и контроль (*Мы приняли закон, мы построили школу*), в то время как переход к несовершенному виду смягчает высказывание и создает эффект открытости (*Мы думаем, мы работаем, мы строим*). Таким образом, прагматика позволяет увидеть, что вид - это не просто грамматическая категория, а средство социального воздействия и конструирования реальности.

Прагматический подход также необходим для анализа косвенного перевода. При передаче текстов через язык-посредник часто теряются

прагматические эффекты, связанные с видовой категорией. Например, русское историческое настоящее может быть механически переведено на язык-посредник в прошедшем времени, что приведет к утрате эффекта динамики и вовлеченности. Вьетнамский переводчик, работая с таким текстом, должен учитывать не только видовую семантику, но и прагматику: где важнее сохранить результат, а где - процесс, где подчеркнуть официальный тон, а где - эмоциональное погружение.

Таким образом, прагматика служит связующим звеном между грамматическими формами и социальными функциями языка. Она объясняет, как выбор видовой формы становится частью коммуникативной стратегии, как через язык строятся иерархии и поддерживаются социальные нормы. Взаимосвязь прагматики и социолингвистики открывает путь к комплексному анализу речи, в котором грамматика, социальный контекст и коммуникативные цели образуют единую систему.

1.1.3. Интеграция семантики и прагматики в социолингвистике

Теория социолингвистики опирается на два ключевых подхода к анализу языковых явлений - семантический и прагматический, которые взаимно дополняют друг друга. Семантический подход позволяет выявить, какие значения закодированы в языке, как они структурированы и какие социальные категории они отражают. В частности, в исследовании видовых форм глаголов семантика рассматривает их как систему значений, выражающих временную перспективу, результативность, процессуальность или повторяемость действия. Прагматический подход, напротив, фокусируется на функциях глаголов в реальном речевом употреблении, то есть на том, как эти значения используются говорящими для достижения коммуникативных целей. В анализе литературных произведений прагматика позволяет исследовать, каким образом выбор видовой формы передает не только структуру действия, но и социальные характеристики персонажей - их статус, дистанцию, эмоциональную вовлеченность, а также особенности

жанра и стиля текста. Таким образом, социолингвистика соединяет семантический анализ значения глаголов с прагматическим анализом их функционирования в художественной речи.

Важный вклад в развитие интеграции семантики и прагматики внес У. Лабов, основатель вариационной социолингвистики. В своих исследованиях он показал, что выбор языковых форм систематически коррелирует с социальными параметрами - классом, возрастом, полом, профессией говорящего, а также с конкретной ситуацией общения. У. Лабов доказал, что вариативность языка не случайна: за ней стоят устойчивые социальные закономерности. Его подход особенно важен для анализа видовых форм, так как выбор между совершенным и несовершенным видом также зависит от жанра, стиля и прагматических целей. Например, в официальной речи статистически чаще встречаются глаголы совершенного вида, а в художественной - несовершенного.

1.1.4. Применение интегрированного подхода в переводоведении

Перевод - это не только передача значений слов и грамматических конструкций, но и сохранение социальных смыслов и прагматических функций, которые формируют ткань текста и влияют на восприятие персонажей, ситуации и культурного контекста. В художественных произведениях язык выступает как социальный маркер: через него передаются различия в статусе и ролях участников коммуникации, а также создаются эффекты эмоциональной вовлеченности, иронии или дистанции.

Когда перевод осуществляется напрямую, у переводчика есть возможность работать с оригинальными маркерами и прагматическими сигналами. Однако при косвенном переводе (через язык-посредник) эти элементы часто теряются или искажаются, что особенно заметно в классических произведениях, насыщенных культурно специфичными деталями.

Для точного анализа подобных утрат и искажений применяется интегрированный подход, сочетающий семантический и прагматический уровни анализа. Этот подход включает несколько шагов:

- Создание параллельного корпуса, где оригинальный текст и финальная версия размещены в сопоставимых фрагментах.

- Семантическая аннотация оригинала: выделение маркеров статуса (обращения, местоимения), аспектуальных форм, нарративных средств и ключевых единиц лексики.

- Сопоставление промежуточного текста и финального перевода: анализ того, как утраты усилились или компенсировались при переходе на целевой язык.

- Оценка итогового перевода на двух уровнях - семантическом и прагматическом - с классификацией потерь.

Оценка степени адекватности и эквивалентности перевода должна осуществляться на нескольких уровнях:

Семантический уровень - сохранены ли значения завершенности, предельности, повторяемости? Первостепенной задачей является определение, сохранились ли значения завершенности, предельности, повторяемости, процессуальности и других аспектуальных признаков. Поскольку в русском языке они выражаются грамматически, а в языке перевода - контекстуально или лексически, семантический сдвиг становится почти неизбежным.

«Категории, не имеющие прямых формальных аналогов в языке перевода, требуют эксплицитной передачи своих значений, иначе теряется смысловая глубина оригинала» [Пиента, 2013, с. 98].

Функциональный уровень - передает ли перевод прагматическую и стилистическую функцию глагольной формы? Здесь речь идет о том, сохраняется ли коммуникативная функция видовой формы: результативность, фокус на процессе, эмоциональная окраска. По Дж. Хаус, перевод должен быть оценен по способности воспроизвести ту же функцию в тексте перевода, а не только формальное значение [Хаус, 1997, с. 121].

Текстовый уровень - сохраняется ли ритм, структура, логика событийности? Следует оценить, сохраняется ли внутренняя логика событий,

темпоральная связность, ритм и структура повествования, особенно при передаче последовательных аспектуальных действий.

«При переводе художественного текста ритм, структура и последовательность действий играют не меньшую роль, чем лексика. Нарушение видовой системы влечет искажение общей текстовой динамики» [Швайер, 2000, с. 174].

Культурный уровень - Наконец, важен вопрос: адаптирован ли глагол к восприятию читателя другой культуры и сохранен ли авторский замысел, включая иронию, сатиру, экспрессивность. По мнению Л. Венути, важно сохранять «инаковость» оригинала, а не подстраивать текст под целевую культуру, особенно в классической литературе [Венути, 1995, с. 20].

«Задача переводчика не в том, чтобы «пригладить» оригинал, а в том, чтобы передать его культурное сопротивление - даже ценой нарушения норм целевого языка» [Венути, 1995, с. 23].

Интегрированный подход особенно полезен при работе с классическими произведениями, где важно сохранить не только сюжет, но и социальную ткань текста. Например, в сцене официального приема каждый участник разговаривает на своем социально обусловленном языке, и именно через этот контраст автор передает критику общества или характеристику персонажей. Если в финальном переводе эти различия исчезают, то вместе с ними исчезает и глубинный смысл произведения.

Таким образом, интегрированный подход открывает новые возможности для переводоведения, особенно при изучении косвенных переводов. Он позволяет не только оценить качество перевода, но и глубже понять, как языковые значения и прагматические эффекты взаимодействуют с культурным контекстом, и каким образом переводчик может сохранять социальную многослойность текста, даже работая с промежуточным источником.

Подведем некоторые итоги.

В настоящем исследовании категория глагольного вида рассматривается путем социолингвистического подхода. Эти направления последовательно раскрываются в структуре каждой главы диссертации, обеспечивая целостный и многоуровневый анализ видовых значений как в системе русского языка, так и в контексте их трансляции во вьетнамский язык.

В первой главе акцент сделан на аспектологических основаниях анализа. Рассматриваются ключевые концепции русской видовой системы в рамках функционально-семантической парадигмы (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, А.Д. Шмелев и др.), а также уточняются условия реализации частных видовых значений в зависимости от лексической семантики, синтаксической позиции и контекста.

Вторая глава фокусируется на прагматическом и социолингвистическом измерении категории вида в художественном дискурсе. Вид трактуется как маркер интенции, модальности, речевой стратегии и как средство моделирования поведенческих сценариев. Особое внимание уделяется отражению социокультурных норм в выборе видо-временных форм, а также их восприятию и интерпретации носителями других языков. Анализ выявляет значимость видовых форм как средств концептуализации реальности и манифестации авторской позиции в тексте, что особенно важно в контексте межкультурной коммуникации.

В третьей главе рассматриваются семантико-прагматические аспекты передачи видовой семантики, с особым акцентом на специфику косвенного перевода. Теоретической основой служат современные концепции перевода - теория эквивалентности, функциональный подход, стратегии компенсации и риск-менеджмента (В.Н. Комиссаров, Дж. Хаус, Э. Пим, Х. Пьента). Перевод трактуется как акт интеркультурной медиации, в процессе которого видовая семантика подвергается как лингвистическим, так и прагматико-культурным трансформациям. Анализ охватывает как семантические сдвиги, так и

прагматические и стилевые потери или адаптации, особенно в ситуациях опосредованной передачи.

Таким образом, каждая глава исследования демонстрирует продуктивность социолингвистического подхода, что обеспечивает многоуровневую интерпретацию глагольной видовой семантики в оригинале и ее трансформаций в процессе перевода, как прямого, так и опосредованного. Такой подход позволяет рассматривать категорию вида не только как формально-грамматическое явление, но и как универсальный когнитивно-дискурсивный механизм, значимый для понимания и воспроизведения коммуникативных сценариев в разных языках и культурах.

1.2. Обзор аспектологической литературы: частные видовые значения в свете современных аспектологических освещений

Изучение вида как морфологической категории имеет в виду целый ряд проблем, одной из которых является определение инвариантного значения СВ и НСВ.

Одна из удачных, на наш взгляд, попыток систематизации различных подходов к определению граммем СВ и НСВ представлена в работе Е.В. Петрухиной (см. [Петрухина, 2009]). Автор наглядно демонстрирует, что «все названные подходы¹ к изучению вида не противоречат друг другу, а лишь акцентируют разные стороны и свойства категориального содержания видов» [Петрухина, 2009, с. 53].

Таким образом, по мнению исследователя, предлагаемые в современной лингвистике определения категориальной семантики совершенного вида – такие как «целостность», «достижение предела», «завершенность», «результат», «смена ситуации», «возникновение новой ситуации», «начало новой ситуации» – представляют собой различные интерпретации одного и того же базового понятия, имеющего категориальный

---

¹ Они обозначены терминами «признаковый», «толковательный», «таксономический» и «текстовый».

статус для русского вида: понятия предела, понимаемого как временная граница действия. [Петрухина, 2009, с. 60].

Анализируя граммы глаголы в типологической перспективе, В.А. Плуноян подчеркивает, что «при всем разнообразии аспектуальных категорий, у них есть одно общее свойство – собственно, то, что и позволяет рассматривать их как элементы единого класса. Это свойство сводится к тому, что аспектуальные категории определяют ситуацию с точки зрения *характера ее протекания во времени* (длительности, ограниченности, наличия результата и т.п.). В отличие от категорий времени и таксиса, аспект никак не связан с внешней по отношению к данной ситуации «точкой отсчета» (будь то момент речи или какая-то произвольная ситуация); он характеризует лишь особенности внутренней динамики самой ситуации, и потому уже в ранних работах по аспектологии вид метафорически определялся как «внутреннее время глагола» [Плуноян, 2011, с. 377].

Именно в таком ключе понимается категория вида в настоящей работе.

Говоря о значении видов в целом, мы, как отмечалось во Введении, имеем в виду их общее и частные значения. «Общее», или «инвариантное» значение каждого из видов – это «значение, которое можно было бы приписать всем глаголам данного вида во всех типах употреблений» [Зализняк, Шмелев 2000, 18]. Согласно РГ-1980, глаголы совершенного вида обозначают ограниченное пределом целостное действие, глаголы несовершенного вида, наоборот, не обладают признаком ограниченного пределом целостного действия. Это и есть общее семантическое содержание каждого из видов.

Частные видовые значения – это «значения, выражаемые глаголом того или другого вида в определенных контекстных условиях» [Зализняк, Шмелев 2000, 27]. Частные видовые значения, как пишет А.В. Бондарко, представляют собой конкретную реализацию видового семантического потенциала.

В русской аспектологической традиции вопрос о выявлении частных видовых значений разрабатывают многие исследователи, среди которых

отдельного упоминания заслуживают Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов, Е.В. Падучева, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев и М.А. Шелякин. Эти авторы предлагают классификации частных значений НСВ и СВ, построенные на самых различных основаниях.

1.2.1. Концепция частных видовых значений, разработанная А.В. Бондарко

А.В. Бондарко классифицирует частные видовые значения НСВ и СВ, исходя из того факта, что эти значения являются «вариантами общего семантического варианта видовых форм» [Бондарко, 1971, с. 21]. По его мнению, общие значения видов находят непосредственное воплощение в частных видовых значениях. Так, конкретно-фактическое значение СВ представляет собой реализацию семантического признака целостности действия в сочетании с его локализованностью во времени. Все разновидности конкретно-фактического значения СВ так или иначе отражают эти дифференциальные семантические признаки. При суммарном значении СВ мы имеем дело с суммой конкретных фактов. Потенциальное и наглядно-примерное значения есть способ изображения постоянного возможного и типичного через единичное.

Конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения, будучи основными частными значениями НСВ, базируются на признаках процессности, временной локализованности/ нелокализованности, а также длительности как семантического содержания НСВ. Остальные частные значения НСВ также охватываются его главным содержанием. Если постоянно-непрерывное значение характеризуется двойственным отношением к признаку временной локализованности действия во времени (оно локализовано во времени, но здесь представляется максимально широкая локализация), то обобщенно-фактическое значение отражает нейтральное отношение к аспектуальным признакам (целостность/ нецелостность, процессность, локализованность, длительность). Другие разновидности основных значений НСВ, каждая из которых характеризуется дополнительными семантическими признаками (возможностью, кратностью,

длительностью), по словам А.В. Бондарко, по-разному «укладываются» в рамки семантической основы НСВ. Ниже представлены частные значения СВ и НСВ, выделенные в [Бондарко, 1971]:

НСВ	СВ
Конкретно-процессное Разновидности: Подчеркнуто-длительная Конативная	Конкретно-фактическое Разновидности: Потенциальная Наглядно-примерная Суммарная
Неограниченно-кратное (или повторительное) Разновидность: Потенциально-качественное значение	
Обобщенно-фактическое Разновидность: Ограниченно-кратное	
Постоянно-непрерывное значение	

Таблица 1.1. Классификация частных видовых значений, разработанная А.В. Бондарко

Необходимо отметить, что А.В. Бондарко своей классификацией частных значений СВ и НСВ дает самое общее представление о семантических особенностях видовых форм и характере их реализации в определенных контекстуальных условиях. В цитируемой работе, однако, не упоминается перфектное значение СВ, которое, по нашим наблюдениям, довольно частотно, ср.: – *Да что это ты как блаженный какой? – Уморился, – сказал землемер* (И. Бунин).

1.2.2. Концепция частных видовых значений, разработанная авторами Русской грамматики -1980

Авторы РГ-1980 демонстрируют иной подход к проблеме выделения частных видовых значений, выдвигая на первый план роль контекста в реализации «категориальных грамматических значений НСВ и СВ» [РГ, 1980, Т.1, с. 602]. РГ разграничивает типы употребления видов, отталкиваясь от типов ситуаций, описываемых соответствующими глаголами. Показательно, что вместо термина «частное видовое значение» в Грамматике используется

термин «тип употребления вида», который делает акцент на роли контекстных условий и подчеркивает, что определенные значения выражаются **не только** видом глагола.

Представим сведения из РГ-80 в виде таблицы, содержащей перечень типов употребления глаголов СВ и НСВ и их разновидностей, выделенных в соответствии с четырьмя типами ситуаций.

	Тип ситуации	Вид глагола	
		СВ	НСВ
1.	Ситуация единичного (неповторяющегося) действия	Конкретно-фактический тип употребления Разновидности: Потенциальная Перфектная Ограниченно-длительная Суммарная	Конкретно-процессный тип употребления Разновидности: Конативная Подчеркнуто-длительная
2.	Ситуация повторяющегося действия	Наглядно-примерный тип употребления Разновидности: Потенциальная Перфектная	Неограниченно-кратный тип употребления Разновидности: Потенциальная (потенциально-узуальная и потенциально-качественная), Наглядно-примерная
3.	Ситуация постоянного отношения	—	Тип употребления со значением постоянного отношения
4.	Ситуация обобщенного факта	—	Обобщенно-фактический тип употребления Разновидности: Негативная Ограниченно-кратная Перфектная Значение «аннулированного результата»

Таблица 1.2. Классификация частных видовых значений, разработанная авторами Русской грамматики -1980

При сравнении этой классификации с классификацией А.В. Бондарко обнаруживаются как точки соприкосновения, так и некоторые различия.

Все значения, выявленные в [Бондарко, 1971], названы и в РГ-1980. Однако список этих значений дополнен; в него включены:

- перфектное значение СВ, которое реализуется при описании ситуации единичного (неповторяющегося) действия (ср.: *Чувствовал я себя так, точно все мускулы высохли* (И. Соколов-Микитов)) и повторяющегося действия (ср.: *Бывало, на Лисьих Ямках с голых кулаков начиналось. Первым он с батожка не начинал сроду, но если кто начал, – отвечал тем же способом и не мешкая* (С. Залыгин));

- ограниченно-длительное значение СВ, которое реализуется при описании ситуации единичного (неповторяющегося) действия (ср.: *Я теперь долго (целый месяц) вас не увижу*);

- потенциальное значение СВ, которое реализуется при описании ситуации повторяющегося действия с модальным оттенком возможности или невозможности, необходимости действия (ср.: *И уж это всегда убьют того, кто напрашивается* (Л. Толстой));

- перфектное значение НСВ, которое реализуется при обобщенном описании факта (ср.: *Все-таки он многое видел, образован?* (Л. Толстой));

- негативное значение НСВ (ср.: *Это надо продать любителю тишины, это – место для отдыха души... Петр сказал: – Продавать не надо* (М. Горький));

- значение «аннулированного результата» (ср.: [Дульчин:] *Что ей надо?* [Мардарий:] *За портретом приходила* (А. Островский)).

Если А.В. Бондарко выделяет наглядно-примерное значение как разновидность конкретно-фактического значения СВ, исходя из того, что типичное изображается здесь через единичное, то РГ-1980 считает наглядно-примерное главным значением СВ, отрицая в нем признак единичности, конкретности. К тому же, в отличие от [Бондарко, 1971], в РГ-1980 отмечены два случая реализации форм СВ в потенциальном типе употребления: в первом случае потенциальное рассматривается как разновидность конкретно-

фактического типа употребления, во втором – как разновидность наглядно-примерного.

В РГ-1980 также выделены случаи употребления НСВ в наглядно-примерном значении, которое рассматривается здесь как разновидность неограниченно-кратного типа употребления НСВ (эта идея отсутствует в работе А.В. Бондарко). Ср.: *Илья почти не жил дома, мелькнет утром за чаем и уходит в город к дяде* (М. Горький). По мнению авторов РГ-80, в таких случаях в рамках повторяющегося эпизода действие, обозначенное глаголом НСВ, представлено как конкретный процесс. Вместе с тем на такие процессы распространяется общий смысл повторяемости всего эпизода. В данном употреблении сохраняется семантическая основа неограниченно-кратного типа употребления НСВ – выражение неограниченного ряда повторений. Наглядно примерный способ выражения повторяемости – лишь дополнительный оттенок, который наслаивается на эту семантическую основу.

Употребление НСВ в потенциальном значении рассматривается в РГ-1980 достаточно подробно: здесь выделяется и потенциально-узуальная разновидность (ср.: *Если описывается памятник, ранее по тому же списку изданный, указывается факт издания и степень его точности* (В. Щепкин)) наряду с потенциально-качественной. В [Бондарко, 1971] упомянута только последняя.

Данные приведенной выше таблицы показывают, что авторы РГ-1980 стремятся осуществить сопоставление видов и охарактеризовать различные типы их употребления, используя в качестве логического основания классификации тип ситуации, обозначенной глагольной лексемой. Такой подход, бесспорно, имеет право на существование, поскольку в большом количестве случаев он обеспечивает корректное толкование значения глагольной формы, видовая семантика которой осложняется в определенных условиях контекста.

Однако и этот подход не дает возможности полностью решить задачу разграничения частных видовых значений.

Во-первых, РГ-1980 не всегда удается различить типы употребления видов в зависимости от типов ситуаций: перфектное и потенциальное значения СВ реализуются в обоих типах ситуаций: в ситуации единичного неповторяющегося действия и в ситуации повторяющегося действия. «Потенциальная разновидность конкретно-фактического типа употребления глаголов СВ выделяется по дополнительному модальному признаку: значение конкретного целостного факта, ограниченного пределом, осложняется здесь оттенком возможности (в отрицательной конструкции – невозможности) осуществления действия: *Надобно было сказать что-нибудь и тетке, а – что скажешь?* (М. Горький). Примечание. Потенциальная разновидность употребления совершенного вида чаще встречается при выражении не единичных, а повторяющихся действий, на основе наглядно-примерного типа употребления СВ (см. § 1446)» [РГ, 1980, Т. 1, с. 604].

Аналогичный комментарий дают авторы РГ-1980 при описании перфектного употребления, которое «возможно при передаче не только единичных, но и повторяющихся ситуаций. Например, при функционировании форм прошедшего времени глаголов совершенного вида в контексте настоящего времени повторяющегося действия: *Итак, береговой лов наметкою продолжается весной только до тех пор, покуда река не вышла из берегов* (Акс.); *Талант и бездарность не уживаются. Там, где восторжествовал талант, бездарности делать нечего* (Тендр.)» [РГ, 1980, Т. 1, с. 604].

Думается, что, если **одно и то же** значение может быть реализовано при описании **разных** типов ситуаций, выделение типов ситуаций не способствует разграничению типов употребления видов.

Во-вторых, предлагаемый РГ-1980 подход оказывается неэффективным в тех случаях, когда для описания определенных типов ситуаций могут быть использованы формы только одного вида.

Так, например, анализ ситуации единичного неповторяющегося действия, которое может мыслиться как конкретный целостный факт,

ограниченный пределом, и как не ограниченный пределом конкретный процесс, позволяет авторам осуществить разграничение конкретно-фактического значения СВ и конкретно-процессного значения НСВ.

Анализ ситуаций постоянного отношения и обобщенного факта возможностей для подобного разграничения не дает – просто потому, что описание таких ситуаций осуществляется только глаголами НСВ.

1.2.3. Концепция частных видовых значений, разработанная Ю.С. Масловым

Отдельного упоминания в кругу исследователей, занимавшихся аспектологической проблематикой, заслуживает Ю.С. Маслов. Он выделяет следующие видовые значения:

- конкретно-фактическое значение СВ (разновидность: аористическая, перфектная и другие);
- значение охвата длительности СВ;
- суммарное значение СВ;
- наглядно-примерное значение СВ (разновидность: наглядно-потенциальная);
- процессное значение НСВ (разновидности: конкретно-процессная, тендентивно-конативная, постоянно-непрерывная);
- подчеркнуто-длительное значение НСВ;
- неограниченно-кратное значение НСВ (разновидности: потенциально-квалифицирующая, наглядно-примерная);
- общефактическое значение НСВ (разновидность: вариант с устраненным результатом);
- ограниченно-кратное значение НСВ.

Составляя список частных видовых значений, Ю.С. Маслов особо подчеркивает наличие иерархии между значениями в рамках каждого вида и определяет типы взаимоотношений между значениями СВ и НСВ. Так, среди частных значений выделяются центральные (конкретно-фактическое значение

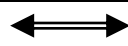
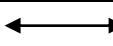
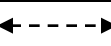
СВ с его разновидностями (или, как их называет Ю.С. Маслов, вариантами), процессное значение НСВ, неограниченно-кратное значение НСВ, общефактическое значение НСВ с их разновидностями) и периферийные (значение охвата длительности СВ, суммарное значение СВ, наглядно-примерное значение СВ с его вариантом, подчеркнуто-длительное значение НСВ, ограниченно-кратное значение НСВ); кроме того, выделяется позиция нейтрализации видового противопоставления: конкретно-фактическое значение представляется как «фиктивное протекание» (речь идет о случае реализации «настоящего исторического» значения, когда глагол НСВ употреблен вместо СВ в контексте последовательных действий, происходивших в прошлом).

Отношения между центральными значениями квалифицируются как отношения антонимии, которая, по Ю.С. Маслову, представлена тремя разновидностями: абсолютная, непоследовательная и относительная. Первая устанавливается у пары «конкретно-фактическое значение СВ – процессное значение НСВ» [Маслов, 1984, с. 72-74]; вторая характеризует пару «конкретно-фактическое СВ – неограниченно-кратное НСВ»; отношения относительной антонимии, «приравниваемой к конкуренции», формируются между конкретно-фактическим СВ и общефактическим НСВ (см. [Маслов, 1984, с. 77]).

Отношения между периферийными значениями характеризуются как отношения синонимической конкуренции (синонимии) видов. Так, значение охвата длительности СВ синонимично подчеркнуто-длительному значению НСВ; наглядно-примерное СВ – наглядно-примерному варианту неограниченно-кратного значения НСВ; в ситуации многократности действия возможен выбор видов (*три раза звонил / три раза позвонил*), в таких случаях конкурируют НСВ, реализующий ограниченно-кратное значение, и СВ, реализующий суммарное значение.

Отношения антонимии, конкуренции и нейтрализации частных видовых значений схематично представлены в [Маслов, 1984, с. 83]:

	СВ		НСВ
А. Центральные значения и их варианты	<p>Конкретно-фактическое значение с его аористической, перфектной и другими разновидностями</p>	I 	<p>Процессное значение (главный вариант: конкретно-процессное значение)</p> <p>I : тендентивно-конативный вариант</p> <p>I : постоянно-непрерывный вариант</p>
		II 	<p>Неограниченно-кратное значение</p> <p>II : потенциально-квалифицирующий вариант</p> <p>II : см. п.3</p>
		III 	<p>Общезначительное значение</p> <p>III : вариант с устраненным результатом</p>
Б. Периферийные значения	1. Значение охвата длительности	←-----→	1. Подчеркнуто-длительное значение
	2. Суммарное значение	←-----→	2. Ограниченно-кратное значение
	3. Наглядно-примерное значение и его наглядно-потенциальный вариант	←-----→	3. Наглядно-примерный вариант неограниченно-кратного значения (см. п. II)

В. Позиция нейтрализации	—		НСВ вместо СВ: «несобственная несовершенство» (конкретно- фактическое значение, представленное как «фиктивное протекание»				
		– а		– б		– в	
а – последовательная антонимия видов; б – непоследовательная антонимия видов; в – относительная антонимия (конкуренция) видов; г – синонимическая конкуренция (синонимия) видов							

*Таблица 1.3. Классификация частных видовых значений,
разработанная Ю.С. Масловым*

В целом система частных значений СВ и НСВ, предложенная Ю.С. Масловым, несколько отличается от рассмотренных выше. Наглядно-потенциальное значение СВ не обретает статус самостоятельного значения, а представляет собой вариант наглядно-примерного значения СВ. В системе Ю.С. Маслова выделен потенциально-непрерывный вариант процессного значения, при том, что в [Бондарко, 1971] такое значение считается самостоятельным; в [Маслов, 1984] потенциально-квалифицирующее значение является лишь вариантом неограниченно-кратного значения, тогда как в [Бондарко, 1971] подобное значение – потенциально-качественное – классифицируется как самостоятельное значение НСВ; в [Маслов, 1984] в качестве разновидности общефактического значения выделяется вариант «с устраненным результатом».

1.2.4. Концепция частных видовых значений, разработанная Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым

Выявлением частных видовых значений занимаются также Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев, которые, как и авторы РГ-1980, подчеркивают, что список выделяемых в русской аспектологической традиции частных видовых значений есть не что иное, как перечень наиболее характерных классов употребления глаголов того или иного вида [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 18].

В свой список, наряду с теми видовыми значениями, которые были

названы в рассмотренных выше работах, авторы включают и такие значения, которые могут быть реализованы только у глаголов определенных семантических классов, у лексически обусловленных глаголов или в определенных контекстуальных условиях.

Представим концепцию Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева в следующей таблице:

НСВ	СВ
<p>Актуально-длительное (или конкретно-процессное) Разновидности: Дуративное Конативное «НЕАКТУАЛЬНО-НЕДЛИТЕЛЬНЫЕ» ЗНАЧЕНИЯ Неактуально-статальное (или узואльно-статальное, или постоянно-непрерывное)² Континуальное³ Узуальное⁴ Потенциальное значение⁵ Значение многократности (или итеративное)</p>	<p>Конкретно-фактическое Разновидности: Наглядно-примерное (или узואльное) Потенциальное Условное Условно-гипотетическое Суммарное значение «Презенс напрасного ожидания»</p>
<p>Общезактическое Разновидности: Общезактическое результативное Общезактическое двунаправленное⁶ Нерезультативное Непределённое</p>	

**Таблица 1.4. Классификация частных видовых значений,
Разработанная Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым**

² Неактуально-статальное (или узואльно-статальное, или постоянно-непрерывное) значение реализуется у глаголов типа *любить, принадлежать, знать*.

³ Континуальное значение реализуется у глаголов типа *руководить, выращивать* <пшеницу>, *работать* <в университете>.

⁴ Узואльное значение реализуется глаголом НСВ в ситуациях, представляющих собой обобщение однородных действий, в зависимости от семантики глагола и типа временного детерминанта. Ср.: *По утрам он открывает окно, он курит*.

⁵ Потенциальное значение реализуется у глаголов и глагольно-именных сочетаний, обозначающих врожденные способности или приобретенные умения: *видеть, слышать, ходить, говорить*.

⁶ Общезактическое двунаправленное значение реализуется у глаголов, обозначающих обратимые действия, т.е. действия, результат которых может быть в дальнейшем аннулирован.

Как и А.В. Бондарко, авторы считают конкретно-фактическое основным значением СВ, а все остальные значения – периферийными. В работе [Зализняк, Шмелев, 2000] выделяются значения, которые не рассматривались ранее: *условное* (ср.: *Приди я минутой позже, его бы уже не спасти*), *возможное* лишь в случае переносного употребления наклонения, и *условно-гипотетическое* (ср.: *Ну ладно, выполнил я вашу просьбу, а дальше что?*), *возможное* в случае переносного употребления времени. Предлагается также выделить значение «*презент напрасного ожидания*», которое реализуется только в будущем времени в контексте отрицания при наличии наречий типа *все, все никак, никогда, нигде* (ср.: *Все утро звоню туда, никак не дозвонюсь*).

Авторы перечисляют довольно большое количество частных значений НСВ. Так называемое *континуальное* значение ранее не выделялось. По мнению Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, к общефактическому значению примыкают еще значения *нерезультативное* (действие не достигло результата: *Я умолял ее вернуться*) и *непредельное* (значение прекратившегося состояния или процесса: *Я вас любил; В детстве Маша боялась мышей, На этой стене висела картина, Вчера шел дождь*). Если в [Бондарко, 1971] и РГ-1980 *потенциальное* и *узуальное* значения рассматриваются лишь как разновидность итеративного (неограниченно-кратного), то в [Зализняк и Шмелев, 2000] *потенциальное* и *узуальное* значения считаются самостоятельными, главными значениями НСВ, наряду с неограниченно-кратным.

Итак, мы видим, что, по логике Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, глагол НСВ может обозначать три типа явлений – процесс, состояние и событие. При описании события форма НСВ реализует общефактическое значение. Выражая актуально-длительное и остальные частные значения, НСВ так или иначе представляет процесс или состояние. При этом актуально-длительное значение является самым типичным, охватывающим почти все

классы глаголов. По мнению авторов, оно настолько важно, что все значения, реализуемые глаголами, описывающими ситуации, которые не являются актуальными (конкретными) или не являются длительными (процессными), могут быть названы «неактуально-недлительными». «В то же время в номенклатуре прочих, «неактуально-недлительных» значений НСВ остается много неясного. Для ряда таких значений нет общепринятого единого названия, а границы между отдельными значениями не всегда проводятся достаточно четко» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 24]. Это подтверждается тем фактом, что такие значения квалифицируются в разных работах по-разному: то ли они самостоятельно равноправны в качестве главных частных значений НСВ, то ли одно является производным от другого. А.В. Бондарко также напоминает о зыбкости границ между постоянно-непрерывным и неограниченно-кратным значениями [Бондарко, 1971, с. 34].

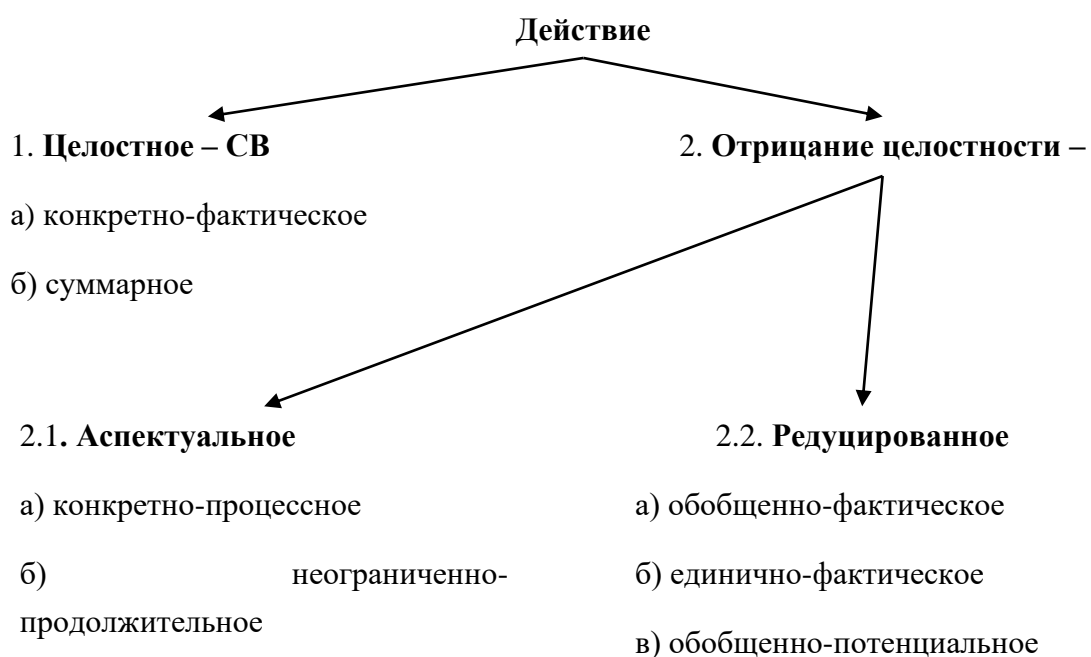
Перечень частных видовых значений, приводимый А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева, на наш взгляд, отличается некоторой «избыточностью», так как нередко некоторые частные значения выделяются лишь у определенных классов глагола. Возникает вопрос, смогут ли авторы выявить все случаи употребления всех глагольных классов и все их поименовать.

1.2.5. Концепция частных видовых значений, разработанная М.А. Шелякиным

Особое место среди работ, затрагивающих проблему частных видовых значений, занимает книга М.А. Шелякина «Категория аспектуальности русского глагола (2008)», где данный вопрос исследуется особенно тщательно.

Согласно концепции автора частные значения НСВ и СВ опираются на их инвариантное значение, представляя собой его типовые речевые разновидности. Так, все частные значения СВ охватываются семантическим признаком целостности, НСВ – признаком нецелостности действия. Особое место в классификации М.А. Шелякина занимают случаи употребления НСВ

в функции обозначения действия без указания на его целостность/нецелостность, т.е. на аспектуальную характеристику. Иначе говоря, по М.А. Шелякину, все частные значения НСВ объединяются в две группы: одна выражает нецелостные действия, другая – аспектуально-редуцированные действия. В [Шелякин, 2008] представлена следующая схема инвариантных и частных значений видовых форм:

Схема 1.1. Классификация частных видовых значений, разработанная М.А. Шелякиным

Таким образом, М.А. Шелякин выявляет две разновидности инвариантного значения НСВ и – соответственно – два его основных частных значения – аспектуальное и аспектуально-редуцированное, которые на следующем уровне членения имеют свои разновидности. Представим полный перечень этих разновидностей в следующей схеме.

НСВ	СВ
АСПЕКТУАЛЬНОЕ Конкретно-процессное Разновидности: Конативно-тендентивная Значение незавершенности прерванного действия Неограниченно-продолжительное Разновидности: Непрерывно-длительная Неограниченно-кратная Значение постоянного отношения Узуальная Постоянно-потенциальная АСПЕКТУАЛЬНО-РЕДУЦИРОВАННОЕ Обобщенно-потенциальное Обобщенно-фактическое Единично-фактическое	Конкретно-фактическое Разновидности: Наглядно-примерная (Потенциальная и повторяющаяся) Суммарное Налично-результативное

Таблица 1.5. Классификация частных видовых значений, разработанная М.А.

Шелякиным в виде таблицы

Нетрудно заметить, что список частных значений СВ и НСВ, выделенных М.А. Шелякиным, по своему составу не очень отличается от других рассмотренных. Тем не менее его концепция имеет специфические черты.

Во-первых, в ней совсем иначе характеризуются иерархические отношения между значениями: суммарное и налично-результативное, обладая равной значимостью с конкретно-фактическим, выступают как главные значения СВ. По мнению автора, все эти значения непосредственно отражают основное семантическое содержание СВ – целостность действия. Разновидностью конкретно-фактического значения является наглядно-примерное, к которому примыкает и потенциальное значение. М.А. Шелякин считает, что потенциальное значение в наиболее типичных случаях – это то же самое, что наглядно-примерное, плюс тот или иной оттенок потенциальности.

Во-вторых, в систему частных значений вводится так называемое значение *незавершенности прерванного действия*. Ср.: *Здесь что-то строили, а потом бросили* [Шелякин, 2008, с. 78]. Хотя данное значение традиционно не выделяется в аспектологии, автор считает необходимым его вычлениить, потому что, отличаясь от конкретно-процессного, оно «не соотносит действие с одним временным моментом, а выражает как бы застывший прерванный процесс» [Шелякин, 2008, с. 78]. При этом *подчеркнуто-длительное* значение в системе М.А. Шелякина отсутствует.

По М.А. Шелякину, все значения, выражающие осуществление действия в «последовательные количественно-неограниченные временные моменты в пределах той или иной его временной локализации» [Шелякин, 2008, с. 80], можно объединить под названием *неограниченно-продолжительное* значение.

Оно представлено следующими разновидностями: *неограниченно-кратное* значение; значение *постоянного отношения*; *узואальное*; *постоянно-потенциальное* (у других авторов оно обозначено как *потенциальное*); *непрерывно-длительное*, которое имеют глаголы, называющие процессы, не ограниченные во времени, а характеризующиеся свойством «растянутости» в пределах широкой временной локализации (ср.: *Земля вращается вокруг солнца*).

Все перечисленные значения в той или иной мере охватываются семантическим признаком неограниченной кратности и нелокализованности действия во времени.

Очень подробно автор рассматривает случаи употребления НСВ в аспектуально-редуцированных значениях. В своем перечне он выделяет *обобщенно-фактическое*, *обобщенно-потенциальное* и *единично-фактическое* значения, при этом два последних термина вводятся впервые.

Обобщенно-фактическое значение здесь понимается иначе, чем в традиционной аспектологической литературе. Если в других работах под

обобщенно-фактическое значение подводят широкий и недифференцированный круг употреблений НСВ⁷, то М.А. Шелякин четко разграничивает два случая: (а) глагол реализует единично-фактическое значение (подчеркивается конкретность, единичность действия, ср.: *Кто тебе рассказывал об этом?*); (б) глагольная форма НСВ выражает обобщенно-фактическое значение (акцентируется идея разовости / неразовости осуществления действия, ср.: *Ты вообще читал эту книгу? Я и раньше слышал о подобных случаях*)⁸).

В [Шелякин, 2008] довольно большое место занимает описание функционирования единично-фактического значения в связи с двумя способами указания на единичные целостные действия: 1) речевым контекстом и 2) ситуативным контекстом. При этом не упоминаются «второстепенные» значения, примыкающие к обобщенно-фактическому значению, которые называются в других работах.

В своей книге исследователь выделяет и обобщенно-потенциальное значение. «Это значение реализуется в высказываниях, содержащих суждения о действиях в их обобщенной типичности, вне конкретной временной локализации. Такие высказывания характерны для пословиц, поговорок, различных сентенций и других обобщений, для которых видовая характеристика в принципе безразлична, поэтому они допускают синонимию нейтрализованной формы НСВ в функции подчеркнутости и наглядности действия и СВ в наглядно-примерной функции, стилизующей действие как одно из серийных целостных действий: *По-русски всегда говорят / скажут как-то. Знает / узнала кошка, чье мясо съела / ела. Горбатого могила исправит / исправляет. Бывало, он подойдет / подходит ко мне и скажет /*

---

⁷ В обобщенно-фактическом типе употребления «обозначается самый факт действия, внимание сосредоточивается лишь на факте его наличия или отсутствия. В таких случаях может быть несущественным, является ли действие единичным или повторяющимся, – важно то, что оно было. Оказывается достаточным называние действия безотносительно к тем или иным особенностям характера его осуществления» [РГ, 1980, с. 609].

⁸ См. [Шелякин, 2008, с. 84].

говорит...» [Шелякин, 2008, с. 83]. Данное значение, на наш взгляд, легко можно спутать с обобщенно-потенциальным, хотя автор в работе пытается их различать: при употреблении глаголов в первой функции выражаются какие-то типичные для субъекта действия, при второй – потенциальные свойства, умения субъекта совершать действие.

Итак, работа М.А. Шелякина представляет современный взгляд на проблему частных значений видов. Нельзя не согласиться с теми основаниями, на которых автор строит систему частных видовых значений.

Возражение вызывает, с одной стороны, решение М.А. Шелякина считать основным значением НСВ значение незавершенности прерванного действия, которое отсутствует в других работах; с другой стороны, – то, что он не включает в свой список значения «аннулированного результата» и ограниченно-кратное значение в качестве разновидностей обобщенно-фактического значения.

1.2.6. Список частных значений, разработанный Е.В. Падучевой

Еще один автор, интересующийся семантикой вида и проблемой функционирования видовой семантики в повествовательных текстах – Е.В. Падучева, – по-настоящему не занимается вопросом выявления частных видовых значений. В [Падучева, 1996] автор предлагает суммарный перечень частных видовых значений НСВ, основанный на исследованиях [Гловинская, 1982], [Бондарко, Буланин, 1967], [Рассудова, 1968], [Маслов, 1984], [Forsyth, 1970].

Группа 1

1. Актуально-длительное значение (описывается действие, процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения; в [Бондарко, Буланин 1967] это значение называется конкретно-процессным): *Однажды летним утром они подходили к проходной; Не мешай, я работаю.*

2. Континуальное (описывается длящееся действие): *Она работает в университете; Иван выращивает новый сорт пшеницы.*

3. Постоянно-непрерывное (глагол НСВ обозначает постоянное свойство или соотношение): *Окна гостиницы выходят на юг.*

Группа 2

1. Узуальное (значение узуально повторяющегося действия или события): *Каждое утро он открывает окно.*

2. Потенциальное: *Хороший был слесарь: любые замки открывал.*

3. Многократное (но не узуальное и не потенциальное): *Зачем ты каждую минуту открывал окно? Я два раза открывал окно.*

Группа 3

1. Общефактическое неопределенное (значение прекратившегося состояния или неопределенного процесса): *Где мои ключи? Они лежали на столе.*

2. Общефактическое результативное (был достигнут результат действия): *Я их однажды на Фонтанку подвозил; Я вас предупреждал; Он показывал мне ее фотографию.*

3. Общефактическое двунаправленное (результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием): *К тебе кто-то приходил (= 'пришел и ушел'); Ты открывал окно?*

4. Общефактическое нерезультативное (действие не достигло предела): *Я умолял ее вернуться; Я много раз ее уговаривал. Ср. значение безуспешной попытки у глаголов НСВ объяснял в контексте Объяснял, да не объяснил.*

5. Дуративное (в контексте обстоятельства длительности, см. Timberlake 1985a): *Они гуляли всю ночь.*

Как отмечалось выше, в данном перечне суммируются все частные значения НСВ, приведенные у названных Е.В. Падучевой авторов. Все эти значения нам знакомы, так как они упоминаются в рассмотренных нами работах. Однако оказывается непонятной идея автора выделить три группы – при том, что континуальное и постоянно-непрерывное значения из первой группы во многом примыкают к значениям второй группы, а дуративное

значение из третьей группы было признано в [Зализняк, Шмелев, 2000] разновидностью актуально-длительного значения.

По мнению Е.В. Падучевой, первичным, основным значением НСВ является *актуально-длительное*. Все остальные значения считаются производными от него.

Как показывает анализ различных подходов к выявлению и определению частных видовых значений, имеющиеся до сих пор в лингвистической литературе классификации существенно отличаются не только по набору таких значений, но и по их содержательной интерпретации. При сопоставлении наборов частных значений СВ и НСВ, предложенных в рассмотренных выше работах, абсолютное совпадение точек зрения обнаруживается очень редко – при том, что во многих случаях наблюдается абсолютное расхождение. Ситуацию осложняет также тот факт, что однотипные употребления зачастую получают различную терминологическую квалификацию, и, наоборот, один и тот же термин у разных авторов наполняется разным содержанием.

1.3. Опыт ономаσιологического описания частных видовых значений

С учетом вышеизложенных фактов наше изложение будет осуществляться следующим образом: мы будем иметь в виду в первую очередь набор выделяемых исследователями семантических компонентов, которые составляют ядро того или иного значения, и приводить терминологию, которая используется различными авторами в каждом конкретном случае.

1.3.1. Семантическое содержание СВ в ономаσιологическом освещении

Семантический комплекс ‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ характерен для **конкретно-фактического** значения, которое исследователи единодушно считают главным частным значением СВ. Ср.: *Отпустили тебя?* – *Отпустили* (М. Шолохов). Описывается единичное действие, ограниченное внутренним пределом.

Помимо конкретно-фактического значения, выделяются и второстепенные, производные частные значения СВ. Следует отметить, что в семантическом содержании этих вторичных частных значений так или иначе заключен элемент конкретно-фактического значения ‘+ целостность’.

Признаки ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ присущи совершенному виду, реализующему *наглядно-примерное* значение. Данное значение характеризуется в РГ-1980 как главное, самостоятельное частное видовое значение. В остальных работах оно интерпретируется как разновидность конкретно-фактического значения. Ср.: *Бык, он ведь всегда так: сначала шагнет, а потом стоит, думает* (М. Шолохов). Здесь обычное действие изображается на наглядном примере одного из повторяющихся актов [Бондарко, 1971, с. 19]. Только при такой организации контекста признаки ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ могли совместиться, так как обычно целостность с трудом сочетается с нелокализованностью действия во времени.

Таким же сочетанием признаков ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ обладает совершенный вид, выступающий в *потенциальном* значении. Ср.: *Надобно было сказать что-нибудь и тетке, а – что скажешь?* (М. Горький). Ю.С. Маслов и М.А. Шелякин считают потенциальное значение разновидностью наглядно-примерного значения, отмечая, что потенциальное значение – это наглядно-примерное значение плюс модальный оттенок возможности осуществления действия (См. [Маслов, 1984], [Шелякин, 2008]).

С признаками ‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ связано выражение совершенным видом суммы конкретных целостных фактов. Речь идет о *суммарном* значении СВ. Данное значение отмечается во всех рассматриваемых работах как производное от конкретно-фактического значения. Ср.: *Он три раза постучал в дверь.*

Совершенный вид в таком случае сочетается с обстоятельствами типа *два раза, несколько раз, трижды* и т.п.

Комплекс ‘+ целостность’, ‘+ конкретность’ ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ наличная результативность’ представляет основу *перфектного* значения ([РГ, 1984, [Маслов, 1984]), или *налично-результативного* значения ([Шелякин, 2008]). Ср.: *Спит. Наплакалась, нагоревалась* (М. Горький). Авторы особо выделяют данное значение, подчеркивая, что в таком случае внимание концентрируется на последствиях единичного целостного действия, на его результате, сохранившемся до момента речи.

Остальные значения, будучи периферийными, отмечаются только отдельными авторами. К ним относятся ограниченно-длительное, условное, условно-гипотетическое и «презенс напрасного ожидания».

Набором признаков ‘+ целостность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ ограниченная длительность’ отличается *ограниченно-длительное* значение ([РГ, 1980], или значение охвата длительности ([Маслов, 1984]). Данное значение трактуется как разновидность конкретно-фактического. Глагол СВ, реализующий данное значение, указывает на конкретный целостный факт, ограниченный временным пределом. Ср.: *Он целый месяц проболел*. Следует отметить, что такое значение могут выражать только глаголы длительно-ограничительного и ограничительного способов действия (*долго пролежал; целый месяц проболел; пять минут посидел*) [Маслов, 2004, с. 105].

Значение «презенс напрасного ожидания» репрезентируют употребления типа: *Все утро звоню туда, никак не дозвонюсь*. М.А. Шелякин считает необходимым квалифицировать такое значение как одно из частных значений СВ, хотя оно может быть выражено только в будущем времени, в контексте отрицания и при наличии таких слов, как *все, все никак, никогда, нигде*. Иначе говоря, такие употребления возможны лишь у глаголов,

имеющих строго определенный смысл, или в строго определенном контексте.

В [Зализняк, Шмелев, 2000] представлены также *условное* и *условно-гипотетическое* значения СВ, реализуемые при переносном употреблении времени и наклонения. Сразу обратим внимание на то, что данные значения не являются предметом нашего исследования (в нашей работе рассматривается употребление видов только в собственно изъявительном наклонении).

Итак, элемент главного значения СВ – конкретно-фактического значения – охватывает все его второстепенные значения: повторяющееся действие или потенциально возможное действие передается на примере единичного факта, действие, вызвавшее наличный результат, представляется как целостный факт, ограниченная повторяемость действия передана в виде суммы конкретных фактов.

1.3.2. Семантическое содержание НСВ в ономаσιологическом освещении

Признаки ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’, составляют семантическое ядро *конкретно-процессного* ([РГ, 1980], [Бондарко, 1971]), *актуально-длительного* ([Зализняк, Шмелев, 2000], [Падучева, 1996]) значения НСВ, ср.: *Шар медленно поднимался*. Большинство ученых считает это значение самостоятельным значением НСВ, только Ю.С. Маслов и М.А. Шелякин полагают иначе. Ю.С. Маслов выделяет такое значение как основной вариант процессного значения. М.А. Шелякин считает, что это разновидность аспектуального значения.

Набор ‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’ характеризует *обобщенно-фактическое* значение, или, как его называют в [Маслов, 1984] и [Зализняк, Шмелев, 2000], *общефактическое*, ср.: *Ты показывал ей это письмо?* Глагол НСВ, реализующий это значение, сосредоточивает внимание лишь на факте наличия или отсутствия действия. Согласно А.В. Бондарко, в таком случае «обозначается самый факт действия в

прошлом, безотносительно к его единичности или повторяемости, локализованности действия во времени или нелокализованности, длительности или краткости» [Бондарко, 1971, с. 85].

Совокупность признаков ‘– локализованность действия во времени’ и ‘+ повторяемость’ является ядром *неограниченно-кратного* ([РГ-1980], [Бондарко, 1971], [Маслов, 1984]), [Шелякин, 2008]), или *многократного* ([Падучева, 1996]), или *итеративного* ([Зализняк, Шмелев, 2000]) значения. Оно по существу воплощает временную нелокализованность действия. Свойственное глаголам НСВ значение отсутствия ограниченности действия пределом обуславливает их свободное употребление при выражении неограниченной повторяемости действия, ср.: *Зимой гостила иногда в усадьбе странница Машенька* (И. Бунин).

Особым, двойственным, согласно А.В. Бондарко, отношением к признаку временной локализованности и длительности действия, т.е. набором признаков ‘± локализованность действия во времени’, ‘± длительность’ характеризуется *постоянно-непрерывное* значение ([Бондарко, 1971], [Маслов, 1984]), или значение *постоянного отношения* ([РГ, 1980]). Как отмечает А.В. Бондарко, в данном случае действие не локализовано во времени, при этом локализация является максимально широкой. Другими словами, постоянно-непрерывное значение характеризуется сложным отношением к признаку локализованности действия во времени. С одной стороны, действие не является повторяющимся, обычным, обобщенным. «С этой точки зрения оно локализовано во времени. Но, с другой стороны, отсутствует «узкая» локализация в рамках какого-то конкретного отрезка времени. Здесь представлена относительно или максимально широкая локализация. Во временной области, охватываемой действием, может быть выделен какой-то конкретный момент, включенный в эту область, в частности момент речи («всегда и сейчас»), например: *Нога у Меня вроде шлагбаума. Одна нога два пуда весит* (Ю. Олеша). В других же случаях в той широкой временной области, где «разлито» действие, какой-то отдельный момент не

выделяется, например: *Нева вытекает из Ладожского озера*» [Бондарко, 1971, с. 32-33]. Длительность действия также оказывается максимальной, неограниченной. Оба термина акцентируют внимание на идее постоянства в самом широком смысле. Ср.: [*Петр*]. *Говорят – жизнь быстро движется вперед* (М. Горький).

Другие авторы считают необходимым выделить еще несколько разновидностей значения постоянности, содержащих в своей семантической структуре эти компоненты: Так, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев называют *неактуально-статальное* (или *узуально-статальное*, или *постоянно-непрерывное* значение), *континуальное*, *узуальное* значения. М.А. Шелякин особо выделяет *неограниченно-продолжительное* значение, к которому примыкают *непрерывно-длительное*, *неограниченно-кратное*, *узуальное*, *постоянно-потенциальное* значения и значение постоянного отношения. В [Падучева, 1996] отмечены *континуальное*, *постоянно-непрерывное*, *узуальное* и *многократное* (но не *узуальное* и не *потенциальное*) значения.

Перечисленные выше значения считаются самыми распространенными частными значениями НСВ. Остальные частные значения, будучи их производными, обладают тем же комплексом семантических признаков, что и основные значения, а также некоторыми специфическими содержательными особенностями.

Подчеркнуто-длительное ([РГ, 1980], [Зализняк, Шмелев, 2000], [Бондарко, 1971], [Маслов, 1984]), или *дуративное* значение ([Падучева, 1996], [Зализняк, Шмелев, 2000]), будучи производным от конкретно-процессного, представляет собой реализацию семантических признаков ‘+ длительность’, ‘+ локализованность действия во времени’. Ср.: *Вот мы от этой сопки, значит, поплывем, будем плыть весь день* (В. Шишков).

Потенциальное ([РГ, 1980], [Зализняк, Шмелев, 2000], [Падучева, 1996]), или *потенциально-квалифицирующее* ([Маслов, 1984]), являющееся разновидностью неограниченно-кратного значения, соотносится с признаками

‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’. Ср.: *Ты танцуешь?* – *Танцую, только плохо* (И. Тургенев). Для потенциального значения характерно присутствие модального оттенка: представляется не реальное протекание повторяющегося действия, а обычная возможность его осуществления.

Все отмеченные разными авторами разновидности общефактического значения, так же как и это значение в своем основном варианте, воплощают семантический комплекс ‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’. При этом каждая из них характеризуется дополнительными семантическими признаками.

Так, добавление семантических элементов ‘+ кратность’, ‘+ ограниченность числа повторений’ формирует *ограниченно-кратное* значение ([РГ, 1980], [Бондарко, 1971], [Маслов, 1984]).

Прибавление к набору семантических элементов главного общефактического значения признака ‘+ аннулирование результата’ способствует формированию *общефактического двунаправленного* значения ([Падучева, 1996] и [Зализняк, Шмелев, 2000]), или, как оно называется в РГ-1980, значения аннулированного результата. Согласно РГ-1980, при употреблении глагола НСВ в таком значении указание на наличие факта в прошлом осложняется дополнительным представлением об аннулировании результата действия и его замене к моменту речи противоположным действием. Ср.: [Дульчин] *Что ей надо?* [Мардарий] *За портретом приходила* (А. Островский).

Для *общефактического неопределенного* значения ([Падучева, 1996] и [Зализняк, Шмелев, 2000]) характерен дополнительный признак ‘+ неопределенность’ (ср.: *Где мои ключи? Они лежали на столе*); для *общефактического результативного* значения ([Падучева, 1996] и [Зализняк, Шмелев, 2000]) – признак ‘+ результативность’ (ср.: *Я их однажды на Фонтанку подвозил*); для *общефактического нерезультативного*

значения ([Падучева, 1996] и [Зализняк, Шмелев, 2000]), или варианта с *устраненным результатом* ([Маслов, 1984]), – признак ‘+ результативность’ (ср.: *Я много раз ее уговаривал*).

Ниже перечисляются редкие случаи употребления НСВ.

Все авторы, за исключением Е.В. Падучевой, признают *конативное* (или *конативно-тендентивное*, как его принято называть в [Шелякин, 2008]) частным значением НСВ. Данное значение иллюстрируется употреблениями типа: *Объяснял, да не объяснил* (М. Горький). По Анне А. Зализняк и А.Д. Шмелеву, обсуждаемое значение возникает лишь у определенного класса глаголов, а именно – у глаголов, в значение которых входит идея попытки, которая может быть успешной или неуспешной, например: *уговаривать* <кого-то что-то сделать>, *поступать* <в университет>, *сдавать* <экзамен>, *доказывать* <свою правоту>, *убеждать* <кого-то в чем-то> и т. п.

Значение *незавершенности прерванного действия*, на которое указывает М.А. Шелякин, обусловлено контекстуально. Ср.: *Здесь что-то строили, а потом бросили*. По мнению М.А. Шелякина, действие не соотносится с каким-то одним временным моментом, а представляет собой как бы «застывший прерванный процесс».

В РГ-1980 как разновидность обобщенно-фактического значения выделено *перфектное* значение. Данное значение усматривают в употреблениях типа: *Все-таки он многое видел, образован?* (Л. Толстой). Согласно РГ-1980, при использовании глаголов НСВ в форме прошедшего времени констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент.

Выделение *аспектуального, аспектуально-редуцированного, обобщенно-потенциального, обобщенно-фактического* и *единично-фактического* значения в монографии М.А. Шелякина обосновывается специфическим подходом автора к обсуждаемой проблеме.

Итак, выделяется целый ряд признаков, которые способны выразить представление о семантических возможностях НСВ: несовершенный вид

может описывать действие в процессе его протекания, в его неограниченной повторяемости, в постоянстве его осуществления, действие может быть описано и в самом общем виде: через указание на сам факт его осуществления.

Подведем некоторые итоги.

Частные видовые значения – это наиболее характерные, наиболее типичные значения, выражаемые глаголами того или иного вида в разных контекстуальных условиях. Согласно мнению Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, частные видовые значения представляют собой результат взаимодействия нескольких факторов: собственных значений вида, лексического значения глагола, значения некоторых грамматических категорий (времени и наклонения), лексического контекста (наличия разного рода детерминантов – временных, обстоятельственных), грамматической конструкции.

Проблема выявления таких значений остается спорным вопросом русской аспектологии: до сих пор нет общепринятого перечня частных видовых значений. Каждый из названных выше авторов предлагает определенный набор факторов, которые могут оказать влияние на облик частных видовых значений. Это приводит к наличию разных оснований, по которым могут быть выделены эти значения, и появлению «пересекающихся» трактовок.

Наряду с абсолютным совпадением и абсолютным расхождением результатов анализа, можно обнаружить и такие случаи, когда значения, реализующиеся в однотипных употреблениях, получают в разных работах различное терминологическое обозначение. Более того, в силу разнообразия факторов и множественности оснований границы между частными значениями зыбки, а их состав и количество неопределенны. Иерархические отношения между значениями в разных источниках также определяются по-разному.

Ономасиологический подход позволяет упорядочить разнообразие подходов и различие в количественной и качественной интерпретации частных видовых значений русского глагола.

1.4. Семантика вида в составе аспектуально-темпоральных сочетаний: о так называемых видо-временных формах

В существующей грамматической литературе накоплены важные наблюдения над сущностью и семантикой видо-временных форм. В настоящем параграфе речь пойдет о семантических особенностях каждого из видов с точки зрения их сочетаемости с семантическими признаками времени.

В русской аспектологии широко распространена точка зрения, согласно которой видо-временные формы признаются комбинациями систем видовых и временных форм [Виноградов, Пospelов, Маслов, Гловинская, Бондарко, Авилова, Шелякин, Петрухина]. Эта позиция обосновывается тем, что в русском языке «формы времени свойственны только изъявительному наклонению и причастиям и тесно связаны формально и функционально с категорией вида» [Шелякин, 2008, с. 145].

Современное состояние исследования семантики видо-временных форм в русском языке определяется, как нам представляется, прежде всего Русской грамматикой 1980, работами А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Е.В. Петрухиной. Рассмотрим основные черты концепций, развиваемых этими учеными.

1.4.1. Концепция видо-временных значений, развиваемая А.В. Бондарко

В книге А.В. Бондарко «Вид и время русского глагола (значение и употребление)» дано развернутое описание видо-временных форм и особенностей их функционирования, основанное на учете взаимодействия категорий вида и времени. Автор выделяет пять видо-временных форм: прошедшее совершенное (*открыл*), прошедшее несовершенное (*открывал*), будущее несовершенное (*буду открывать*), настоящее-будущее совершенное (*открою*), настоящее несовершенное (*открываю*). Через анализ функционирования этих форм устанавливаются их значения, формирующиеся

«в результате взаимодействия видовых и временных семантических элементов в составе семантических комплексов» [Бондарко, 1971, с. 64].

Представим перечень этих значений в виде таблицы.

Видо-временные формы	Значения видо-временных форм	Комментарии	Примеры
Настоящее несовершенное	Настоящее актуальное Конкретное настоящее время момента речи	Выражается конкретное действие, протекающее именно в период речи	[Лидия]. Вот <u>идет</u> Миша (М. Горький)
	Настоящее актуальное Расширенное настоящее	Действие осуществляется в момент речи, охватывая отрезок прошлого, и может продолжаться в будущем	[Маша]. Давно он <u>любит</u> ее? (А. Толстой)
	Настоящее актуальное Настоящее время постоянного действия	Речь идет о чем-то постоянном	<i>Жизнь не <u>стоит</u> на месте</i> (И. Бунин)
	Настоящее неактуальное Абстрактное настоящее	Описывается повторяющееся, обычное, обобщенное действие	<i>Я тебе всегда <u>пишу</u> именно в это время</i> (В. Осипов)
	Настоящее неактуальное Сценическое настоящее	Обозначается действие, одновременное не с моментом речи, а с одним из моментов «сценического времени»	[Надя]. Хотите чаю? (Генерал <u>хохочет</u> , Клеопатра <u>пожимает</u> плечами, Татьяна <u>смотрит</u> на Грекова и что-то

			<i>напевает</i> сквозь зубы) (М. Горький)
	Настоящее неактуальное Настоящее изложения	Форма настоящего времени используется для констатации определенной последовательности или совокупности событий	<i>Туман рассеивается. Изумленный Руслан видит грозную голову великана. Голова гонит витязя прочь, поднимает бурю</i> (Либретто оперы «Руслан и Людмила»)
Прошедшее несовершенное	Прошедшее несовершенное конкретного единичного действия	Обозначается одно конкретное действие, протекающее именно в прошлом	<i>Женщина в котиковом манто, в фетровых ботах до колен, подбегала, неуклюже раскатываясь на льду</i> (В. Панова)
	Прошедшее постоянное	Действие относится к прошлому и охватывает большой временной отрезок.	<i>Он был холост, держал не то пять, не то шесть кошек ...</i> (В. Некрасов)
	Прошедшее несовершенное обычного, повторяющегося действия	Действие происходило в прошлом, но не прикреплено к какому- то определенному периоду, не имеет определенного местоположения во времени	<i>[Ваганов]. Я каждый день приносил его сюда в кармане...</i> (К. Симонов)
	Прошедшее	Обозначается самый	<i>Она еще раз</i>

	несовершенное обобщенного факта (прошедшее аористическое)	факт действия в прошлом, безотносительно к его единичности или повторяемости, локализованности во времени или нелокализованности, длительности или краткости	<i>посмотрела на письмо. – От Дранишникова... И тогда ведь тоже писал Дранишников (С. Сартаков).</i>
	Прошедшее время в совершенном значении	Обозначается состояние, актуальное для более позднего временного плана	<i>Нет, как же? – Возразила она. – Все таки он многое видел, образован? (Л. Толстой)</i>
Будущее несовершенное	Будущее несовершенное единичного конкретного действия	Выражается конкретное действие в будущем	<i>Я знал, что через минуту увижу его: он <u>будет идти</u> по двору, а потом по переулку (В. Амплинский)</i>
	Будущее время постоянного действия	Действие относится к будущему и охватывает большой временной отрезок.	<i>Все умрут, мамочка, на Острове, все, все, все; а я все <u>буду жить</u> здесь (Н. Лесков)</i>
	Будущее время обычного и повторяющегося действия	Описывается ситуация повторяющегося конкретного действия, которое может произойти в будущем	<i>Мы новых мест не боимся. Солнышко и туда <u>будет заглядывать</u> (М. Пришвин)</i>
	Будущее несовершенное обобщенного факта	Обозначается самый факт действия в будущем в самом общем виде, без конкретной	<i><u>Ужинать-то будете?</u> (И. Бунин)</i>

		аспектуальной характеристики	
Прошедшее совершенное	Перфектное значение	Выражается прошедшее действие, результаты которого актуальны для более позднего временного плана – настоящего или прошлого	<i>Я сам в те поры уже <u>поднялся</u>, сам за ней в город ездил (Л. Толстой)</i>
	Аористическое значение	Выражается действие как конкретный факт прошлого	<i>Да, еще новость, – <u>встретила</u> Акундина, уверяет, что в ближайшем времени у нас будет революция... (А. Толстой)</i>
Настоящее-будущее совершенное	Значение будущего Будущее время конкретного единичного действия	Это значение аналогично аористическому значению формы прошедшего совершенного, только действие в данном случае относится к будущему	<i>Сейчас хозяин <u>придет</u>, ужинать будем (В. Панова)</i>
	Значение будущего Будущее время повторяющегося и обычного действия	СВ в этом случае выступает в наглядно-примерном значении	<i>Положим, каждый день вам <u>придется</u> выслушивать отца или мать часа три... (Н. Помяловский)</i>
	Значение настоящего неактуального Абстрактное настоящее	Данное значение осложнено модальными оттенками потенциальности:	<i>Знаешь ли, что в деревнях рябина спасает людей от угара? Зимой печи топят жарко,</i>

		обобщенная возможность / невозможность осуществления действия, нежелание осуществления действия и т. п.	<i>поторопится баба закрыть трубу, чтобы тепло сберечь – и все в лежку лежат. Ну, <u>принесут</u> этакую вот связку с потолка и жрут (А. Яшин)</i>
--	--	---	--

**Таблица 1.6: Классификация видо-временных значений,
развиваемая А.В. Бондарко**

А.В. Бондарко не одинок в своих суждениях о видо-временных формах.

В РГ-1980 представлен подобный набор значений, выражаемых НСВ и СВ в разных временных планах, хотя термин «видо-временные формы» здесь не используется. Единственное расхождение мнений между двумя работами заключается в том, что настоящее постоянное значение относится в [Бондарко, 1971] к группам настоящего актуального, а в РГ-1980 – к группам настоящего неактуального.

1.4.2. Концепция видо-временных значений, развиваемая Е.В. Петрухиной

Е.В. Петрухина в книге «Русский глагол: категория вида и времени (2009)» при выявлении значений видо-временных форм ссылается на работу А.В. Бондарко, поэтому классификации обоих авторов содержат много сходных позиций.

Как и А.В. Бондарко, Е.В. Петрухина выделяет два основных значения формы настоящего несовершенного – настоящее актуальное и настоящее неактуальное, рассматривает имперфектное и перфектное значение как значения формы прошедшего несовершенного⁹, а аористическое и перфектное – как главные значения формы прошедшего совершенного.

Как основные значения форм будущего совершенного в [Петрухина, 2009] особо выделены значения будущего конкретного единичного действия и

⁹ Перфектное значение реализуется глаголами НСВ в редких случаях, глаголами СВ – чаще.

будущего обычного, повторяющегося действия. В плане будущего времени глаголы НСВ, как считает автор, имеют весь набор частных значений НСВ: процессные (конкретно-процессное, конативно-процессное, длительно-процессное), неограниченно-кратное, обобщенно-фактическое [Петрухина, 2009, с. 165]¹⁰.

1.4.3. Концепция видо-временных значений, развиваемая М.А. Шелякиным

Представления М.А. Шелякина о специфике употребления видов во временных формах изъявительного наклонения изложены в книге «Категория аспектуальности русского глагола (2008)». Автор разделяет некоторые положения, сформулированные в имеющейся научной литературе, однако считает нужным их дополнить.

Так, к числу значений, реализуемых формой настоящего несовершенного, он относит:

– значение конкретно-процессного действия. Ср.: *Чего вы здесь копаетесь? – Рыбку... рыбку ловим* (А. Чехов);

– значение неограниченно-продолжительных действий. Ср.: *Земля вращается вокруг солнца*; значение обобщенно-узусуальных действий. Ср.: *Человек дышит легкими*;

– значение обобщенно-потенциальных действий. Ср.: *Дерево в воде не тонет*;

– значение последовательных разовых действий в репортажах. Ср.: *Судья дает свисток, футболисты начинают игру*;

– значение перформативных речевых действий (от лат. *Performo* – «действую»). Ср.: *Я клянусь..., обещаю..., и т.п.*

Настоящее репортажное и настоящее перформативное выделено М.А. Шелякиным впервые.

Формы прошедшего времени НСВ, по мнению автора, реализуют значения конкретно-процессного действия, конативности действия,

---

¹⁰ Легко заметить, что концепции Е.В. Петрухиной и А.В. Бондарко очень близки. Имеющиеся различия связаны главным образом с используемой терминологией.

неограниченно-продолжительного действия, обобщенно-потенциального действия, модального обобщенно-узуального действия, общефактического действия и перфектное. Данный перечень отличается от рассмотренных выше степенью подробности. Значение конативности представлено как разновидность конкретно-процессного, в то время как остальные значения квалифицируются как самостоятельные.

Форму будущего несовершенного М.А. Шелякин характеризует так же, как и другие авторы, выделяя значение конкретно-процессного действия, обобщенно-фактического действия, неограниченно-продолжительного действия и обобщенно-потенциального действия.

Форма настоящего совершенного, как полагает автор, всегда употребляется синонимично форме настоящего несовершенного в значениях невозможности достижения результата усиленно осуществляемым разовым действием (ср.: *Никак не найду книги*), отсутствия проявления желаемого действия во время речевого акта с косвенно-побудительным подтекстом (ср.: *Что же вы не пригласите напиться чаю?*), модальной перформативности действия и модально-обобщенного настоящего (ср. *Он всегда найдет выход из положения*). Данные значения в том или ином виде упоминаются и в других работах, где все оттенки возможности или невозможности осуществления действия рассматриваются как принадлежащие одному понятийному ядру (настоящее потенциальное).

Как и другие авторы, М.А. Шелякин считает, что прошедшее совершенное представлено аористическим и перфектным значениями.

В будущем времени глаголы СВ, по мнению автора, обозначают:

- конкретно-фактическое действие, которое не связано с настоящим (действие не прикреплено к какому-то моменту в будущем, вообще не имеет определенной временной локализации) [Шелякин, 2008, с. 115]. Ср.: *Завтра я все расскажу ему о твоём поступке!*

- конкретно-фактическое действие, связанное с планом настоящего. Ср.: *Ветер поднялся, я закрою окно* (А. Чехов). В таком случае результативное

действие, которое осуществится в ближайшем будущем, имеет ситуативные предпосылки в настоящем.

Таким образом, М.А. Шелякин характеризует значения будущего совершенного с учетом связи обозначаемого глаголом действия с настоящим временным планом, и это отличает авторскую трактовку от всех других.

Анализ научной литературы показывает, что частные значения одного времени могут иметь аналогии со значениями, реализуемыми в других временных планах. Значение *актуального настоящего*, к примеру, параллельно *прошедшему несовершенному конкретному единичному действию* (имперфектного) и *будущему несовершенному конкретному единичному действию*. Во всех случаях мы имеем дело с одним и тем же частным видовым значением – с конкретно-процессным. Различие заключается только во временной отнесенности действия.

Подобным образом соотносятся *абстрактное настоящее, прошедшее несовершенное обычного повторяющегося действия* и *будущее несовершенное обычного повторяющегося действия*. Здесь в основе лежит неограниченно-кратное значение НСВ.

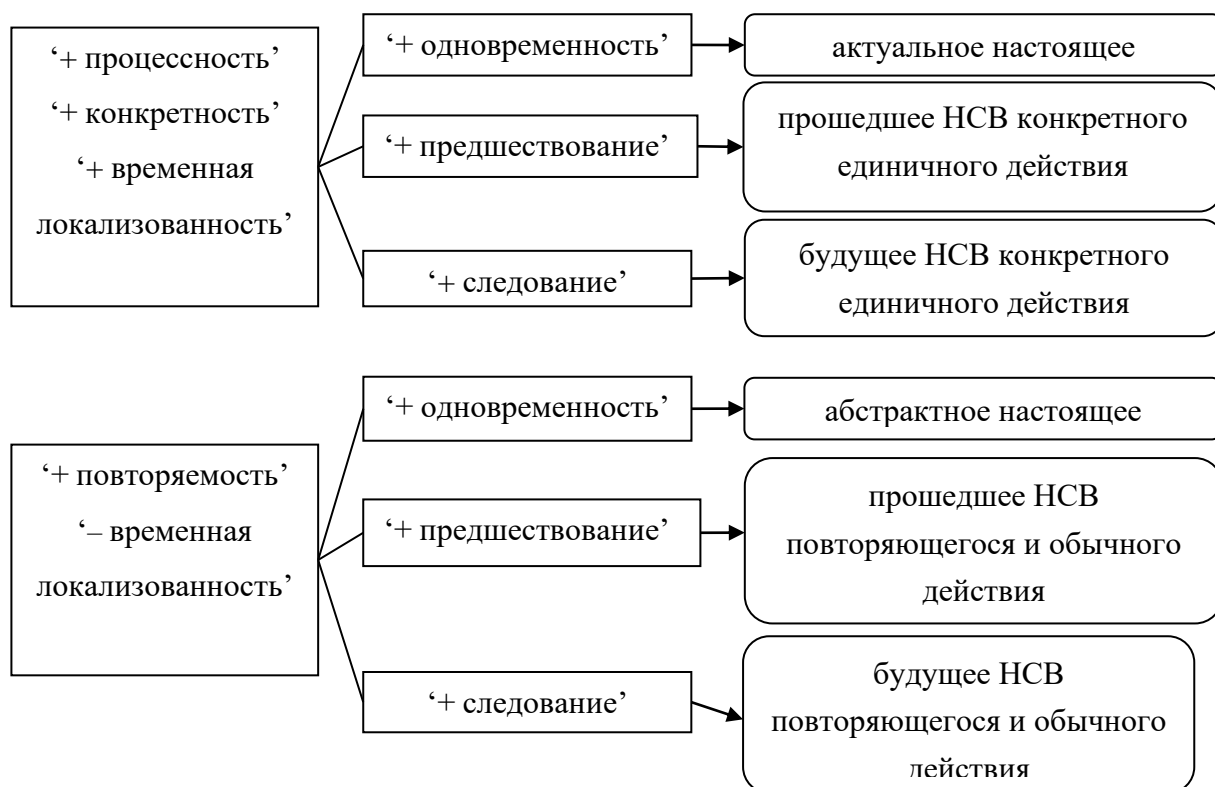
Если повествование ведется в будущем времени, то события выражаются формами будущего совершенного, значение которых «аналогично аористическому значению формы прошедшего совершенного, только действие относится в данном случае не к прошлому, а к будущему» [Бондарко, 1971, с.103].

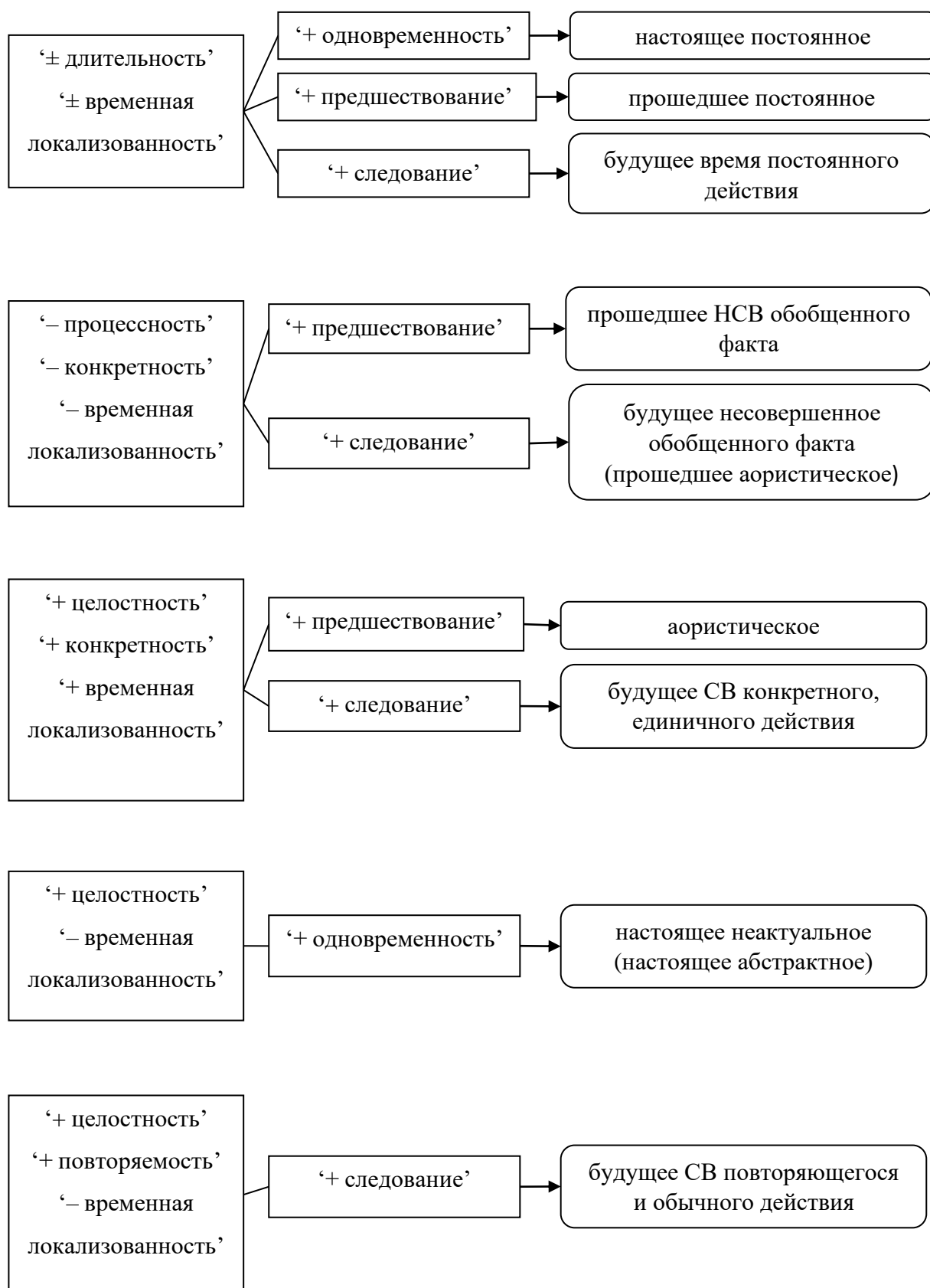
С учетом вышеизложенного мы полагаем возможным описывать значения видо-временных форм через наборы аспектуальных и темпоральных семантических признаков, что позволит в дальнейшем выявить особенности функционирования видо-временных форм.

Актуальное настоящее характеризуется объединением следующих признаков: ('+ процессность', '+ конкретность', '+ временная локализованность действия') + '+ одновременность (по отношению к

грамматической точке отсчета)’. Такой же набор аспектуальных признаков в сочетании с темпоральным признаком ‘+ предшествование (по отношению к грамматической точке отсчета)’ характеризует значение *прошедшего несовершенного конкретного единичного действия*. Семантическое ядро *будущего несовершенного конкретного единичного действия* составляет сочетание видовых и временных элементов (‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ временная локализованность действия’) + ‘+ следование (по отношению к грамматической точке отсчета)’.

Аналогичным образом можно истолковать остальные значения видо-временных форм. Семантическое строение видо-временных значений схематично представлено ниже.

Таблица 1.7: Описание видовых значений через наборы признаков

Некоторые значения настоящего несовершенного не находят соответствия в других временных планах. К числу таких значений относятся расширенное настоящее, сценическое настоящее, настоящее изложения, репортажное и перформативное. По А.В. Бондарко, положение настоящего на грани между прошедшим и будущим обуславливает те особенности функционирования грамматической формы настоящего несовершенного, которые не повторяются в других формах [Бондарко, 1971, с. 80].

1.4.4. Концепция видо-временных значений, развиваемая Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым

Оригинальная трактовка систем видо-временных форм представлена в работе Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию». Таким образом, под видо-временной формой авторы понимают только форму настоящего несовершенного. Авторы приходят к этому заключению, исходя из того факта, что в русском языке вид и время настолько тесно связаны друг с другом, что во многих случаях затруднительно сказать, какое значение выражает глагольная форма: значение вида или времени; настоящее время, безусловно, принадлежит полностью несовершенному виду (у глаголов СВ оно отсутствует), следовательно, в форме настоящего несовершенного содержатся, помимо значения несовершенного вида, и значения настоящего времени.

Представим видо-временные значения, выявленные Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым, в следующей таблице.

Ситуация	Значение видо-временной формы	Краткая характеристика значения	Примеры
Ряд последовательных событий	Настоящее историческое	Последовательные события имеют место в прошлом	<p><i>Измайловский полк был, очевидно, предупрежден, так как солдаты успели взять из кладовых мундиры старой формы, и часть полка быстро выстроилась.</i></p> <p><i>Екатерина <u>обращается</u> к солдатам с энергичной речью, прося у них защиты от своих неприятелей, которые <u>покушаются</u> на ее собственную жизнь и на жизнь ее сына. Солдаты <u>клянутся</u> умереть за императрицу (С. Платонов).</i></p>
	Настоящее сценическое, или настоящее изложения	События происходят в воображаемом мире сценического действия	<p><i><u>Зажигает</u> свет, <u>взглядывает</u> на Марусю. <u>Пугается</u> (...) Маруся <u>уходит</u> и <u>закрывает</u> за собой дверь... (Е. Шварц)</i></p>
	Настоящее репортажное	События происходят синхронно моменту речи в условном мире	<p><i>С <u>левого</u> края <u>приходит</u> с мячом. Блохин, <u>обводит</u> защитника и <u>бьет</u> по воротам.</i></p>

		спортивных состязаний	
Ситуация обобщенного факта	Настоящее вневременное (атемпоральное)	Ситуация либо вообще не локализована во времени, либо ограничена временем существования своих участников	<i>Эта традиция <u>восходит</u> к XVII веку. Волга <u>впадает</u> в Каспийское море. Овощи <u>содержат</u> витамины.</i>
	Настоящее экспозиционное	Это значение характерно для глаголов передачи информации. Мнение, информация, образ не утратили своей актуальности	<i>Как <u>учит</u> Дарвин, эволюция видов <u>определяется</u> тремя факторами. Гоголь <u>изображает</u> мелкопоместное дворянство.</i>
	Настоящее эмоциональной актуализации	Факт прошлого, вызвавший удивление или возмущение, как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего. Одновременно с этим привносится элемент типизации	<i>Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю. Однако <u>какая</u> глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция <u>распечатывает</u> письма мужа к жене и <u>приносит</u> их читать царю, и царь не <u>стыдится</u> в этом признаться (А. Пушкин).</i>

Таблица 1.8: Классификация видо-временных значений, выявленных Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым

Все значения видо-временных форм и их разновидности, выделенные Анной А. Зализняк и А.Д. Шмелевым, мы объединяем общим признаком *одновременности с актуальной действительностью говорящего*. В

нарративном (повествовательном) режиме, в котором место говорящего не совпадает с пространственной точкой отсчета, форма настоящего времени интерпретируется относительно текущего момента текстового времени [Падучева, 1996, с. 283]. При описании ряда последовательных событий в нарративе возможен вариантный выбор между формой настоящего НСВ и формой прошедшего СВ. Еще большие возможности вариативного выбора глагольных форм существуют в репортаже, в сценическом описании.

Границы плана настоящего времени как актуального бытия говорящего могут расширяться, охватывая прошедшее и будущее. Настоящее в таких случаях представляется как обобщенное.

Различия между двумя представленными нами подходами к проблеме характеристики видо-временных форм заключаются в следующем.

Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев полагают, что спрягаемые видовые формы образуют асимметричную пятичленную парадигму (несовершенное настоящее, несовершенное прошедшее, несовершенное будущее, совершенное прошедшее, совершенное будущее). Глаголы СВ, с их точки зрения, несовместимы со значением актуального процесса, одновременного моменту речи, то есть настоящее время полностью принадлежит несовершенному виду.

Это представление принципиально отличается от тех идей, которые сформулированы в РГ-80, в работах [Бондарко,1971], [Шелякин, 2008], [Петрухина, 2009].

В концепции Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, на наш взгляд, особенно важное значение имеет сам подход к проблеме характеристики видо-временных форм и их значений. Данный подход, несмотря на спорность многих конкретных решений, представляется автору диссертационной работы интересным и перспективным. По нашему мнению, наиболее убедительные рассуждения авторов заключаются в следующем.

Во-первых, характеристика видо-временных значений как значений,

выражаемых глаголами НСВ **только** в настоящем времени, представляется совершенно логичной. В концепции А.В. Бондарко и других ученых, которые рассматривают вид и время как самостоятельные, но связанные друг с другом категории, в рамках аспектуально-темпоральных комплексов роль вида и роль времени существенным образом различаются. Ономаσιологический подход к описанию видо-временных значений, предложенный автором диссертационной работы, показывает, что в большинстве случаев содержательно близкие значения «привязаны» к разным временным планам, то есть набор видовых признаков сохраняет свое тождество, «перемещаясь по временной шкале», иначе говоря, наблюдается простой сдвиг временной отнесенности.

Следовательно, можно прийти к выводу, что прошедшее и будущее времена служат фоном, на котором проявляются видовые значения, никакие собственно темпоральные значения у таких форм не обнаруживаются. Исключением является настоящее несовершенное, при котором настоящее придает частным значениям НСВ специфичные оттенки, не обнаруживаемые в других временных планах.

Таким образом, только при сочетании настоящего времени и несовершенного вида аспектуальные и темпоральные семантические признаки тесно перекрещиваются, одни обуславливают проявление других. Как писал С.И. Карцевский, «время старается «поместиться» в рамках вида» [Карцевский, 2004, с. 147]. И термин «видо-временные формы» при этом полностью отражает суть такого взаимоотношения.

Во-вторых, то значение, которое представители первого направления характеризуют как значение настоящего времени СВ, является, на наш взгляд, контекстуально обусловленным. СВ, как отмечает Е.В. Петрухина, «фокусирует внимание говорящего на одном из пределов (моментов, границ) действия, как правило, конечном или начальном» [Петрухина, 2009, с. 114]. Тем самым СВ исключает возможность представления действия в процессе

протекания. Семантика настоящего времени у глагола СВ актуализируется только в определенных типах контекста, причем такое настоящее имеет модальный характер: настоящее возможности, невозможности, желания.

Таким образом, настоящее как таковое принадлежит сфере НСВ, а не СВ.

Итак, в итоге можно сказать, что наличие в русском языке видо-временных форм является сильным аргументом, подтверждающим тесную связь вида и времени.

Существование противоположных мнений о видо-временных значениях можно объяснить тем, что взаимодействие вида и времени – сложное языковое явление, требующее самого тщательного изучения, а также тем, что многое в области видо-временных значений относится к области, которую Бодуэн де Куртенэ назвал «потаянными, скрытыми языковыми представлениями» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, Т. 1, с. 185].

Наибольший интерес вызывают семантические, грамматические и стилистические особенности видо-временных форм глагола, которые выявляются в результате рассмотрения аспектуально-темпоральных взаимоотношений на текстовом уровне. Собственная семантика вида, обогащаясь семантическими элементами темпоральности, ярче проявляется при функционировании видо-временных форм в различных коммуникативных типах речи.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Теоретическое осмысление категории вида русского глагола в условиях межъязыкового взаимодействия и перевода требует комплексного подхода, сочетающего грамматико-семантический, прагматический, социолингвистический и переводоведческий уровни анализа.

Во-первых, в рамках аспектологии исследование частных видовых значений показало эффективность ономаσιологического подхода, предполагающего движение от смысла к форме. Это уточнение особенно важно для установления эквивалентов в переводе, так как позволяет избежать смешения темпоральных и аспектуальных планов при интерпретации глагольных форм.

Во-вторых, с точки зрения прагмалингвистики и социолингвистики, видовая форма оказывается не только грамматическим, но и прагматико-коммуникативным инструментом, отражающим речевую стратегию говорящего, его отношение к ситуации и ожидаемую реакцию адресата. В художественном тексте выбор видовой формы часто мотивирован не логико-грамматическим значением, а интенцией - создать комический эффект, подчеркнуть стереотип, сместить фокус рассказа и т.д. Кроме того, на выбор видовой формы влияет социокультурная норма употребления глаголов в разных коммуникативных условиях, что особенно актуально при межкультурном переносе.

В-третьих, в рамках переводоведения, особенно применительно к опосредованному переводу (с русского на вьетнамский через английский или французский), была выявлена необходимость компенсационных и трансформационных стратегий. Однако такие стратегии (лексические замены, синтаксическая перестройка, введение аспектуальных маркеров) не всегда позволяют адекватно воспроизвести видовую вариативность, характерную для оригинала. Именно здесь особенно важна многоуровневая оценка качества перевода: на семантическом, функциональном, текстовом и культурном

уровнях, где аспектуальность служит связующим элементом между грамматической формой и коммуникативной функцией.

Таким образом, объединение подходов аспектологии, прагмалингвистики, социалингвистики и переводоведения позволяет не только глубже понять природу видовых значений в русском языке, но и создать методологическую основу для анализа и оценки их репрезентации в межъязыковом переводе. Это открывает перспективу для дальнейших исследований в области сопоставительной грамматики, прагматики и переводческой практики, в том числе в рамках подготовки специалистов по переводу и межкультурной коммуникации.

При исследовании категории вида русского глагола одним из эффективных направлений анализа является выявление внутренней структуры частных видовых значений. Суть этого направления заключается в экспликации важнейших компонентов видовой глагольной семантики, таких как ‘+целостность’, ‘+конкретность’, ‘+наличная результативность’, ‘+процессность’, ‘+повторяемость’, ‘+локализованность действия во времени’, ‘+длительность’.

Такой подход можно с известной степенью условности назвать ономасиологическим, поскольку он выстраивает описание от смысла к форме (правда, в данном случае мы имеем в виду не собственно языковую, но метаязыковую форму, двигаясь от структуры видового значения к его терминологическому обозначению). Ономасиологическое описание видовой глагольной семантики показывает, что в основе по-разному названных в русской аспектологической литературе значений лежит один и тот же набор семантических компонентов, и тем самым позволяет решить ряд спорных вопросов в изучении частных видовых значений, снимая разнообразие точек зрения и множественность интерпретаций.

Развиваемый в работе принцип ономасиологического анализа позволяет также уточнить представления о сущности видо-временных форм, которые

тракуются в современной литературе неединообразно. Как показывает анализ, разные комбинации видовых и временных форм не дают каждый раз новое значение. Значения настоящего актуального, прошедшего несовершенного конкретного единичного действия, будущего несовершенного конкретного единичного действия характеризует одно и то же сочетание семантических компонентов. Различие заключается лишь во временной отнесенности описываемого действия. Выделенные частные значения следует считать чисто видовыми, а не видо-временными. Это решение согласуется с положением, согласно которому видо-временными значениями принято называть те, в которых семантика вида не отделена от темпоральной семантики.

Опора на выделенные в диссертационном исследовании наборы семантических признаков делает работу над эмпирическим материалом более эффективной, подчиняя ее единому алгоритму: определение частного видового значения осуществляется через выявление контекстуальных (лексических и грамматических) или ситуативных элементов, проясняющих наличие / отсутствие того или иного семантического компонента в составе глагольной граммемы.

Применение ономаσιологического подхода в сопоставительном аспекте представляется особенно продуктивным. Выявление внутренней структуры видового значения дает возможность преодолеть терминологическую несогласованность и представить объект сравнения максимально прозрачно: от комплекса семантических признаков к средствам их выражения в сопоставляемых языках.

ГЛАВА 2:

ВИД В НАРРАТИВЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Настоящая глава посвящена наблюдениям над функционально-семантическими особенностями грамматической категории вида в художественном произведении.

Проблема интерпретации видовых и видо-временных форм на уровне текста является актуальной, поскольку «выход за рамки отдельного предложения и изучение глагольных форм в масштабе связного текста приводит к расширению знаний о самих видовых и видо-временных формах глагола и позволяет выделить функции, которые реализуются только в тексте» [Шендельс, 1987, с. 27]. Иначе говоря, уровень текста выступает как область реализации прагматического потенциала глагольных форм, в том числе их аспектуальных характеристик.

С *социолингвистической* точки зрения, функционирование глагольных форм неразрывно связано с нормами, традициями и эстетическими установками литературного языка конкретной эпохи. Например, художественное время как феномен рецептивной поэтики, описанный Д.С. Лихачевым, И.Р. Гальпериным и Е.В. Падучевой, обусловлен исторически сложившимися социокультурными практиками восприятия текста: читатель «переносится» в мир произведения и «переживает» события в логике актуального настоящего. Таким образом, выбор видовых форм коррелирует не только с грамматической нормой, но и с социокультурной компетенцией как автора, так и читателя, включая коллективные ожидания, интерпретационные привычки, стиль эпохи, канонические приемы описания времени и действия.

Как известно, употребление видовых и видо-временных форм в художественном тексте подчиняется определенным принципам. Это связано с тем, что художественный текст есть результат отчуждения высказывания от

субъекта речи и, следовательно, интерпретируется в условиях неполноценной коммуникативной ситуации: читатель имеет дело только с текстом, а не непосредственно с его автором; в свою очередь автор лишен синхронного адресата. Отсюда следует трансформация правил интерпретации категории времени и формирование феномена художественного времени.

Прошедшее время в художественном тексте не может быть дейктичным, поскольку момент речи не участвует в интерпретации высказывания. Согласно мнению Д.С. Лихачева, И.Р. Гальперина, М.Н. Левченко, Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, формы прошедшего времени в тексте теряют свою дистанцирующую функцию вследствие того, что при восприятии художественного произведения читатель склонен переноситься во временную плоскость персонажей, психологически воспринимая описываемые события как совершающиеся в момент чтения. Как пишет Д.С. Лихачев, «читатель, осознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере это прошлое своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого произведения» [Лихачев, 1979, с. 334].

Следует отметить, что в художественном тексте место момента речи занимает «текущий момент текстового времени», то есть настоящее время персонажей или наблюдателя-повествователя [Падучева, 1996, с. 370]. На это «текстовое настоящее время» и ориентированы все видовые формы.

Так, формы прошедшего НСВ при функционировании в тексте теряют свой первичный смысл, не выражая предшествование, и обозначают синхронность текстовому настоящему времени, иначе говоря, «синхронность точке отсчета»¹¹ [Падучева, 1989, с. 168].

Формы прошедшего СВ в художественном тексте сохраняют свое основное значение: они фиксируют ретроспективную точку отсчета: наблюдатель смотрит на событие из его итогового состояния.

---

¹¹ Понятие «точка отсчета» (point of reference) было введено в 1947 году Г. Рейхенбахом [Reichenbach, 1947, с. 289]. Это понятие может быть отождествлено с понятием «момент наблюдения».

В повествовательном тексте цепь форм прошедшего СВ выражает ряд сменяющихся фактов прошлого, в результате чего создается впечатление, что «мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавливаясь» [Потебня, 1977, с. 157-158]. А обозначаемые формами прошедшего НСВ действия «лишь размещаются по разным участкам одной временной плоскости, не сменяя друг друга, а уживаясь по соседству, образуя единство картины», причем форма НСВ «указывает в этих случаях на субъективно переживаемый фон другого действия или на сопутствующее ему, включенное в него восприятие» [Виноградов, 1980, с. 206, 232].

В соответствии с предложенной Б.М. Гаспаровым «метафизической» интерпретацией природы русского глагольного вида, в основе которой лежит учет использования видов в художественной прозе, с помощью СВ говорящий отделяет себя от непосредственного участия в ситуации и смотрит на нее со стороны; выбор НСВ соответствует представлению о действительности как о недискретном временном потоке, в котором границы между отдельными событиями размываются и теряются.

Таким образом, формы прошедшего СВ могут характеризоваться как двигатель текстового сюжета, а формы прошедшего НСВ – как остановка в поступательном движении текста, прорисовка фона.

Мы уделяем особое внимание формам прошедшего времени СВ и НСВ, поскольку они служат базовым структурным компонентом текста художественного произведения. Как известно, для прошедшего времени глаголов СВ и НСВ в текстах повествовательного типа ВВ. Виноградов использовал термины «аорист», «имперфект», «перфект» [Виноградов, 1986, с. 558]. Этими грамматическими временными формами в определенных типах контекста реализуются:

- аористическое значение (глаголы НСВ и СВ обозначают действие как конкретный факт прошлого);
- имперфектное значение (глагол НСВ называет прошедшее действие,

представленное в процессе его протекания, прошедшее постоянное или прошедшее повторяющееся действие);

- перфектное значение (глагол СВ обозначает прошедшее действие, результат которого актуален для более позднего временного плана – настоящего или прошедшего).

Названные оттенки аористического, имперфектного и перфектного значения соответствуют рассмотренным в Главе I (§ 1.1) настоящей диссертационной работы значениям: конкретно-фактическому СВ, перфектному СВ, обобщенно-фактическому НСВ, конкретно-процессному НСВ, неограниченно-кратному НСВ и значению постоянного отношения НСВ. Поскольку в данной главе в центре внимания находятся видовые формы в составе повествовательного текста, мы, сохраняя широко распространенную в аспектологии традицию, употребляем здесь для наименования частных видовых значений те термины, которые используются в лингвистической литературе при рассмотрении семантики глагольных форм в нарративе: аористическое, имперфектное и перфектное значение.

Как отмечалось выше, прошедшее является базовым временным планом в нарративе. В ряде случаев структура текста характеризуется временной двуплановостью: настоящее / прошедшее время. Как заметила Е.В. Падучева, настоящее время «дает свободу выбора интерпретации – точкой отсчета может быть момент речи (время говорящего) и текстовое время, а последнее может интерпретироваться и как время повествователя, и как время персонажа» [Падучева, 1996, с. 374].

Итак, специфика художественного времени обуславливает ряд особенностей функционирования видовых и видо-временных форм. Выявление этих особенностей в тексте поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» является задачей настоящей главы.

Поэма «Мертвые души» отличается особой композиционной структурой: в тексте наличествуют авторская оценка, размышления,

описательные элементы, вставные эпизоды, которые сбивают «эпический» ход повествования.

Описание, рассуждение, повествование как «однородные формы словесной композиции ..., структурные формы речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений», В.В. Виноградов определяет понятием «композиционно-речевая форма» [Виноградов, 1980, с. 70]. Каждая из композиционно-речевых форм имеет свои особенности.

В работах, посвященных анализу языка художественного произведения, наблюдения над функционированием видо-временных форм с различными значениями представляют собой один из способов выявления особенностей построения текста и специфических черт авторской манеры повествования. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть особенности функционирования глаголов СВ и НСВ в поэме «Мертвые души» в составе разных композиционно-речевых форм. Не менее важной является задача охарактеризовать глагольный предикат не в рамках отдельных фрагментов, а в составе целостного и законченного текста (в настоящей работе – одной главы произведения).

В связи с вышесказанным дальнейшее изложение строится следующим образом.

Сначала анализу подвергаются вся глагольная лексика, извлеченная методом сплошной выборки из первой главы поэмы «Мертвые души»; далее рассматриваются глаголы, использованные в составе текстовых фрагментов, принадлежащих разным композиционно-речевым формам.

Первая часть анализа, таким образом, ориентирована на описание семантики глагольных форм, функционирующих в первой главе поэмы, и в связи с этим используется «ономасиологическая методика»; во второй части предпринимается попытка выявить наличие / отсутствие тенденций, определяющих особенности функционирования глагольных форм с теми или иными аспектуальными характеристиками в различных коммуникативно-речевых типах повествования.

2.1. Видовые и видо-временные формы в первой главе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»

На первом этапе анализа из первой главы «Мертвых душ» методом сплошной выборки были извлечены все личные глагольные формы, количество которых составляет 299 единиц. Среди них формы НСВ составляют 44,8% (134 единицы), формы СВ – 44,1% (132 единицы), видо-временные формы – 11,1% (33 единицы).

2.1.1. Видовые формы глаголов НСВ

Все 134 глагольные формы НСВ были распределены в четыре группы с учетом того набора аспектуальных признаков, который их характеризует: глаголы первой группы объединяют семантические параметры ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’ (57 употребления, 42,5%), второй – ‘– локализованность действия во времени’ и ‘+ повторяемость’ (50 примеров – 37,31%), третьей – ‘± локализованность действия во времени’, ‘± длительность’ (25 единиц – 18,65%); четвертой – ‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’ (2 контекста – 1,4%).

2.1.1.1. Видовые формы глаголов НСВ первой группы

Для частных значений НСВ, реализуемых глаголами первой группы, характерен комплекс следующих семантических признаков: ‘+ процессность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’.

Глаголы, входящие в данную группу, называют конкретное действие в его развитии, которое может быть представлено относительно разных точек отчета – либо момента речи, либо текущего момента текстового времени.

Наглядно демонстрируют значения процессности следующие четыре примера.

*И потом еще **долго сидел** в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников.*

*После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно **долго тер** мылом обе щеки, подперши их изнутри языком.*

*Он очень **долго** жал ему руку ...*

*Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он, заложивши руки назад, глядел на них **минуты две** очень внимательно.*

Здесь длительность действий фиксируется и конкретизируется лексическими показателями **долго**, **минуты две**. Глагольные формы в таких случаях реализуют подчеркнуто-длительное значение; таким образом, к исходному семантическому комплексу добавляется признак ‘+ длительность’.

В случаях, подобных следующему, видовое значение процессности поддерживается лексическим значением глаголов НСВ **трепетать** 2 ‘испытывать дрожь, сильное волнение’ и **струить** ‘распространять струей, испускать’.

При этом было очень умиительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику.

Для следующего употребления характерно сочетание семантического признака конкретности и процессности НСВ с признаком отнесенности действия к моменту речи. Н.В. Гоголь очень часто вносит в повествовательный слой чужую речь: в состав предложения входят авторская ремарка и прямая речь персонажа, точкой отсчета в которой является настоящий момент говорящего, совпадающий с настоящим моментом слушающего-адресата.

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой.

Действие **думать** здесь представлено как протекающее в момент речи.

Если в одном контексте используется несколько глагольных форм, они могут обозначать разные типы аспектуально-таксисных ситуаций.

В представленном ниже примере сочетание глаголов НСВ обозначает

совокупность фактов, являющихся по смыслу контекста одновременными. При этом каждое из действий описывается в процессе своего протекания.

Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он рассматривал общество, и следствием этого было то, что он наконец присоединился к толстым.

Сочетание форм СВ и НСВ в составе одного контекста позволяет передать различные разновидности соотношения процессов и целостных фактов; например, «процесс – наступление факта»:

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки.

Видовое значение глагола **осматривать** определяется контекстом: сочетание глагола НСВ **осматривать** и формы страдательного причастия прошедшего времени глагола СВ (далее – СППВ) **внести** дает понять, что одно целостное действие наступило в определенный момент протекания другого действия. Лексическое значение глагола **осматривать** ‘смотреть на кого-, что-н. с разных сторон, обозреть полностью, оглядеть’, также подсказывает, что действие представляется в процессе его протекания.

Следующий случай демонстрирует другую возможность соотношения процессов и целостных фактов: «наступление факта – последующий процесс».

Они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина.

2.1.1.2. Видовые формы глаголов НСВ второй группы

Вторую группу составляют глаголы НСВ, выражающие значение неограниченной повторяемости действия (50 единиц). Как отмечает РГ-1980, свобода употребления глаголов НСВ в таком значении обуславливается их инвариантной семантикой (‘отсутствие ограниченности действия пределом’)¹². Во всех имеющихся контекстах с помощью глаголов данной группы обозначается открытый ряд повторяющихся однотипных действий.

Ядро значения глаголов, входящих в данную группу, составляют признаки ‘– локализованность действия во времени’ и ‘+ повторяемость’.

---

¹² См. РГ-80, т. 1, с. 608.

Подробно рассмотрим некоторые примеры.

Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!»

*Тот же закопченный потолок; та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели **всякий раз**.*

*Он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор ... на что половой, **по обыкновению**, отвечал: «О, большой, сударь, мошенник».*

На неограниченную повторяемость действия в вышеприведенных примерах прямо указывают обстоятельства, дающие темпоральную характеристику: **всякий раз, иногда, по обыкновению**.

Подобным образом можно квалифицировать роль уточняющих контекстных элементов в следующем примере:

*Это, по-моему, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он **всякий раз**, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего?*

В данном примере в рамках повторяющегося эпизода каждое действие (**слышать, встряхивать, выпрямливаться, спрашивать**) представлено как конкретный процесс. Вместе с тем на такие процессы распространяется общий смысл повторяемости всего эпизода.

В следующем примере значение неоднократности действия **поговаривать** 'говорить время от времени' выражается с помощью приставочно-суффиксального форманта *по-...-ива-*.

Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде.

Суффикс *-ива-* указывает на многократность, повторяемость действия и в следующих примерах:

На одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, верно, никогда не видывал (**видывать** ‘многокр. к гл. видеть 2’).

Он наконец присоединился к толстым, ..., которые все приветствовали его, как старинного знакомого, на что Чичиков раскланивался несколько набок, впрочем, не без приятности (**раскланиваться** ‘кланяться несколько раз в знак уважения, почтения к кому-либо’).

В примере *Черные фраки* мелькали и носились *врознь* и *кучами* глаголы многоактного и многократного способа действия **мелькать** ‘показываться на короткое время и скрываться’ и **носиться** ‘двигаться с большой скоростью (неоднократно, в разное время и в разных направлениях)’ способны выразить в контексте повторяющиеся действия.

К данной группе примеров относятся также те (10 из 50), в которых ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая. Глагол-предикат в таких случаях реализует потенциально-качественное значение.

В следующем употреблении потенциально-качественное значение поддерживается и лексическим значением глагола **уметь**: ‘обладать навыком, полученными знаниями, быть обученным чему-н.’:

Но замечательно, что он все это умел *облекать* *какою-то степенностью*, умел *хорошо держать себя*.

В приведенном ниже контексте обозначается свойство лица. Следовательно, глагол **говорить** употребляется в потенциально-качественном значении.

О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его .... Говорил *ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек.*

Из контекста можно понять, что герой обладает умением поддержать разговор, и умением говорить так, как следует: не громко, не тихо.

2.1.1.3. Видовые формы глаголов НСВ третьей группы

В третью группу входят глаголы НСВ, с помощью которых «сообщается о действии (обычно отношении и состоянии, но иногда и о действии, связанном с определенным изменением, развитием), имеющем неограниченную временную протяженность» [Русская грамматика, 1980, Т 1, с. 610]. В таких случаях признак ‘± локализованность действия во времени’ соотносится с признаком ‘± длительность’.

Из 25 случаев наиболее типичными являются следующие.

... та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу.

В этом примере состояние бездны чайных чашек, образно обозначенное глаголом *сидеть*, имеет место не только в какой-то конкретный отрезок времени, а постоянно. При этом не имеется в виду, что действие неоднократно повторяется или прерывается, – оно полностью заполняет собой этот обширный период времени: бездна чайных чашек сидела, и сейчас там еще сидит, и, может быть, будет сидеть еще.

(Чичиков) нашел, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.

В этом случае с помощью выделенных глаголов осуществляется обозначение постоянного признака (в широком смысле – состояния), характеризующего описываемые дома: каменные дома – желтого цвета, деревянные – серого (показательно, что в составе фрагмента *сильно била в глаза желтая краска на каменных домах* может быть использован глагол *желтеть*: *желтела краска на каменных домах*).

Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою.

Для данного примера характерна постоянная данность состояния предмета: *городской сад... состоял из тоненьких дерев.* Это состояние городского сада имеет неограниченную временную протяженность. Следовательно, в подобных случаях говорится о значении постоянного отношения.

Рассмотрим пример с глаголом *жить*, который сам по себе выражает постоянный характер действия.

Но еще с большей точностью, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках: ... как далеко живет от города.

Внимание здесь сосредоточивается на длительности действия – при том, что не имеется в виду никакой конкретный момент осуществления действия. Оно охватывает огромный отрезок времени, в рамках которого оно типично и постоянно.

Значение постоянства может формироваться под влиянием контекста, как в следующем примере:

Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые все увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же говорили по-французски и смешили дам так же, как и в Петербурге.

В данном случае употреблены глаголы действия, а не состояния или отношения (помимо глагола *иметь*): *увиваться, подсесть, говорить, смешить*. В рамках контекста обобщения при наличии соответствующих лексических показателей (*как и везде, так же, так же, как и в Петербурге*) данные глаголы представляют действие как постоянное, не имеющее временных границ. Как кажется, такое употребление глагольных форм отражает намерение Н.В. Гоголя различать два рода мужчин: одних, которые ведут себя так, как обычно поступают в других местах, например, в

Петербурге, автор называет тоненькими. Их действия характеризуются Гоголем как типичные, постоянные. Другие – *толстые* – иначе ведут себя, и глаголы, называющие их действия, реализуют другое значение, о котором речь пойдет ниже. Таким образом, семантика разных глагольных форм также помогает автору выразить текстовые смысловые оттенки.

В следующем примере действие, обозначенное глаголом *въезжать*, также мыслится как типичное, обобщенное. На реализацию этой идеи работает синтаксическая конструкция обобщенно-безличного предложения с глаголом во втором лице:

Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы.

2.1.1.4. Видовые формы глаголов НСВ четвертой группы

В двух примерах факт, обозначенный глагольным предикатом, констатируется или отрицается в общей форме, «сам по себе», «без учета того, имел ли он место один раз или повторялся, без учета его индивидуального «местоположения на линии времени» и других обстоятельств его конкретного осуществления» [Маслов, 2004, с. 102]. Как уже отмечалось, в семантике глаголов НСВ данной группы содержатся признаки ‘– процессность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘– конкретность’.

Ниже отрицание наличия факта демонстрирует глагол *носить*.

А холостым – наверное не могу сказать, кто делает, бог их знает, я никогда не носил таких косынок.

Здесь внимание сосредоточивается лишь на факте отсутствия действия *носить*. Следовательно, глагол употребляется в обобщенно-фактическом значении.

Употребление НСВ *обедать* в обобщенно-фактическом значении в ниже представленном примере акцентирует самое наличие действия без всякой аспектуальной характеристики.

«Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!»

Таким образом, исчерпывающий анализ всех случаев употребления личных форм¹³ глаголов НСВ, извлеченных из первой главы поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» показал, что они обозначают конкретные, повторяемые, постоянные ситуации; употребление НСВ в значении обобщенного факта не является частотным.

2.1.2. Видовые формы глаголов СВ

Наибольшей частотностью характеризуются такие употребления глаголов СВ, в которых констатируется наличие концентрированного, целостного факта, ограниченного пределом. В рассмотренном фрагменте абсолютное большинство глаголов СВ (101 из 132, что составляет 76,51%) выступает в аористическом значении, то есть реализует набор признаков ‘+ целостность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ конкретность’.

Прокомментируем некоторые примеры.

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки.

Описывается конкретная ситуация. С помощью глагола СВ *въехать* передается общий, «целостный» взгляд на все событие: В подобных случаях внимание уделяется не процессу протекания действия, его длительности, а лишь самому факту достижения цели и предела действия.

В примерах, подобных следующему, сочетание нескольких глаголов СВ выражает последовательность фактов.

Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

---

¹³ В результате анализа обнаруживаются такие случаи, когда глаголы, находясь в составе устойчивого выражения, перестают функционировать как самостоятельное слово. Их видовая семантика не рассматривается в рамках данной диссертационной работы. Ср.: «Я имел честь покрыть вашу двойку», «а холостым – наверное не могу сказать, кто делает, бог их знает, я никогда не носил таких косынок».

Из контекста ясно, что речь идет о трех совершившихся фактах: сначала происходит одно событие (*оборотиться назад*), затем второе (*посмотреть экипаж*), которое сменяется третьим (*придержаться картуз*) и т.д. Тем самым цепь описываемых событий предстает как поступательное движение от одного факта к другому.

Причастие как особая форма глагола не является объектом анализа в данной диссертационной работе, однако нельзя не отметить, что включение причастий в текст помогает личным формам СВ выразить идею последовательности фактов более выпукло. Это объясняется тем, что причастие, будучи формой глагола, сохраняет значение действия и обладает грамматическим признаком совершенного вида. Сочетание краткой формы СППВ с личной формой СВ так же выражает последовательные события, как и сочетание двух личных форм СВ. Ср.:

Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей.

Рассмотрим случай, в котором благодаря сочетанию формы деепричастия НСВ *спускаясь* и словоформы СВ *прочитал* выражается соотношение «процесс – наступление факта».

*На бумажке половой, **спускаясь** с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям».*

Аналогично в следующем случае целостное действие (*отправиться*), ограниченное пределом, наступило в тот момент, когда другое действие (*разбирать*) оказывается в процессе своего протекания.

*Когда половой все еще **разбирал** по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город ...*

Следующий контекст демонстрирует иное соотношение НСВ и СВ: «наступление факта – последующий процесс»:

*Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он, заложивши руки назад, **глядел** на них минуты две очень внимательно.*

Здесь одно действие (*притиснуть*) уже осуществилось и достигло своего предела, а следующее действие (*глядеть*), описываемое в контексте с наличием показателя ограниченной длительности *минуты две*, воспринимается не как целостное, а как протекающее.

В остальных случаях (31 употребление) личные формы СВ использованы в таких контекстах, которые содержат показатели, переводящие видовую семантику в плоскость вторичных частных значений, являющихся разновидностями конкретно-фактического. В пятнадцати случаях (11,36%) глаголы СВ реализуют перфектное значение; в шести (4,54%) – наглядно-примерное; в шести других (4,54%) – потенциальное; в одном случае (0,75%) – суммарное и в трех случаях (2,27%) – ограниченно-кратное значение.

В основе *перфектного* значения, реализуемого словоформой СВ во всех пятнадцати употреблениях, лежат компоненты ‘+ целостность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ наличная результативность’. Наиболее типичными примерами реализации перфектного значения являются следующие.

В немного времени он совершенно успел очаровать их.

Лексическое значение глагола *успеть* ‘быть в состоянии сделать что-либо за определенный промежуток времени’ хорошо соотносится с семантикой перфектности: результат завершившегося в прошлом действия актуален для настоящего (*он успел – они очарованы*).

В таких случаях оказывается важным не сам факт осуществления действия, а его наличный результат.

В следующем контексте форма глагола *найти* также выражает не только значение целостности, что характерно для всех глаголов СВ, но и значение актуального результата (ср. *Искал, искал и нашел*).

Павел Иванович Чичиков ... нашел, что город никак не уступал другим губернским городам.

Интересный способ репрезентации семантики перфектности представлен в следующих фрагментах:

*А воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, **влетают** смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, **обсыпают** лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя ...*

*Наружного блеска они не **любят**; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия. У тоненького в три года не **остается** ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь – и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены.*

Здесь формы СВ окружают формы НСВ настоящего времени, что ярче подчеркивает специфику перфектности – сохранение прошлого в настоящем.

В следующем примере глагол-предикат заключает в своем значении указание на сохраняющийся результат: **украстись** значит ‘стать украшенным, приобрести красивый, нарядный вид’¹⁴.

Город наш украстился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день.

В данном случае констатируется наличное состояние: город *украстился*, и состояние **быть украшенным** относится к синхронному моменту наблюдения.

Наглядно-примерное значение СВ, содержащее в себя компоненты ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’, является производным от конкретно-фактического. В рамках эпизода примера, представляющего неограниченный ряд подобных

---

¹⁴ Перфектное употребление особенно характерно для тех глаголов, которые заключают в своем значении указание на устойчивый, сохраняющийся результат. Таковы, в частности, непереходные глаголы со знач. осуществившегося перехода в состояние: **высохнуть, обрызгнуть, озябнуть, окрепнуть, остыть, поблекнуть, почернеть, постареть, скиснуть, увязнуть** [РГ, 1980, Т1, с. 606].

эпизодов, «создается иллюзия конкретного факта», действие изображено так, как будто оно происходит один раз, однако это образное значение «сталкивается с общим значением обычности, исходящим от окружающего контекста». Таким образом, смысл повторяемости действия «выражается на основе сочетания типичности и конкретности: типичное передается через конкретное и единичное. В таком способе представления повторяющихся ситуаций присутствует элемент образности, изобразительности, экспрессивности» [РГ, 1980, с. 610]. Ср.:

Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят.

В данном случае в качестве примера всего эпизода выступает не одно, а целый ряд действий, выделенных формами простого будущего СВ *сядут, затрещит, угнется, слетят*. В таких случаях описывается постоянная, типичная ситуация. Следовательно, действия представлены в плане настоящего в широком смысле (ср. *занимают, любят, остается*). Появление форм СВ в простом будущем времени выражает еще дополнительный семантический компонент: отдельные акты, выделяемые из ряда повторяющихся, представляются как пример, дающий наглядное представление о других подобных. Это своего рода особый прием изображения повторяющегося, обычного действия.

Потенциальное значение СВ, которое продемонстрировано глаголом *доехать* в нижеприведенном контексте, выделяется по дополнительному модальному признаку: значение конкретного целостного факта, реализуемое глаголом СВ при выражении повторяющихся действий, осложняется оттенком возможности или невозможности осуществления действия. К набору ‘+ целостность’, ‘– локализованность действия во времени’, ‘+ повторяемость’ добавляется оттенок возможности выполнения действия. Ср.:

«...вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет».

«А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет».

Обозначение действия, совершающегося в рамках ограниченного пределом времени, может осуществляться с помощью конструкций, которые указывают на точную или неточную ограниченную продолжительность (**два часа, с лишком два часа времени, во все время игры**):

Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой номер, где, прилегли, заснул два часа.

Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком два часа времени.

(Почтмейстер) покрыл нижнею губою верхнюю и сохранил такое положение **во все время игры**.

Частное значение, выражаемое словоформами **заснул, заняло, сохранил**, отличается набором ‘+ целостность’, ‘+ локализованность действия во времени’, ‘+ ограниченная длительность’.

Суммарное значение, которое реализуется у глагола **сказать** в следующем контексте, представляет собой разновидность конкретно-фактического значения и потому соотносится с признаками ‘+ целостность’, ‘+ конкретность’, ‘+ локализованность действия во времени’.

В разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою **два раза**: «ваше превосходительство».

Значение «интегральной» целостности¹⁵, полученной суммированием ряда отдельных фактов, выражается с помощью лексического показателя ограниченной кратности **два раза**.

Итак, подавляющее большинство глагольных форм СВ, извлеченных из первой главы, выступает в аористическом значении, выражая конкретное, целостное, локализованное в конкретном месте на оси времени действие. Выполняя аористическую функцию, СВ выдвигает текстовый сюжет вперед.

---

¹⁵ См. [Маслов, 2004, с. 384]

В тексте представлены также отдельные разновидности аористического значения: суммарное, ограниченно-длительное, потенциальное, перфектное, наглядно-примерное. Каждое из перечисленных значений обладает дополнительным семантическим признаком. Эти дополнительные признаки имеют статус неустойчивого семантического компонента, который может подавляться контекстом¹⁶.

2.1.3. Конкуренция видов

Детальный анализ частных видовых значений дает возможность понять, как эти значения реализуются в конкретном художественном произведении. Исследование текстового материала показывает, что граница между семантикой НСВ и СВ не всегда так четка, чтобы в определенных контекстных условиях допускался только тот, а не иной вид. Наоборот, существуют некоторые определенные типы контекстов, которые допускают несколько вариантов выражения общего смысла высказывания. В подобных случаях говорят о варьировании СВ и НСВ. Такое явление получило название **конкуренция видов**. Речь идет о «взаимозаменяемости видов, не сопровождаемой изменением основного смысла высказывания» [Бондарко, 1971, с. 36].

Анализ случаев конкуренции видов в тексте первой главы начнем с известного диалога двух мужиков, обсуждающих экипаж главного героя:

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой.

В данном случае форма глагола СВ **сказал** обозначает целостный факт, который ограничивается пределом. Поскольку ситуация представлена в виде диалога, в котором каждый из актов вопроса и ответа достиг своего внутреннего предела и результата, второй глагол в данном контексте мог бы быть употреблен в СВ. Ср. *один **сказал**, другой **ответил***.

---

¹⁶ Так понимается статус компонента перфектного значения ‘сохранение итогового состояния в момент речи’ в [Падучева, 1996, с. 54]

Замена СВ *ответить* на НСВ *отвечать* создает особой речевой эффект: чередующиеся акты «вопрос – ответ» представлены в непрерывном процессе. Здесь не имеется в виду, что одна пара таких актов приходит к завершению и за ней следует вторая. Следовательно, автор употребляет не СВ, а НСВ с целью сохранения плавности течения диалога. Кроме того, при наличии НСВ описываемые действия способны сохранить свою актуальность, даже до момента их восприятия читателем.

Такое же объяснение справедливо для следующего примера:

Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» – и толкнула его ногою.

Возможность еще одного объяснения выбора в пользу НСВ дает теория, разработанная в [Гренн, Филюшкина Краве, 2007]. Осмысляя проблему конкуренции видов, авторы разграничивают два типа ситуаций, при описании которых НСВ может быть использован для указания на завершенные события в прошлом: «Во-первых, НСВ выигрывает конкуренцию с СВ в особых контекстах разблокировки, ведущих к прагматическим импликатурам, а во-вторых, в контекстах, где СВ и НСВ референциально тождественны, но НСВ является более экономичным выбором¹⁷» [Гренн, Краве, 2007, с. 53]. В терминологии авторов, в первом

---

¹⁷ Первый случай иллюстрируется примером *Кто включал плиту?* Здесь имеется в виду, что в данный момент плита **выключена**, но она по-прежнему горячая, так как кто-то ее включал. Авторы считают, что благодаря конкуренции с более эксплицитным выражением (*включил*) глагол НСВ приобретает более конкретную интерпретацию: «говорящий употребляет глагол именно несовершенного вида с тем, чтобы передать информацию о том, что за действием включения следовало обратное действие, а именно – выключения плиты. Подобные случаи разблокировки немаркированного выражения порождают особые прагматические импликации» [с. 53]. Второй случай иллюстрируется следующим примером: *А. Тебя неплохо подстригли (СВ). Б. Спасибо. А. Кто подстригал? (НСВ) vs (??) Кто подстриг? (СВ)*. Здесь употребление НСВ, по мнению

случае СВ вступает в конкуренцию с *ассертивно-событийным* НСВ, а во втором – с *пресуппозитивным* НСВ.

Применительно к двум рассмотренным нами примерам конкуренции видов можно утверждать, что в обоих контекстах НСВ *отвечать*, будучи немаркированным видом, выполняет роль пресуппозиции.

Пресуппозитивные выражения употреблены в обоих рассмотренных контекстах, так как в них есть подходящий антецедент. Поскольку в обоих случаях имеет место диалог, читателю заранее известно, что обмен репликами состоялся: один собеседник *спросил / сказал*, а другой *ответил*. Выбор формы НСВ для введения ответной реплики не может разрушить этого представления, общего для автора и читателя, зато смещает коммуникативный фокус высказывания с самого речевого акта (вопрос – ответ) на содержание ответа.

Опираясь на интерпретацию А. Гренн и М. Филюшкина Краве, которые представляют базовую структуру высказывания в виде упорядоченной пары <Пресуппозиция, Ассерция>, представим структуру анализируемых высказываний следующим образом:

Высказывание 1

Пресуппозиция: имело место событие разговора двух мужиков о том, во-первых, доедет колесо в Москву или не доедет, во-вторых, доедет колесо в Казань или не доедет.

Ассерция: дали положительный ответ на первый вопрос и отрицательный – на второй.

Высказывание 2

Пресуппозиция: имело место событие разговора Собакевича и его жены.

авторов, оказывается более экономичным выбором. Являясь немаркированным видом, НСВ может использоваться для указания на завершённые события в контекстах, имеющих однозначное прочтение. Поскольку из первого предложения собеседника А известно, что собеседник Б был подстрижен (т.е. есть основания для пресуппозиции), то вместо маркированного совершенного вида во втором высказывании говорящего А более экономно будет использовать немаркированный НСВ.

Ассерция: Жена на рассказ Собакевича дала ответ, причем краткий: «Гм!».

Во втором примере после глагола НСВ *отвечать* снова используется глагол СВ: *толкнула его ногою*. Причиной смены вида в данном случае является тот факт, что «толчок ногою» – это новая информация. В контексте беседы нет antecedента, который дал бы возможность предположить, что такое действие является обязательным для описываемой ситуации (ср. *спросил – ответил / отвечал*).

Итак, употребление НСВ в рассматриваемых примерах объясняется стремлением говорящего к экономии: если из контекста ясно, что речь идет о завершенном действии, для передачи информации с наименьшей затратой усилий может быть использована форма НСВ.

Наличие в приведенном ниже фрагменте глаголов НСВ *делать* и *показывать* среди форм СВ, на первый взгляд, не подчиняется общей закономерности функционирования видовых форм: в ситуации единичного действия без указания на длительность и процессность все глаголы должны бы были использоваться в форме СВ с аористическим значением.

Впрочем, приезжий делал не все пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, – словом, не пропустил ни одного значительного чиновника... расспросил внимательно о состоянии края ... и все так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство.

Употребление форм НСВ *делал* и *показывала* дает особую возможность понимания общего смысла предложения: форма НСВ позволяет подчеркнуть, что действия, перечисленные глаголами СВ, были достаточно длительными. Глагол *расспросить* ‘задать вопросы кому-либо с целью узнать что-либо’ также предполагает длительность (а возможно, и неограниченную кратность) осуществления действия. Сочетание НСВ и СВ в высказывании, в

котором семантические потенциалы обоих видов способны оказаться во взаимодействии, предоставляет все возможные варианты толкования описываемых действий, констатируя сам факт их осуществления или подчеркивая их длительность и – одновременно – повторяемость.

Употребление НСВ в аористическом значении вместо СВ имеет место и ниже:

В немного времени он совершенно успел очаровать их. Помещик Манилов ... был от него без памяти. Он очень долго жсал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню ... На что Чичиков с весьма вежливым наклонением головы и искренним пожатием руки отвечал, что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтет за священнейший долг. Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу».

Для описания единичной ситуации с указанием на последовательность действий, каждое из которых представляется завершенным в рамках данного контекста, могли бы быть употреблены формы *попросил* и *ответил*. Замена СВ на НСВ в данном случае допустима. Формы *просил* и *отвечал*, просто называя действия, не дают конкретную аспектуальную характеристику (длительность, повторяемость, постоянство). Но глагол НСВ дает читателям больше возможностей для интерпретации высказывания: вероятно, Манилов долго просил героя гостить у себя, или герой несколько раз с весьма вежливым наклонением головы и искренним пожатием руки отвечал ему.

На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам.

Первая часть предложения с предикатом СВ в аористическом значении представляет ситуацию (*Чичиков провел вечер у председателя палаты*) как событие, целиком осуществившееся в прошлом и оставшееся в нем. Предикат придаточного предложения оформлен глаголом НСВ, что позволяет

предположить, что для автора важен не факт как таковой (*принял* или *не принял* председатель своих гостей), а его оценка: то, что *председатель принимал своих гостей в замасленном халате*, осмысливается как характеристика, свойство персонажа, а не действие, свершившееся в прошлом.

В следующем контексте субъектом действия, названного глаголом *приветствовать*, является не какое-то конкретное лицо (или лица), а все – без каких-либо ограничений. В результате действие понимается не как многократное, но как «многосубъектное»: (*Чичиков*) встретил почти все знакомые лица... которые все приветствовали его, как старинного знакомого. Использование формы НСВ взамен формы СВ, указывающей на единичное завершённое действие, оказывается поэтому логичным.

Рассмотрим еще один пример, сравнив две формы глаголов:

Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек.

При употреблении глагола СВ *изъясниться* имеется в виду действие, достигшее некоего результата: *изъясниться* – ‘высказав что-либо, объяснить, растолковать’ (Ср. *он изъяснялся, изъяснялся и наконец изъяснился*). Характеризуя действие второго субъекта – жандармского полковника, – автор вместо глагола *сказать* выбирает форму НСВ *говорить*, выступающую в аористическом значении. Предполагается, что в данном случае жандармский полковник осуществляет простой акт говорения, не пытаясь ничего растолковать, доказать... словом, не желая достичь какой-либо цели или результата.

В следующем примере опять игра с формами:

«Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!».

В таком случае *обедал* задает шкалу, на одном из участков которой случилось действие *познакомиться*. При таком употреблении внимание в основном сосредоточено на самом процессе обеда, на фоне которого герои познакомились.

В нижеприведенном примере, в отличие от всех предыдущих случаев, НСВ заменяется на СВ.

Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, – он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки.

Описывается ситуация повторяющегося действия. Глаголы НСВ *идти, говорить, сообщать, трактовать* выступают в имперфектном значении. Наличие форм СВ *показал* среди НСВ в обоих случаях придает высказыванию особый смысл: Акцент делается на результате действия субъекта: он хочет показать в себе опытного светского человека, которому небезызвестны и судейские проделки. И ему удастся это сделать.

Таким образом, конкуренция видов не есть уничтожение или стирание видовых различий. Возможность замены одного вида другим без изменения основного смысла высказывания не снимает видовых различий, а напротив, как правило, делает их более наглядными, так как демонстрирует возможность противопоставления НСВ и СВ в одинаковом окружении.

2.1.4. Видо-временные формы

В анализируемом тексте была обнаружена 51 форма глаголов НСВ в настоящем времени. Но не все они могут считаться видо-временными формами.

Согласно определению А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева, «все значения, которые могут выражаться глаголом НСВ *только* в настоящем времени

являются значениями не вида, а видо-временной формы» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 27]. Этому определению удовлетворяют 34 случая употребления НСВ.

Обнаруженные видо-временные формы используются при описании ситуаций трех типов:

- (1) ситуация пространственного обобщения (7 контекстов);
- (2) ситуация временного обобщения (5 контекстов);
- (3) ситуация субъектного обобщения (22 контекста).

2.1.4.1. Видо-временная форма в контексте пространственного обобщения

Данная группа объединяет такие случаи, в которых обычность действия в настоящем времени подчеркнута не только грамматической формой глаголов, но и контекстом, содержащим показатели пространственного обобщения.

После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник.

Ситуация представлена в двух планах одновременно: с одной стороны, автор описывает конкретные действия конкретного персонажа в конкретном месте; с другой – переключает повествование в режим характеристики русского быта в целом. Этот эффект достигается в первую очередь сложной игрой грамматических форм: существительное *подушка* имеет в тексте конкретный референт – это тот предмет, который подкладывает себе под спину персонаж; местоимение *которую*, употребленное в форме единственного числа, должно как будто отсылать к этому самому референту – однако на самом деле оно отсылает ко всем предметам такого рода; видо-временная форма *набивают* представляет обозначаемое действие как постоянное, типичное, нелокализованное во времени. Таким образом, одна и та же *подушка* принадлежит и миру Чичикова, и миру русских трактиров вообще.

Аналогичную роль играет видо-временная форма в следующем контексте: *Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах.*

Внутреннее состояние гостиниц характеризуется здесь как типичное. Это обусловлено тем, что такие гостиницы расположены в обобщенных местах – в губернских городах. При этом неизвестно, в каких именно губернских городах находятся эти гостиницы. Обобщенность пространственного обстоятельства приводит к типизации свойств предметов, имеющих место в таком пространстве. Типизирующий эффект усиливает наличие сравнения: *гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах.*

2.1.4.2. Видо-временная форма в ситуации временного обобщения

В эту группу входят все случаи, в которых значение расширенного настоящего возникает в результате взаимодействия грамматических и лексических элементов темпоральности. Рассмотрим примеры, в которых грамматическое значение форм НСВ в настоящем времени реализуется в контексте как значение настоящего обобщенного. Лексические показатели темпоральности сообщают дополнительную информацию о том, что действие, осуществляющееся в настоящем (в самом широком плане), распространяется и на определенный период прошлого и, может быть, и будущего.

*Все разговоры совершенно прекратились, как случается **всегда**, когда наконец предаются занятию дельному.*

В этом примере сравнивается единичная ситуация (разговоры прекратились) с обычной (предаются дельному занятию). Временное наречие **всегда** выражает мысль, что ситуация **предаться занятию дельному** уже произошла в прошлом, происходит в данный момент и может иметь место в будущем. Видо-временные формы **случается** и **предаются** при этом выступают в атемпоральном значении.

Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», – шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому

вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особенно в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри.

Описывая конкретные действия персонажа, автор вдруг разорвал повествование размышлением о том, что в нынешнее время на Руси начинают выводиться богатыри, поэтому найти ногу, соответствующую сапогу такого исполинского размера, как у Собакевича, вряд ли где можно. От конкретного автор переходит к типичному. Временной план придаточного предложения оказывается максимально расширенным: неизвестно, с какой даты начинается и каким конкретным моментом ограничивается понятие *нынешнее время*. Эта абстракция позволяет обобщить действие *начинать*. Глагол, употребляясь в форме настоящего НСВ, реализует атемпоральное значение.

В следующем контексте ситуация описывается в некую *пору жаркого июльского лета*, причем автор не имеет в виду никакой конкретной даты. На фоне обобщенного временного обстоятельства единичный факт рассматривается как типизированный. Тем самым употребление настоящего времени производит впечатление, что все происходит как будто перед глазами читателя; настоящее время помещает его в том пространстве и времени, в котором находится сам повествователь. Перед нами живая картина бытовой обстановки:

Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, поднимающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами.

2.1.4.3. Видо-временная форма в контексте субъектного обобщения

Для данной группы примеров характерно следующее: к значению временной нелокализации действия присоединяется дополнительный оттенок обобщенного субъекта действия.

В контекстах первой группы значение временнóй нелокализованности действия комбинируется со значением обобщенного субъекта действия.

Рассмотрим первый пример – предложение, начинающее произведение.

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, – словом, все те, которых называют господами средней руки.

В данном примере описываемая ситуация въезда персонажа представляется как единичная. Следовательно, глагол СВ *въехать* употребляется для описания конкретного единичного действия. Но характеристика брички и тех, кто в ней ездит, дается для типизированной ситуации: это бричка, в которой *ездят холостяки*. При этом субъект *холостяки* не представлен никаким конкретным лицом (или лицами), принадлежащим какому-либо конкретному времени или месту. Поскольку субъект является неидентифицированным, его действие представлено как нелокализованное во времени.

Во второй части предложения типизация получает дальнейшее развитие: *отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян*, подводятся автором под родовое понятие: *все те, которых называют господа средней руки*. Субъект действия *называть* является неопределенным, и это также работает на идею типизации и актуализирует значение настоящего атемпорального, в котором здесь (как и в случае *ездят холостяки*) функционирует видо-временная форма.

В следующем контексте действие персонажа с конкретным предметом вновь подвергается типизации:

Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготавливает своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться.

Описываемый конкретный предмет (*шерстяная, радужных цветов*

косынка) в ситуации единичного завершившегося действия (*господин размотал с шеи косынку*), отсылается к ряду предметов подобного рода: такую косынку супруга prepares женатым своими руками. И субъект *супруга*, и бенефициант *женатые* мыслятся максимально обобщенно; на этом фоне действие *приготавливать* интерпретируется как присущее субъекту, типичное для него. Глагол, таким образом, актуализирует атемпоральное видо-временное значение.

Обобщенность субъекта может быть выражена с помощью определительного местоимения, которое указывает на обычный признак предмета, лиц. Местоимение *всякий*, употребляемое ниже, указывает на любое лицо из многих однородных.

Какие бывают эти общие залы – всякий проезжающий знает очень хорошо.

Обобщенный субъект *всякий проезжающий* определяет характер связанного с ним действия, состояния, отношения как типичный, постоянный. Уместное употребление видо-временной формы *бывают* и *знает* в значении настоящего атемпорального обусловлено тем, что речь идет о чем-то обычном. План настоящего расширен настолько, что описываемая ситуация ограничена не только моментом речи, но и временем существования участников (*проезжающих*), в рамках которого их внутреннее состояние (*знать*) представляется как независимое от временной ограниченности, и информация *об этих залах* не утрачивает своей актуальности.

Очень часто конкретное обозначение приобретает характер типического.

Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, кое-кто был и рябоват, волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер «черт меня побори», как говорят французы, – волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие.

В данном примере слово *французы* не называет никаких конкретных жителей Франции, проживающих в конкретном месте и в конкретное время.

Поскольку автор подразумевает не человека, а всю нацию, действие такого обобщенного субъекта должно быть представлено как не локализирующееся в плоскости времени.

Вводно-союзная конструкция¹⁸ *как говорят французы* включает глагол передачи информации *говорить*, который содержит особый семантический компонент: автор опирается на мнение субъекта установки, приобретающее типизированный характер и сохраняющее свою актуальность не только в рамках времени существования самого говорящего и участников ситуации, но всегда.

Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену.

В данном контексте причастный оборот, характеризующий субъект действия *гости*, не в силах его конкретизировать. Здесь речь идет о любом госте, который входит в последнем акте на сцену. Поскольку субъект понимается в самом общем смысле, его действие описывается как не прикрепленное ни к какой точке на оси времени.

Подобным образом можно истолковать функциональную специфику форм *получают* и *устраивается* в следующем примере.

Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах,

---

¹⁸ Вводно-союзная конструкция выделяется Е.В. Падучевой как один из типов вводных конструкций. Вводно-союзная конструкция употребляется в контексте глаголов мнения – прежде всего, в 3-ем лице настоящего времени. В этом контексте она используется для передачи чужого мнения, которое служит говорящему основанием для его собственного суждения: *Как он рассчитывает, Маша вернется завтра.* Обычно это 3-е лицо бывает «авторитетным», ср.: *как считают специалисты, как утверждает Аристотель, как полагают метеорологи, как указывает академик Виноградов* [Падучева, 1996, с. 327-328].

где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверь в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего.

Перед читателем оживает картина, в которой описаны типичные ситуации. Типичность действий усиливается за счет обобщенного субъекта: субстантивированное причастие *проезжающие* в форме множественного числа уже само по себе показывает высшую степень генерализации; ряд прилагательных, характеризующих слово *сосед* (*молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего*), не конкретизирует его, а называет набор качеств некоего типичного соседа.

Типизированность действий *получать* и *устраиваться*, таким образом, осмысливается в плане широкого настоящего времени, поскольку не фиксируется точный момент осуществления этих действий. Предполагается, что они могут происходить в любой момент в любой гостинице любого губернского города.

В следующем отрывке произведения автор рассуждает о двух родах мужчин: толстых и тоненьких.

Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия. У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь – и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя

жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодьями. Наконец **толстый**, послуживши богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским баринном, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять **тоненькие** наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро.

В предыдущем контексте приводится рассуждение автора о мужчинах города N: **мужчины здесь, как и везде, были двух родов**. Далее дается характеристика каждого из этих двух родов мужчин. В приведенном примере речь идет не о конкретных мужчинах, находящихся в зале, а о толстых и тоненьких вообще. Таким образом, от конкретности автор переходит к обобщенности. Само употребление субстантивированных существительных **толстые** и **тоненькие** является ярким доказательством проявления обобщенности¹⁹. В плане настоящего индивидуальный опыт автора понимается как нечто типичное.

Тонкость авторского размышления передается чередованием планов настоящего и прошедшего. Среди видо-временных форм используется глагол СВ в прошедшем времени **явился**. Действие относится к прошлому, а его результат является еще актуальным в момент речи. Такое употребление порождает особый эффект: ситуация в целом представлена как обобщенная, нелокализованная во времени, а конкретное действие или состояние как будто происходит перед глазами читателя; результат действия сохранен до момента восприятия читателем ситуации.

Субъектные, временные и пространственные показатели обобщения могут быть представлены в одном и том же контексте в разных комбинациях. Рассмотрим некоторые примеры.

---

¹⁹ В.В. Виноградов в работе «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка (1954)» пишет: «Функцию обобщения выполняет прием схематического противопоставления парных категорий... Возникает контрастный параллелизм двух словесных цепей с противоположными фразеологическими рядами». Речь идет о парной категории **толстые** и **тоненькие**. Субстантивация сопровождается «усилением степени обобщенности лексического значения новых существительных» [Рахманова, Суздальцева, 2010, с. 365].

Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию.

В этом контексте имеются в виду любые исторические картины, которые были привезены в Россию, поскольку информация о таких картинах не уточняется: неизвестно, когда, откуда и кто их привез. Таким образом, описываемая ситуация представляется как в высшей степени обобщенная. Этим объясняется употребление формы НСВ настоящего времени глагола *случаться*. Действие, описываемое в плане настоящего, охватывает широкий участок на оси времени и представляется как всегда актуальное.

Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним.

Ситуация представляется как абстрагированная за счет обобщенности пространственного и темпорального обстоятельств. Речь идет о большом числе почтенных людей, которые живут в неизвестно каком месте внутри территорий просвещенной Европы и просвещенной России, в неизвестно какой временной период. Обстоятельственный элемент *теперь* не дает конкретной информации о том, когда именно происходит действие. План настоящего в таком случае расширен до такой степени, что речь идет о чем-то общем, типичном. Словоформы НСВ *есть* и *могут* выступают во вневременном значении.

Три следующих примера сочетают показатели неопределенности субъекта и показатели пространственного обобщения.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти всего города.

Придаточное предложение *как говорят в провинциях* является неопределенно-личным, поскольку семантический субъект формально не выражен. Мнение, выраженное в результате акта говорения неопределенного субъекта, воспринимается как типичное, стандартное. Обычность действия усиливается за счет наличия обобщенного пространственного обстоятельства *в провинциях*, причем неизвестно, в каких конкретно.

Подробным образом понимается употребление видо-временных форм *выражаются, называют* в атемпоральном значении в следующих фрагментах.

День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо.

При неопределенности субъекта и обобщенном указании на место осуществления ситуации (*в русских трактирах, в иных местах обширного русского государства*) действие не прикреплено ни к одной точке пространства, не относится ни к какому конкретному субъекту и воспринимается как нелокализованное во времени.

Итак, результат анализа функционирования видо-временных форм в первой главе «Мертвых душ» показывает, что все три выделенные нами группы случаев описывают ситуацию обобщенности. Значение настоящего атемпорального, реализуемое видо-временной формой, включает элементы ‘± локализованность действия во времени’, ‘± длительность’. К собственной семантике видо-временной формы добавляется значение, порожаемое контекстом, который содержит констатацию постоянных закономерностей времени, обобщенное описание местности, постоянных качеств, состояний и действий человека.

Все видо-временные значения, рассмотренные нами выше, в той или иной степени можно называть вневременными в соответствии с классификации Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева. Но по ходу анализа конкретных примеров мы наблюдали многие разновидности настоящего вневременного, не охарактеризованные в работе названных авторов. Следовательно, их классификация нуждается в уточнении и дополнении.

2.2. Видовые и видо-временные формы в составе фрагментов, относящихся к разным коммуникативно-речевым типам

Предметом исследования в настоящем параграфе являются разнородные сюжетные и внесюжетные элементы поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: лирические отступления, вставные эпизоды, диалоги, описание персонажей. Задача функционально-семантического анализа видовых форм состоит в том, чтобы выявить наличие или отсутствие зависимости между типом текста и характером реализуемых в нем видовых значений. В результате сплошной выборки получено 1375 личных форм глагола, которые рассматриваются в соответствующих разделах главы.

2.2.1. Видовые и видо-временные формы в диалоге

Диалоги являются важными сюжетными элементами композиции поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Наиболее интересными для анализа представляются беседы Чичикова с помещиками в сценах купли-продажи, а также разговор дамы приятной во всех отношениях с просто приятной дамой. В этих фрагментах зафиксировано 566 личных глагольных форм.

В художественном диалоге так же, как в диалоге реальном, имеет место полноценная коммуникативная ситуация, в которой представлены и говорящий, и слушающий, меняющиеся в процессе коммуникации местами. В таких случаях момент речи определяется как настоящий момент говорящего (= персонажа), который совпадает с настоящим моментом слушающего. Это определяет особенности функционирования видовых форм и задает стратегию их интерпретации.

Среди 566 контекстов в 308 случаях зафиксированы глагольные формы настоящего несовершенного. Из них в большинстве случаев (261) глаголы обозначают процесс, синхронный моменту речи: «Мне кажется, вы затрудняетесь?», «С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь!», «Ей-богу, повесил бы, я тебе говорю это откровенно, не с тем чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю», «Но позвольте: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли, остался один неосязаемый чувствами звук», «Да все же они существуют, а это ведь мечта», «Ах, боже мой! что ж я так сижу перед вами! Для реализации такого значения достаточен минимальный контекст без всяких показателей актуальности действия для момента речи. В инвариантном значении НСВ нет указания на предел, поэтому в подобных контекстах глагол может восприниматься только как название действия, протекающего синхронно с моментом речи.

В таких случаях момент речи «фиксирует серединную фазу ситуации, а сама она рассматривается изнутри, синхронно с ее протеканием», и настоящее время «соотносит ситуацию с моментом речи» [Князев, 2007, с. 395]. Названные действия или состояния *говорить, сидеть, затрудняться, называть* рассматриваются в середине своего течения. Согласно А.В. Бондарко, «для содержания процессности характерно вычленение фиксируемого периода в осуществлении действия и представление действия (уже начатого, но не завершено) в динамике его протекания во времени – от прошлого к будущему» [Бондарко, 1983, с. 118].

В 18 случаях форма настоящего НСВ реализует значение расширенного настоящего, охватывающего большой временной отрезок (Ср.: *Вот возле меня живет капитан; черт знает его, откуда взялся, говорит – родственник*), в 4 случаях – значение многократности действия (Ср.: *Право, как вообразишь, до чего иногда доходит мода*).

Интересный случай употребления настоящего НСВ представляют примеры следующего типа (26 контекстов):

- Да, поздравляю вас: оборот более не носят.
- Ну уж это просто: признаюсь!
- Покорнейше благодарю!
- Прошу прощения! я, кажется, вас побеспокоил

Выделенные в приведенных примерах глаголы речи использованы перформативно²⁰. А.В. Бондарко рассматривает перформативное настоящее как непроцессное [Бондарко, 1996, с. 134], Ю.Д. Апресян – как «процессуально-точечное» видо-временное значение. По мнению Н.Д. Арутюновой, перформативный речевой акт как процесс произнесения высказывания всегда имеет протяженность, а как «социальный акт, программирующий будущее», является точкой [Арутюнова, 1998, с. 176]. Глагол НСВ в перформативном употреблении, по мнению Е.В. Падучевой, обозначает завершенное действие. Ср.: «НСВ здесь имеет значение СВ: сказав *Благодарю вас*, человек, тем самым, поблагодарил» [Падучева, 1996, с. 164]²¹.

В остальных 258 формах НСВ и СВ различаются значения аориста, имперфекта, значения будущего единичного действия и будущего обобщенного факта.

Аористическое значение – завершенность конкретного действия до момента речи – актуализуется у СВ в 189 случаях. Ср.: – *Скажите! и много выморил?* – Да, снесли многих.

В 23 случаях формы будущего СВ описывают события и действия после момента речи. Ср.: *Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фрак, маленько приотдохнем!*

---

²⁰ Перформативным, по Дж. Остину, (см. [Austin, 1962]) называется такое употребление глагола речи, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом речевого действия, например: *Благодарю вас! Прошу прощения! Я прощаюсь!* (Но не *Я здороваюсь!*). Подробному описанию перформативных глаголов русского языка посвящена работа [Апресян, 1986].

²¹ Ю.Д. Апресян описывает перформативное настоящее следующим образом: «Время перформативного высказывания и, следовательно, выполняемого тем самым действия – это период, а не момент. Точечность, моментальность характеризует не перформативное высказывание и соответствующее ему действие, а лишь положение вещей, являющееся их результатом. Это положение вещей, действительно, наступает скачкообразно – в тот (последний) момент данной речи, когда высказывание закончилось» [Апресян, 1988, с. 78].

Имперфектное значение связывается с употреблением глаголов НСВ для описания конкретного единичного действия, протекающего в прошлом, до момента речи говорящего (21 случай). Ср.: *Чувствовал, что продаст, да уже, зажмурив глаза, думаю себе: «Черт тебя побери, продавай, проклятая!»; Какая невинность! Я слыхала, как она говорила речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произнести их.*

В 20 примерах делается ссылка на то, что действие имело или не имело место в определенный момент в прошлом. Глаголы НСВ в таких случаях, как отмечает А.В. Бондарко, демонстрируют аористное значение, обозначая действие не как процесс, а как факт. Ср.: *Кто выучил ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства; – Мне, однако же, сказывали, что у вас более тысячи душ. – А кто это сказывал?*

В других же случаях (6 примеров) в самом общем виде, без конкретной аспектуальной характеристики обозначается самый факт действия в будущем относительно момента речи. Ср.: *Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год беретесь платить за них подать? и деньги будете выдавать мне или в казну?*

Таким образом, в диалогическом режиме герои создают текст, синхронный их восприятию: точкой отчета является момент речи говорящего. Реализуется значение аориста, перфекта, значение настоящего актуального, настоящего постоянного отношения, настоящего абстрактного, значение будущего единичного действия и будущего обобщенного факта.

2.2.2. Видовые и видо-временные формы в описаниях персонажей

Описание персонажей в поэме «Мертвые души» играет немаловажную роль. Для детального анализа отобраны фрагменты, в которых содержится портретная и психологическая характеристика главных героев: Чичикова, Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича и Плюшкина. Эти фрагменты включают 166 личных глагольных форм.

61 форма (36,7%) реализует значение постоянного отношения и значение обобщенности, что позволяет говорить об установке на

обобщенность как о специфической черте описательных контекстов: характеристика персонажа повествователем, как правило, содержит элементы типизации.

Главный герой произведения – Чичиков – вплоть до последней главы остается загадкой как для чиновников города N, так и для читателей. Черты внешности Чичикова мало прорисованы и не поддаются конкретизации, ср.: *В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод.* Сведения о персонаже парадоксальным образом извлекаются из тех фрагментов текста, в которых присутствуют показатели типизации: Чичиков въезжает в города в бричке, «*в которой ездят холостяки... все те, которых называют господами средней руки*»; герой, «*как и всякий проезжающий, знает очень хорошо*», «*какими бывают... общие залы*»; он смеется таким смехом, «*с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей*».

В подобных случаях видо-временные формы описывают ситуацию обобщенности (см. Глава I, § 1.4.); атемпоральное значение этих форм обуславливается общим смыслом высказывания – констатацией постоянных качеств, состояний и действий человека. Обобщение и типизация явлений и лиц осуществляется также путем местоименного указания на них как на известные читателю, привычные для него факты жизни (*все те, какие, всякий*).

В следующих контекстах глаголы, выступающие в атемпоральном значении и значении постоянного отношения, описывают ситуации, в которых имеется указание на принадлежность персонажей к определенному типу людей, имеющих определенный тип внешности и / или характера. Ср.:

Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова.

Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет ..., одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов.

Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины... Такую же странную страсть имел и Ноздрев. ... Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми, слыгут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы.

Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке... Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь.

Лицо его (Плюшкина)... было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед ... маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух.

В таких случаях принцип генерализации проявляется в том, что каждое лицо, каждый характер описывается не в своих индивидуальных чертах, а в общей и типической сущности. Идея обобщенности усиливается с помощью слов типа: *есть род людей, есть люди..., одна из тех..., такой же, как ...* и т.п.

При описании портретов и характеров очень часто предмет речи включается в широкий ряд своих подобий; приведенные контексты изобилуют явными и скрытыми сравнениями (в том числе извлекаемыми из отдаленных семантических сфер, ср. *глаза бегали, как мыши...*), см.

частотность единиц *такой (же), так (как)* и т.п. Глаголы в этих контекстах указывают на повторяемость действия, ср.: «*Таких людей приходилось всякому встречать немало*», «*но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке*». В подобных случаях значение неограниченной повторяемости действия НСВ ближе к значению постоянного отношения.

В ряде фрагментов средством типизации являются глагольные формы 2-го лица в обобщенно-личном значении.

В первую минуту разговора с ним (Малиновым) не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» – и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета.

Ю.П. Князев называет такое употребление глагольной словоформы во втором лице «неиндивидуализированным употреблением» [Князев, 2007, с. 139]. Повествователь, на взгляд исследователя, распространяет обозначаемое действие на любое лицо, которое может оказаться в таких же, как и повествователь, условиях; ср. формулировку А.А. Шахматова: «Говорящий повествует о настолько обычных и повторяемых явлениях, что не исключает возможности того, что их переживали другие» [Шахматов, 1925, с. 78]. Идея типизации, таким образом, через обобщенноличность выражается особенно ярко.

Итак, для описания внешних черт персонажей и их характеристики в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» частотно используются глагольные формы в обобщенном, атемпоральном значении, значении повторяющегося действия и значении постоянства свойства, состояния. Эти значения могут быть реализованы либо глагольной формой НСВ настоящего и прошедшего времени, либо формой 2-ого лица СВ.

В остальных 105 примерах глагольные формы выполняют функцию либо двигателя текстового сюжета (формы СВ), либо прорисовки фона (формы НСВ), реализуя следующие значения:

– аористическое значение СВ, ср.: *Минуту спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет* (29 случаев);

– имперфектное значение НСВ в единичной длящейся ситуации, ср.: *Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую* (48 случаев);

– имперфектное значение НСВ в неограниченно-повторяющейся ситуации, ср.: *Он даже **никогда** не ездил на поля* (28 случаев).

2.2.3. Видовые и видо-временные формы в лирических отступлениях

Лирическое отступление – это такой фрагмент нарративного текста, который «предполагает коммуникативную ситуацию лирики, т. е. ситуацию как бы присутствующего адресата» [Падучева, 1996, с. 209].

Лирические отступления входят в поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души» с образом повествователя (который называет себя автором) как эмоциональные размышления и оценки, выражающие его непосредственное отношение к изображаемому. В лирических отступлениях присутствует также внешний адресат – читатель. Ср.: *Но автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями.*

Лирические отступления содержатся во всех частях поэмы «Мертвые души». В ходе анализа были подробно рассмотрены следующие:

- рассуждение о толстых и тонких (в первой главе);
- рассуждение об «оттенках и тонкостях обращения» (в третьей главе);
- размышления Чичикова «о славной бабешке» (в пятой главе);
- думы автора о метком русском слове и «бойком русском уме» (в пятой главе);
- воспоминания автора о юности; размышление о человеке (в шестой главе);

- размышления о двух писателях (в седьмой главе);
- отступления о Руси, о дороге (в одиннадцатой главе);
- рассуждение о добродетельном герое и герое-подлеце (в одиннадцатой главе);
- размышление о птице-тройке (в одиннадцатой главе).

Названные фрагменты содержат 385 глагольных форм.

Хотя лирическое отступление принадлежит нарративу, для него характерен речевой режим употребления глагольных форм. Субъектом речи в таких случаях является повествователь-автор, который находится внутри потока собственного текущего времени. Это время определяется только событиями, происходящими с ним, повествователем, и не касается персонажа. Этим определяется специфичность употребления видовых и видо-временных форм.

Базовое время в анализируемых лирических отступлениях – настоящее: оно характеризует 233 из 385 зафиксированных глагольных форм (64%).

Значительное количество этих форм используется в лирических отступлениях, содержащих разного рода описания (описание свободной, разгульной жизни Абакума Фырова и бурлаков, купцов, наработавшихся «под одну, как Русь, песню»; описание оттенков и тонкостей обращения правителя канцелярии; образ дороги). Настоящее НСВ придает таким контекстам особую выразительность и динамичность.

И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при кликах, бранях и понуканьях, нацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыплют горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь

хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот.

Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку!

Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их черные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу блистают вкось озаренные деревянные крыши, и нигде ни души – все спит. Один-одинешенек, разве где-нибудь в окошке брезжит огонек: мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке – что до них? А ночь! Небесные силы! Какая ночь совершается в вышине!

Формы настоящего НСВ употребляются в приведенных фрагментах в значении «настоящее изобразительное», воссоздавая непосредственное время авторского переживания, связанного с моментом лирической концентрации, и придавая динамизм описаниям.

Словоформа настоящего НСВ, употребляемая в контексте авторского обращения к читателю или к неодушевленному предмету, способствует реализации значения «настоящее актуальное». Отметим, что настоящее актуальное обнаруживается в этих контекстах не только как настоящее

конкретного момента речи (ср.: *Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу. ... Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?*), но и как расширенное (ср.: *Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами*).

Действия ***вижу, хочешь, таится, глядишь*** происходят в момент речи лирического героя. Это настоящее конкретное время. Однако очевидно, что названные в примере действия лишь в какой-то части совпадают с моментом речи и обозначают такие процессы, которые шире его. Здесь представление о настоящем времени связывается с определенным отрезком, в пределах которого осуществляемые действия воспринимаются говорящим как происходящие сейчас.

В контекстах настоящего расширенного действия ***любить, бояться, страшиться*** начались раньше момента речи, совпадают с ним и будут продолжаться какое-то время после него.

Функцию обобщения и генерализации выполняет употребление словоформ настоящего НСВ в отрывке: *«Увы! толстые умеют лучшие на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и влиют туда и сюда»*. Идея типизации выражается здесь не только формами глаголов, но и антонимичной парой ***толстые*** и ***тоненькие***, с помощью которой назван весь изображаемый круг качественно разнородных лиц.

Глагольные формы 2-го лица в обобщенно-личном значении описывают ситуацию обобщения (см. Глава II, 2.2.).

«Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него. – Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей

и все смеется». Подходишь ближе, глядишь – точно Иван Петрович! «Эхехе», – думаешь себе.

Повествование о Плюшкине прерывается гневными словами автора, имеющими глубокий обобщающий смысл: *«И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек! Мог так измениться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может стать с человеком...Грозна страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно!»*

Масштаб обобщения по мере развертывания повествования становится все больше – Россия, русский народ, всякий народ:

Выражается сильно российский народ!

Чичиков ... любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды?

Задумался ли он над участью Абакума Фырова, или задумался так, сам собою, как задумывается всякий русский, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни?

И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражение его часть собственного своего характера.

Глаголы, употребленные в приведенных нами примерах, характеризуют устойчивое свойство, состояние и, как правило, выступают в атемпоральном значении и значении постоянного отношения.

В остальных 152 контекстах представлены следующие случаи использования глагольных форм:

- употребление форм прошедшего СВ в аористическом значении для описания минувшего, завершившегося действия: *И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством;*

- употребление форм прошедшего НСВ в аористическом значении для указания на факты, имеющие место в прошлом (конкретные аспектуальные характеристики в таких случаях отсутствуют): *Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился;*

- употребление форм прошедшего НСВ в имперфектном значении в тех местах, в которых намеренное отступление от сюжета повествования принимает форму воспоминаний: *Прежде, давно, в лета моей юности ... мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту ... любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд; Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, – все останавливало меня и поражало... ничто не ускользало от свежего тонкого вниманья...*;

- употребление форм будущего СВ для называния предстоящего действия («Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться») или для наглядного изображения типичного, повторяющегося действия через приведение конкретного примера: «Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым».

Итак, особенности функционирования частных видовых значений в рассмотренных нами лирических отступлениях связаны прежде всего с субъективным психологическим временем автора, его эмоциональной сферой.

2.2.4. Видовые и видо-временные формы во вставных эпизодах

Вставной эпизод – это один из внесюжетных элементов композиции, который, как правило, имеет «относительно законченный самостоятельный сюжет и свою систему персонажей, не связанную с сюжетом и системой персонажей основного повествования» [Бахтин, 1975, с. 355]. К вставным эпизодам в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» относится повесть о капитане

Копейкине и притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче. В названных фрагментах содержится 258 глагольных форм.

Вставные эпизоды, являясь особым композиционным элементом, не обладают какими-то специфическими повествовательными чертами. В рассмотренных вставных эпизодах чередуются диалогический, описательный и повествовательный элементы, внутри каждого из которых глагольный вид имеет специфические функции.

В повести о капитане Копейкине и притче о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче широко распространены конструкции с прямой речью²², в состав которых входит авторская ремарка и прямая чужая речь. Ср.:

«После кампании двенадцатого года, судырь ты мой, – так начал почтмейстер, несмотря на то что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, – после кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин».

«Вот, например, зверь, – говорил он, ходя по комнате, – зверь рождается нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь природы, как побольше в нее углубишься!»

Иногда в текстах конструкции с прямой речью, которые связаны друг с другом по смыслу и передают разговор, посвященный определенной теме, составляют диалог. Ср.:

Вельможа, по обыкновению, выходит: «Зачем вы? Зачем вы? А! – говорит, увидевши Копейкина, – ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения» – «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имею, так сказать, куска хлеба...» – «Что же делать? Я для вас ничего не могу сделать; старайтесь покамест помочь себе сами, ищите сами средств» – «Но, ваше высокопревосходительство сами можете, в некотором роде,

---

²² Конструкции с прямой речью рассматриваются в [Милых, 1985].

судить, какие средства могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги» – «Но, – говорит сановник, – согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право... Вооружитесь терпением. Приедет государь, я могу вам дать честное слово, что его монаршая милость вас не оставит». – «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», – говорит Копейкин, и говорит, в некотором отношении, грубо.

Как уже отмечалось в Главе II. 2.1, в диалогическом режиме (89 контекстов) имеется определенный набор частных видовых значений, реализуемых глаголами в ситуациях, ориентированных на говорящего:

- настоящее актуальное значение, которое репрезентирует глагольная форма настоящего НСВ при выражении действия в процессе его протекания (ср.: «*Извините, говорит, мне некогда ... меня ждут дела важнее ваших*») и при сообщении о действии, имеющем неограниченную временную протяженность, представленном как постоянное и непрерывное (ср.: «*Что, право, думают, мне разве не больно? разве я не отец? Что занимаюсь философией, да иной раз нет времени, так уж я и не отец? Ан вот нет же, отец! отец, черт их поберет, отец! У меня Мокий Кифович вот тут сидит, в сердце!*») (66 случаев);

- значение будущего конкретного единичного действия (ср.: «*Генерал, говорит, сейчас выйдет в приемную*») и будущего гипотетического (ср.: «*Да ведь как быть: драться с ним поздно, да и меня же все обвинят в жестокости; а человек он честлюбивый, укори его при другом-третьем, он уйдется, да ведь гласность-то – вот беда! город узнает, назовет его совсем собакой*») (11 случаев);

- аористическое значение, ср.: «*Зачем вы? Зачем вы? А! Ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения*» (9 случаев);

- имперфектное значение, ср.: «*Так и так, ваше превосходительство: проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги, работать не могу, осмеливаюсь просить монаршей милости*» (2 случая).

Включение чужой речи в повествовательный язык автора придает ему экспрессивное и стилистическое разнообразие.

Что касается повествования, самыми частотными временными формами являются прошедшее (87 форм) и настоящее (67 форм). За каждой временной формой закреплен определенный объем значений.

При описании пространства, пейзажей, внешности широко употребляется форма прошедшего НСВ. Эта форма реализует имперфектное значение, описывая действие в его протекании (ср.: «*В доме и в соседстве все, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя*», «*тут Кифа Мокиевич бил себя весьма сильно в грудь кулаком и приходил в совершенный азарт*», «*вот, например, зверь, говорил он, ходя по комнате, – зверь родится нагишом*», «*так мыслил обитатель Кифа Мокиевич*», «*а государя, нужно вам знать, в то время не было еще в столице; войска, можете себе представить, еще не возвращались из Парижа, все было за границей*») и постоянные отношения (ср.: «*Семейством своим он не занимался; существование его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом*»).

Сочинение форм НСВ позволяет выразить одновременность процессов, состояний. Ср.:

Был он то, что называют на Руси богатырь, и в то время, когда отец занимался рождением зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться.

При рассказывании о событии употребляется форма прошедшего СВ в аористическом значении, и соположение этих форм способствует выражению последовательных событий (63 случая). Ср.:

Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в Лондоне, приказал подать себе котлетку с каперсами, пулярку спросил с разными финтерлеями; спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр.

Как известно, видо-временная форма в нарративе тяготеет к выражению значения «настоящее историческое». Это подтверждается

данными, полученными при анализе вставных эпизодов: из 133 форм настоящего НСВ (что составляет 51,5% всех глагольных словоформ) 67, или 50,3% относится к историческом настоящему. Это значит, что больше половины форм настоящего времени подвергается транспозиции. Все такие формы обнаруживаются в рассказе почтмейстера о капитане Копейкине.

То, что настоящее историческое будет господствующей формой, предвещает начало повести.

После кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин... Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая.

При настоящем историческом повествователь не только возвращается в прошлое, но и помещает читателя в то пространство и время, в котором находится сам. Ср.: *«Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект ... мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения».*

К концу рассказа, чем больше усиливается напряженность при беседе капитана Копейкина с вельможей, тем чаще появляются эти видо-временные формы. Ср.: *Вельможа, по обыкновению, выходит: «Зачем вы? Зачем вы? А»! – говорит, увидевши Копейкина, – «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имею, так сказать, куска хлеба» ... «Но, – говорит сановник, – согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право... Вооружитесь терпением» ... «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», – говорит Копейкин, и говорит, в некотором отношении, грубо... «Извините, говорит, мне некогда... меня ждут дела важнее ваших». Напоминает способом, в некотором роде, тонким, что пора наконец и выйти. «Как хотите, ваше высокопревосходительство, говорит, не сойду с места до тех пор, пока не дадите резолюцию...».*

По нашим наблюдениям, в случаях, когда нарратив был прерван прямой речью, репликой героев, а затем произошел возврат к сюжетной линии, настоящее НСВ зачастую используется для сохранения связности нарратива. Особенно часто формы настоящего времени встречаются в авторских ремарках. Ср.:

Вот, сударь мой, какие-нибудь через три-четыре дня является Копейкин мой снова к министру, дождался выходу. «Так и так, говорит, пришел, говорит, услышать приказ вашего высокопревосходительства по одержимым болезням и за ранами...», – и тому подобное, понимаете, в должностном слоге. Вельможа, можете вообразить, тотчас его узнал: «А, говорит, хорошо, говорит, на этот раз ничего не могу сказать вам более, как только то, что вам нужно будет ожидать приезда государя; тогда, без сомнения, будут сделаны распоряжения насчет раненых, а без монаршей, так сказать, воли я ничего не могу сделать».

Последовательность действий, составляющих консекутивную цепочку в нарративе, разделяется с помощью переключения времени (с прошедшего на настоящее) на отдельные события. Новое событие связано со сменой субъекта действия (ср.: капитан Копейкин наведался домой, отец говорит; капитан Копейкин расспросил, люди говорят).

*Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. **Наведался** было домой к отцу; отец говорит: «Мне нечем тебя кормить, я, – можете представить себе, – сам едва достаю хлеб».*

*Видит: заживаться нечего. **Расспросил**, куда обратиться. Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правленье, понимаете, эдакое, и начальником генерал-аншеф такой-то.*

По А.В. Бондарко, при таком чередовании «достигается особый стилистический эффект пластичного и живого повествования» [Бондарко, 1971, с. 147]. Тем самым сочетание настоящего исторического с прошедшим СВ подчеркивает оппозицию предыдущего и последующего действия.

В следующем контексте настоящее историческое сохраняет семантические особенности НСВ.

Все, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы.

Формы *ожидает*, *дрожит*, *ждет* обозначают одновременные процессы, протекающие как бы перед глазами повествователя.

В другом контексте настоящее историческое близко по значению аористу, реализованному формой прошедшего СВ.

Министр видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру: «Хорошо, говорит, понаведайтесь на днях». Копейкин мой выходит чуть не в восторге.

В анализируемых фрагментах текста случаи употребления формы будущего СВ обнаруживаются редко (4 случая). Ср.:

Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут деньги.

Дождался у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель.

Формы будущего СВ *выдадут* и *пройдет* в данных случаях интерпретируются в синтаксическом режиме²³ относительно временного момента, задаваемого формами *думал* и *дождался*.

В следующем контексте глаголы реализуют наглядно-примерное значение (которое, как правило, репрезентируют высказывания, описывающие обычные, повторяющиеся действия).

Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу.

Здесь типичное наглядно изображается на конкретном примере, неограниченный ряд повторений представлен одним отдельным случаем *затрещит* и *вскочит*.

Таким образом, в текстах вставных эпизодов, пользуясь приемом чужой речи, Н.В. Гоголь расцвечивает повествовательную ткань экспрессивными

---

²³ Синтаксический режим интерпретации эгоцентрических элементов называет Е.В. Падучева относительное употребление времени [Падучева, 1996, с. 172].

красками речи персонажей. В диалогических отрывках глагольная словоформа настоящего времени способствует реализации настоящего актуального значения, глаголы прошедшего и будущего времени обозначают действие до и после момента речи. В рассмотренных эпизодах очень часто происходит переключение с прошедшего на настоящее нарративное. Видо-временная форма настоящего НСВ, реализующая значение «настоящее историческое», с одной стороны, оживляет повествование, а с другой, играет роль в структурировании текста²⁴. При этом она может описывать одновременные процессы или последовательные события.

Итак, при попытке осмыслить специфику использования видов в различных коммуникативных типах речи установлено, что особенность реализации глагольной формой того или иного значения во многом зависит от «идеологической концепции» произведения, от замысла автора, от того, что он хотел сказать (и показать) читателю, исходя из развития сюжета произведения, характера его героев.

Анализ показал, что в различных описательных фрагментах наблюдается существенное преобладание видо-временных форм в значении настоящего атемпорального над другими формами, выражающими то же значение. Для лирических отступлений характерно функционирование форм настоящего НСВ в значении настоящего изобразительного. Полноценная коммуникативная ситуация, конструируемая автором в диалогических фрагментах, определяет характер употребления видовых и видо-временных форм: они функционируют так же, как в реальном диалоге. Функционирование глагольных форм во вставных эпизодах не обладает специфическими особенностями, поскольку такие эпизоды по своей структуре не отличаются от основного нарратива.

---

²⁴ Согласно точке зрения Дж. Сикинга и П. Сторка, настоящее историческое используется для структурирования дискурса: разделения эпизодов в пределах одной сюжетной линии, выделения важных, с его точки зрения, элементов нарратива и других структурирующих функций [Sicking, Stork, 1997, с. 131-168]

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Изучение роли грамматических категорий, в частности видовых и видо-временных форм, в художественной речи представляет собой важную задачу современной лингвистики не только с грамматической точки зрения, но и в аспекте прагматического функционирования языка в условиях художественного дискурса. С социолингвистической стороны, использование тех или иных форм определяется нормами и канонами литературного языка эпохи, а также отражает культурно-историческую специфику восприятия времени, действия и субъектности.

Анализ видовых и видо-временных форм в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» позволил установить, что автор, во-первых, следует общим закономерностям функционирования глагольных форм в нарративе, а во-вторых, вносит в их реализацию собственные прагматические коррективы, обусловленные индивидуальной речевой манерой и социокультурным контекстом.

Как отмечал В. В. Виноградов, формы НСВ «лишь размещаются по разным участкам одной временной плоскости... образуя единство картины»; формы СВ же несут повествовательный динамизм, становясь вехами текстового развития. Эта дихотомия поддерживает художественную структуру поэмы, служа одновременно и коммуникативной организации текста, и выражению авторского отношения к изображаемому.

В поэме «Мертвые души» основное нарративное пространство формируется прошедшим временем СВ и НСВ. Настоящее и будущее время преимущественно используются в описаниях, авторских ремарках, репликах персонажей, то есть в участках текста с явно выраженной коммуникативной модальностью, где важны речевые роли и адресность высказывания.

Формы НСВ обладают повествовательно-фоновым потенциалом, позволяя автору удерживать внимание читателя на контексте и длительности,

в то время как формы СВ обеспечивают развитие сюжета, являясь, в терминологии прагмалингвистики, «актуализаторами тематической прогрессии». Таким образом, видовые формы выступают как инструменты управления речевым потоком, ритмом повествования и эмоциональным восприятием текста.

Проведенный сплошной анализ глагольной лексики первой главы поэмы продемонстрировал не только богатство аспектуальных оппозиций, но и их роль в реализации авторских стратегий генерализации, иронии, нарратива. Особый интерес представляет прагматически мотивированная замена СВ на НСВ: такая замена может создавать эффект нейтрализации результата, смещения фокуса с действия на процесс, усиления повторяемости или многосубъектности. Тем самым в прагмалингвистическом ключе вид маркирует не столько событие, сколько коммуникативный ракурс его подачи.

Частотное употребление форм НСВ в фрагментах с пространственными и временными генерализациями создает эффект «универсализации частного» - ситуация мыслится не как единичный акт, а как ритуально повторяемое, социокультурно значимое действие. Это позволяет говорить о социолингвистическом закреплении определенных способов представления действия, укорененных в речевой культуре и типичных для классической прозы XIX века.

В совокупности результаты анализа позволяют утверждать, что функционирование видовых форм в тексте определяется не только внутренней логикой грамматической системы, но и сложным взаимодействием прагматических факторов (речевых целей автора, коммуникативных ролей, диалогичности текста), а также социолингвистических параметров - жанровых ожиданий, нормы литературного языка эпохи, культурных механизмов восприятия времени и действия.

ГЛАВА 3:

ПЕРЕДАЧА ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ВЕРСИИ ГОГОЛЕВСКОЙ ПОЭМЫ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: ДОСТИЖЕНИЯ И УТРАТЫ

В данной части диссертационного исследования анализируется качество перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» с позиций междисциплинарного подхода, сочетающего аспектологический, социолингвистический, прагматический и переводоведческий уровни. Центральной задачей является выявление степени сохранения глагольной семантики оригинала, прежде всего аспектуальных и видо-временных значений, в условиях опосредованного перевода. Анализ строится на сопоставлении грамматических, прагматических и социокультурных параметров, определяющих функционирование глагольных форм в исходном и целевом тексте. Особое внимание уделяется тому, насколько точно передается процессуальность, завершенность, повторяемость и другие видовые характеристики, а также тому, как эти значения воспринимаются целевой аудиторией с учетом норм речевого поведения и культурных ожиданий. При этом рассматриваются как удачные решения, обеспечивающие интерпретационную близость к авторскому замыслу, так и неизбежные потери, вызванные ограничениями языковых и культурных систем, особенно в случае косвенного перевода, где трансформация значений происходит на двух уровнях - лингвистическом и межкультурном.

3.1. Косвенный перевод как предмет анализа качества перевода

3.1.1. Определение и исторические примеры

Косвенным переводом, согласно Н.В. Комиссарову, называют случаи, когда текст переводится не с подлинника, а через промежуточный перевод [Комиссаров, 1990, стр. 223-224]. В классических определениях [Киттель и Франк, 1991] косвенный перевод понимается как перевод на основе текста,

который сам является переводом, а позднее М. Рингмар и Г. Турий объясняли его не как исключение, а как нормальную и закономерную часть переводческой практики.

В XXI веке группа исследователей А. Ассис Роза, Х. Пиета и Р. Майя предложила систематизацию терминологии и выявила не менее восемнадцати различных трактовок. Ученые подчеркивали, что косвенные переводы особенно множатся в эпохи глобализации, когда на первый план выходит не буквальная точность, а доступность текста для широкой аудитории. Иными словами, косвенный перевод стал восприниматься как компромисс между аутентичностью и необходимостью культурной коммуникации: пусть смысл не всегда передается идеально, но сам текст получает шанс распространиться за пределы исходного языка и культуры.

Исторический опыт подтверждает эту тенденцию. Библия, один из самых переводимых текстов в мире, распространялась в разные страны именно через греческий перевод Септуагинты. Еще она переводилась с латинской «Вульгаты» на многие европейские языки, что позволило христианству быстро укорениться в Европе и Азии. В XVIII веке первые русские переводы знаменитого «Дон Кихота» Сервантеса выполнялись с французских версий, а не с испанского подлинника. Итальянские авторы - Боккаччо, Ариосто, Тассо - чаще переводились сначала во Франции или Германии, а лишь затем оказывались в России.

До начала XX века произведения русской литературы часто переводились не напрямую, а через французские версии. Русская классика попадала в Португалию через французский перевод, что объясняется престижем французского языка в XIX веке. Роман «Мах Havelaar» нидерландского писателя Мультиатули пришел в Россию также через немецкое посредничество. Роман Льва Толстого «Анна Каренина» был переведен на испанский язык с французского текста. Классическим примером подобного посредничества можно считать и русскоязычную версию «Тысячи и одной

ночи», выполненную Алексеем Фроловым по французскому переводу Антуана Галлана, а также более поздний перевод Людмилы Шелгуновой, опиравшейся на английский вариант Эдварда Лейна. В советскую эпоху косвенный перевод был не менее распространен: тексты национальных литератур союзных республик нередко передавались через русский язык. Кроме того, в 1979 году в Пекине был создан Центр по изучению и переводу советской литературы, который выпускал регулярные издания, знакомившие китайских читателей, например, с украинской или грузинской литературой.

Отдельный интерес представляют переводы произведений Н.В. Гоголя. Они также попадали в другие культуры через языки-посредники: повесть «Тарас Бульба» была передана на персидский язык через французский перевод Луи Виардо, а «Шинель», «Портрет» и «Коляска» - через английский перевод Джона Курноса. Впервые китайские читатели познакомились с «Мертвыми душами» через перевод, выполненный на основе немецких и японских текстов.

Во Вьетнаме подобная ситуация также имела место. Многие произведения русской классики попадали к вьетнамскому читателю через французский или английский язык, особенно в колониальную эпоху, когда доступ к русскому был крайне ограничен. Один из ярких примеров - повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Впервые она вышла на вьетнамском языке в 1960 году благодаря переводу с французского, выполненному Као Суан Хао. Только позднее появился прямой перевод с русского, но именно косвенный вариант стал первым знакомством вьетнамской публики с этим произведением.

Перевод гоголевской поэмы «Мертвые души» был осуществлен в 1965 году вьетнамским педагогом-переводчиком Хоанг Тхиеу Шоном на основе французской версии Анри Монго. Этот перевод остается единственным во вьетнамской культуре и был переиздан только спустя 30 лет - в 1993 году, а затем еще раз в 2002 году. К сожалению, прямого перевода с русского на

вьетнамский до сих пор не существует. По-прежнему используется единственный вьетнамский перевод, выполненный с французского издания.

3.1.2. Проблема оценки качества косвенного перевода

В последние десятилетия косвенный перевод, или вторичный перевод, вышел за рамки простой лингвистической практики и стал предметом активных научных исследований. Это связано с тем, что он позволяет увидеть не только особенности межъязыкового посредничества, но и более глубокие процессы межкультурного взаимодействия. Анализ косвенных переводов является ключевым методом для выявления «потерь и приобретений» - тех семантических, стилистических и культурных изменений, которые текст претерпевает в процессе многоступенчатой передачи. К потерям относятся искажения, упрощения, пропуски, а также утрата авторского стиля и культурных коннотаций. Приобретения же могут проявляться в виде новых смысловых оттенков, адаптации текста к целевой культуре и даже формирования самостоятельных литературных традиций.

Исторически косвенный перевод играл решающую роль в распространении мировой литературы, особенно в тех случаях, когда отсутствовали прямые контакты между языками или специалистами. Такие переводы часто служили культурным мостом, позволяя читателям познакомиться с произведениями, которые иначе остались бы для них недоступными. Современные исследователи, опираясь на теоретические разработки таких ученых, как Джулиан Хаус, Вилен Наумович Комиссаров, Хавьер Пьента, Энтони Пим, подходят к анализу качества косвенного перевода комплексно. Их работы создают основу для осмысления не только точности передачи, но и более широких задач, таких как сохранение коммуникативного эффекта, выполнение культурной миссии и расширение границ литературных традиций. Таким образом, косвенный перевод предстает не как несовершенная практика, а как полноценный объект анализа, отражающий динамику глобального культурного обмена.

3.1.2.1. Джулиан Хаус и ее модели оценки качества перевода (*Translation Quality Assessment - TQA*)

Дж.Хаус - немецкий лингвист и переводовед, профессор Гамбургского университета, одна из ведущих исследовательниц в области прикладной лингвистики и теории перевода. Наибольшую известность она получила благодаря разработке модели *Translation Quality Assessment (TQA)*, впервые представленной в 1977 г. и переработанной в 1997 г.

Согласно модели оценки качества перевода Дж. Хаус (1997), центральным критерием является *функциональная эквивалентность*, понимаемая как соответствие переводного текста функциям исходного. Исследователь выделяет два ключевых уровня, на которых должна обеспечиваться эта эквивалентность: *семантический (semantic/ideational)* и *прагматический (pragmatic/interpersonal)*. Семантическая функция связана с содержательной стороной текста и охватывает факты, события, действия персонажей, логическую структуру повествования; при ее сохранении перевод адекватно передает информацию, заложенную в оригинале. Прагматическая функция, в свою очередь, отражает характер отношений между автором и читателем и выражается в тоне повествования, стиле обращения, эмоциональной окраске и прагматической направленности высказывания. При качественном переводе читатель текста перевода должен не только понимать фактическое содержание, но и воспринимать текст в том же ключе, что и читатель оригинала, испытывая сходные эмоции и реагируя на стилистические нюансы. Таким образом, модель Хаус позволяет оценивать перевод комплексно - как с точки зрения точности передачи информации, так и с позиции сохранения коммуникативного эффекта, что делает ее удобным инструментом анализа качества художественных и публицистических текстов.

3.1.2.2. Вилен Наумович Комиссаров о критерии оценки качества перевода

В.Н. Комиссаров является одним из основателей советской и российской школы переводоведения. Его труды, такие как «Теория перевода

(лингвистические аспекты)» [Комиссаров, 1990] и «Современное переводоведение: курс лекций» [Комиссаров, 2002], стали классикой для студентов и исследователей. В.Н. Комиссаров в «Современном переводоведении» [Комиссаров, 2002] формулирует универсальные критерии качества перевода, которые можно напрямую соотнести и с косвенным переводом. Прежде всего, он отмечает, что «главным критерием качества перевода является его адекватность, то есть соответствие перевода целям и условиям перевода, задачам межъязыковой и межкультурной коммуникации» [Комиссаров, 2002, с. 230]. Это позволяет рассматривать косвенный перевод как адекватный, если он выполняет свою культурно-коммуникативную функцию - например, знакомит читателей с текстом, иначе для них недоступным. Далее Н.В. Комиссаров пишет: «Качество перевода определяется степенью эквивалентности, то есть сохранением содержания оригинала при его передаче средствами другого языка» [Комиссаров, 2002, с. 231]. В случае косвенного перевода эквивалентность зависит от двух звеньев - переводчика исходного текста и переводчика текста-посредника, искажения на первом этапе автоматически переходят в конечный текст. При этом он подчеркивает, что «при оценке качества перевода важен не только уровень передачи содержания, но и сохранение коммуникативного эффекта оригинала» [Комиссаров, 2002, с. 232]. Для художественных произведений это означает, что даже при утрате деталей косвенный перевод может сохранить эмоциональное воздействие: именно так французские версии русской классики распространялись в Европе, пусть и в смягченной стилистике. Наконец, Н.В. Комиссаров указывает: «Оценка качества перевода всегда связана с совокупностью факторов: целью перевода, его функцией, адресатом, жанром и стилем текста» [Комиссаров, 2002, с. 234]. Этот принцип делает возможным анализ косвенных переводов в историческом контексте: для вьетнамских читателей 1960-х годов, ограниченных французской колониальной образовательной системой, именно косвенные переводы стали

единственным каналом приобщения к русской литературе. Таким образом, хотя Н.В. Комиссаров прямо не обсуждал качество косвенного перевода, его подход показывает, что адекватность и эквивалентность применимы и к этой практике, а значит, косвенный перевод не следует автоматически считать «хуже» прямого - его оценка должна учитывать задачи и условия межъязыкового посредничества.

3.1.2.3. Хавьер Пьента о двойственной природе косвенного перевода

В исследованиях польской исследовательницы, специалиста по переводоведению Х. Пьенты особое внимание уделяется вопросу оценки качества косвенного перевода. Ученая подчеркивает, что он не может измеряться только буквальностью передачи исходного текста. По ее словам, «косвенный перевод является наиболее эффективным, а иногда и единственным средством включения культурных продуктов из периферийных культур» [Pięta, 2014, с. 136]. Это означает, что критерии оценки качества должны учитывать не только степень совпадения с оригиналом, но и ту культурную функцию, которую выполняет перевод в принимающем обществе. Так, в случае перевода русской классики в Португалии именно французский язык выступил необходимым посредником, без которого знакомство с этими произведениями могло бы состояться лишь десятилетия спустя.

Кроме того, Х. Пьента отмечает, что восприятие косвенного перевода как заведомо «низкокачественного» является стереотипом. Она обращает внимание на то, что «успех или неудача косвенного перевода зависят от таланта переводчика, а также от качества промежуточного текста и т.п. Результат может быть едва отличим от прямого перевода или даже лучше посредственного перевода с оригинала» [Radó, 1975, цит. по Pięta, 2014, с. 140]. Следовательно, в процедуре оценки качества необходимо различать ошибки, унаследованные от текста-посредника, и решения самого конечного переводчика.

В более поздних работах исследовательница также подчеркивает двойственную природу косвенного перевода: «он может представлять угрозу для качества перевода, но высококачественный косвенный перевод способен сыграть решающую роль» [Assis Rosa, Pięta, Maia, 2017, с. 15]. Тем самым задается рамка для комплексной оценки: учитывать не только языковую точность, но и социокультурные обстоятельства (например, наличие или отсутствие специалистов по исходному языку, издательскую политику, культурный престиж языка-посредника).

Таким образом, работы Х. Пьенты формируют новый взгляд на проблему: качество косвенного перевода оценивается не изолированно по формальным критериям, а в широком контексте - как сочетание текстовой адекватности и культурной значимости, где посредник может быть не столько препятствием, сколько необходимым звеном в глобальной циркуляции литератур.

3.1.2.4. Энтони Пим о косвенном переводе и «управлении рисками»

В работах современного австралийского исследователя Э. Пима, который известен как один из самых влиятельных теоретиков перевода XXI века, тема косвенного (или непрямого) перевода рассматривается сквозь призму его общей концепции перевода как управления рисками. В работе «*Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute*» [Pym, 2011] он прямо вводит понятие *коммуникативный риск* - риска того, что сообщение не будет понято или будет понято неверно. С этой точки зрения каждый дополнительный посредник в цепочке перевода повышает вероятность искажений: смысл может ослабевать, теряться, либо искажаться при переходе от оригинала к промежуточному тексту, а затем к конечному переводу.

Однако Э. Пим подчеркивает, что косвенный перевод нельзя однозначно считать «низкокачественным» - критерий оценки смещается с абсолютной точности на способность минимизировать коммуникативные

риски. Если переводчик учитывает специфику текста-посредника, умеет компенсировать возможные утраты и следит за целевой функцией перевода, то конечный текст может быть оценен как качественный. Таким образом, оценка качества здесь связана не столько с механической точностью, сколько с тем, насколько перевод обеспечивает успешное понимание и выполнение своей культурной или практической задачи.

В более поздней работе «*Translation Solutions for Many Languages: Histories of a Flawed Dream*» [Pym, 2017] Э. Пим рассматривает историю идей «универсальных переводов» и многоязычных посредничеств. Он показывает, что во многих случаях использование языков-посредников (например, латыни, французского или английского) было исторически неизбежным и играло важную роль в глобальной циркуляции знаний. Здесь снова проявляется логика *управление рисками*: каждый дополнительный шаг увеличивает вероятность искажений, но вместе с тем делает возможным сам факт коммуникации между культурами, которые иначе оставались бы изолированными.

Таким образом, в подходе Э. Пима косвенный перевод предстает не как «аномалия» или «дефектная практика», а как механизм балансировки между риском и возможностью коммуникации. Его качество оценивается через призму того, насколько переводчик сумел минимизировать риски и сохранить функцию текста.

Итак, исследование косвенного перевода уже не ограничивается рамками переводоведения, а приобретает междисциплинарный характер. Работы Дж. Хаус, В.Н. Комиссарова, Х. Пьенты, Э. Пима и формируют теоретическую базу для понимания и оценки качества косвенного перевода. Дж. Хаус выдвигает на первый план критерий *функциональная эквивалентность*, что похоже на комиссаровскую установку на адекватность. Х. Пьента показывает его двойственную природу и роль в распространении «периферийных» литератур, Э. Пим предлагает концепцию «управления рисками» в условиях посредничества.

3.1.3. Оценка качества косвенного перевода: результаты эмпирических исследований

В научной работе Е.Д. Векшиной «*Опосредованный перевод в нидерландско-русском культурном трансфере*» рассматривается практика опосредованного перевода романа Мультиатули «Макс Хавелар». Первые русские версии произведения создавались не с нидерландского оригинала, а через немецкие переводы. Среди наиболее существенных **утрат** исследователи отмечают сокращение целых глав, упрощение синтаксиса, потерю авторской иронии и смещение смысловых акцентов в изображении голландской колониальной политики. Именно из-за посредничества немецкого текста в русской версии сглаживались сатирические интонации, которые в оригинале усиливали критику колониальной системы.

Вместе с тем опосредованный перевод принес и определенные **достижения**. Он обеспечил знакомство русской аудитории с одним из ключевых произведений европейской антиколониальной мысли, оказав влияние на восприятие колониальной проблематики в России и стимулировав интерес к голландской литературе. Более того, русские тексты, даже с искажениями, начали функционировать как новые посредники: позднейшие переводы и исследования нередко опирались именно на русскую традицию, а не на нидерландский оригинал. Это создало эффект «цепной передачи», когда перевод сам становится источником для дальнейшей трансляции культурных смыслов.

Таким образом, случай с «Максом Хавеларом» демонстрирует двойственную природу опосредованного перевода: с одной стороны, неизбежные утраты приводят к искажению авторского замысла, с другой – возникшие достижения расширяют культурный диалог, закрепляют произведение в новой литературной традиции и стимулируют переводоведческие исследования.

Работа Ф.М. Турсунова [Турсунова, 2017] посвящена проблеме косвенного перевода в таджикской культуре, главным образом на примере

переводов англоязычной и западной литературы на таджикский язык через русский. Автор показывает, что такая практика была исторически обусловлена: переводчики, как правило, не владели английским языком, но через русский перевод могли донести произведения мировой литературы до таджикских читателей. Таким образом, русский язык выполнял роль языка-посредника и своеобразной «лингва-франка» советской эпохи.

С точки зрения **приобретений**, косвенный перевод стал важным культурным каналом. Благодаря ему таджикские читатели познакомились с Шекспиром, Шелли, Марком Твенем, Свифтом и другими писателями, а таджикский литературный язык получил новые выражения, термины и стилистические возможности. Более того, часть безэквивалентной лексики - таких реалий, как ром или каюта - сохранялась в переводах без изменений, что обеспечивало узнаваемость и точность отдельных элементов текста. Косвенный перевод в этом смысле способствовал обогащению языка и закреплению определенных заимствований.

Вместе с тем Ф.М. Турсунов отмечает и **потери**, характерные для этой практики. При передаче через русский язык часть лексики, стилистических особенностей и культурных реалий неизбежно искажалась или упрощалась. Автор подчеркивает, что некоторые переводы советского периода не соответствуют требованиям современного читателя и требуют переиздания или корректировки. Так, отдельные слова и обороты, закрепившиеся в 1960-1980-е годы, сегодня устарели или изменили свое значение. Кроме того, косвенный перевод порой создавал трудности для последующего анализа: невозможно точно установить, какой именно русский вариант использовался как источник, если существовало несколько переводов одного и того же произведения.

Тем не менее, Ф.М. Турсунов утверждает, что такие переводы нельзя рассматривать лишь как «временное решение» или «ошибку». Они представляют собой историческую и культурную ценность, поскольку

выполняли миссию своего времени и стали частью национальной переводческой традиции. Автор предлагает использовать их в научных исследованиях не только для критики, но и как базу для сопоставления с новыми переводами. Более того, негативные результаты - искажения или неточности - также ценны, поскольку показывают, чего следует избегать в будущей переводческой практике.

В статье З.Г. Прошиной «*Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода*» [Прошина, 2014] рассматривается феномен косвенного перевода восточных имен и наименований на русский язык через западные языки, прежде всего английский, выполняющий роль языка-посредника в условиях глобализации. Автор подчеркивает, что такая практика неизбежно ведет к искажениям фонетико-графической и культурной природы, поскольку системы латинизации не совпадают с традиционными нормами русской транслитерации, а переводчики часто закрепляют англизированные формы, далекие от прямых соответствий. В отличие от традиции прямого перевода, основанного на устных корреляциях, опосредованный перевод чаще выполняется письменно и приводит к ошибкам, которые затем закрепляются в языке. В процессе возникают «недостатки»: исчезает фонетическая аутентичность, смещаются культурные коннотации, искажается семантика. Наряду с этим наблюдаются и «достоинства»: в языке-приемнике закрепляются новые формы, отсутствующие в языке-источнике, но ставшие привычными для русскоязычной аудитории. Таким образом, опосредованный перевод оказывает двойственное влияние на развитие русского языка: с одной стороны, он вносит вариативность и нестабильность норм, с другой - стимулирует развитие исследований в области интерлингвокультурологии, лексикографии и теории заимствований, а также формирование переводческих курсов, учитывающих специфику перевода через язык-посредник. Работа демонстрирует, что опосредованный перевод - это не только источник ошибок и искажений, но и важный фактор, влияющий на эволюцию языка и расширение теоретических оснований переводоведения.

Анализ работ российских исследователей показывает, что оценка качества косвенного перевода требует комплексного подхода. Эмпирические исследования подтверждают двойственный характер этого явления: с одной стороны, косвенный перевод связан с потерями - исчезновением фонетической аутентичности, упрощением синтаксиса, искажением культурных коннотаций и смещением акцентов авторского замысла. С другой стороны, он приносит и приобретения - закрепляет новые формы в языке-приемнике.

Можно с уверенностью утверждать, что исследование косвенного перевода выходит за рамки чисто лингвистической проблемы и приобретает важное междисциплинарное значение. Оно затрагивает не только теорию перевода, но и культурологию, социолингвистику и литературоведение. Результаты эмпирических исследований показывают, что косвенный перевод может содержать как искажения, так и новые ценностные элементы, а сам он становится объектом дальнейшего анализа и переосмысления. Для переводоведения это открывает перспективы разработки специальных критериев оценки качества, где равным образом учитываются потери, приобретения и культурная роль косвенного перевода. Теоретические разработки ведущих исследователей в этой области, имена которых уже были упомянуты, создают надежную основу для осмысления качества косвенного перевода как сложного и многогранного явления.

Критерии оценки качества перевода, сформулированные Дж. Хаус (функциональная эквивалентность) и В.Н. Комиссаровым (адекватность и эквивалентность), послужат основой для нашей собственной методологии. Они позволят нам не просто констатировать факт расхождений между оригиналом и переводом, но и дать им качественную оценку: было ли это расхождение мотивированным и обоснованным с точки зрения достижения адекватного коммуникативного эффекта.

Работы Х. Пьенты показывают двойственную природу косвенного перевода: с одной стороны, косвенный перевод является свидетельством ограниченности языковых ресурсов, а с другой - выступает в качестве

инструмента культурного расширения, позволяющего произведениям с «периферийных» языков получить признание на мировой арене. В нашем исследовании эта идея приобретает особую актуальность, поскольку вьетнамский перевод поэмы Гоголя является именно таким случаем - он знакомит читателя с русской классикой через посредничество.

Концепция «управления рисками», предложенная Энтони Пимом, дает нам практический инструмент для анализа. Она позволяет не просто фиксировать ошибки, а оценивать, какие «риски» были осознанно приняты или, наоборот, не учтены переводчиком-посредником. Такой подход поможет нам понять, почему вьетнамский перевод утратил или, наоборот, сохранил определенные элементы глагольной семантики.

Таким образом, теоретическая база, сформированная трудами этих ученых, будет служить надежным фундаментом для нашего практического анализа. Она позволит нам не просто перечислить «достижения» и «утраты» в передаче глагольной семантики, но и объяснить их причины, а также оценить их влияние на восприятие поэмы Гоголя во вьетнамской культуре.

3.2. Оценка качества переводного варианта поэмы «Мертвые души» на вьетнамский язык

Для объективной и всесторонней оценки качества переводного варианта поэмы «Мертвые души» на вьетнамский язык, мы будем использовать теоретическую базу, разработанную известным лингвистом и теоретиком перевода В.Н. Комиссаровым. Его подход позволяет не только оценить точность передачи содержания, но и проанализировать, насколько успешно переводчик сохранил авторский стиль и коммуникативное воздействие оригинала.

В рамках нашего исследования, мы выделим 3 основные группы случаев, демонстрирующих различные уровни качества переводного варианта. Эти группы будут классифицированы на основе двух ключевых критериев, предложенных В.Н. Комиссаровым: эквивалентность и адекватность.

К первой группе относятся те случаи, когда в полной мере реализуются оба критерия эквивалентности и адекватности. Это означает, что лексико-семантическое значение глаголов и сопровождающих их контекстуальных средств передается без искажений, а вместе с содержанием сохраняются коммуникативный эффект и художественные приемы, характерные для Гоголя. У В.Н. Комиссарова коммуникативный эффект понимается как сохранение воздействия текста на реципиента перевода, то есть нужно переводить так, чтобы вьетнамский читатель воспринимал текст так же, как русский читатель. Иными словами, вьетнамский читатель получает не только точное понимание фактов и логики высказывания, но и воспринимает, как Гоголь ведет повествование, с юмором, сатирой, сарказмом. Будем называть эту группу случаев *«полная адекватность и эквивалентность»*.

Ко второй группе относятся случаи, когда перевод сохраняет *полную адекватность*, но достигает лишь *частичной эквивалентности*. Здесь переводчик использует дополнительные слова или конструкции, которых нет в русском оригинале, чтобы точнее передать, как именно развивалось действие во времени. Из-за этого возникает неполное совпадение на уровне выражения грамматических значений, но смысл и коммуникативный эффект при этом не искажаются. Вьетнамский читатель понимает не только «что произошло», но и улавливает повествовательный подтекст, включая особенности передачи видовых форм.

К третьей группе следует отнести случаи, когда не достигаются ни *эквивалентность*, ни *адекватность*. Это ситуации, когда вьетнамская версия искажает частное видовое значение глагола или упрощает его до такой степени, что меняется восприятие исходной сцены.

3.2.1. Случаи полной адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу

3.2.1.1. Передача значения типизации и обобщения

Формы несовершенного вида в настоящем времени у Гоголя выполняют не только грамматическую, но и важнейшую художественно-

стилистическую функцию. Они позволяют автору выйти за рамки фиксированного времени и показать социальные и бытовые явления как типичные, повторяющиеся, вневременные. Особенно значимы здесь формы настоящего времени несовершенного вида, которые у Гоголя приобретают характер обобщения и создают эффект так называемого «расширенного настоящего»: речь идет не о единичном событии, а о том, что «так бывает всегда». Благодаря этому повествование приобретает универсальный и сатирический оттенок: «толстые» и «тоненькие», чиновники и помещики предстают не как индивидуальные персонажи, а как социальные типы, собирательные образы.

Эквивалентно переводятся такие элементы контекста, как обобщенный субъект, обобщенные временные и пространственные показатели. При их наличии в тексте носители вьетнамского языка без всяких затруднений понимают, что в таких случаях план настоящего расширен настолько, что речь идет уже о чем-то типичном, обобщенном. Рассмотрим пример:

«Увы! Толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особнным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затреципит и угнется под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия»

«Than ôi! Trên cõi đời này, hạng béo lại khéo thu xếp công việc của họ hơn hạng gày. Hạng này thường chỉ là những viên chức được sai phái những việc nhất thời; họ nhảy nhót nơi này, nơi kia; đời sống của họ bấp bênh, chẳng có gì chắc chắn cả. Hạng béo trái lại không bao giờ giữ chức gì thuộc lại cả, họ chễm chệ ở những chức vụ chính yếu; đã ngồi vào đâu là họ ngồi thật vững, thật chắc; đến nỗi chẳng bao lâu chỗ ngồi oằn xuống, kêu rảng rắc dưới sức nặng của họ; nhọng họ

thì chẳng bao giờ chịu thả ra đâu. Họ không thích vẻ hào nhoáng vỏ ngoài: áo họ tuy không khéo cắt bằng áo bọn gày, nhưng hòm bạc của họ dày hơn».

В русском оригинале «толстые» и «тоненькие» не обозначают конкретных персонажей, а выступают как собирательные характеристики, типы людей, своего рода социальные архетипы. Это прием сатирического обобщения: Гоголь высмеивает устойчивые социальные явления, а не единичные случаи. Дополнительный художественный эффект создают формы настоящего времени несовершенного вида («умеют», «служат», «вливают», «не любят»), которые придают описанию характер вневременной типичности - речь идет не о том, что произошло однажды, а о том, что «так бывает всегда».

Во вьетнамском переводе сохраняется тот же прием через использование лексем *hạng béo* и *hạng gầy* («категория/ сорт толстых», «категория/ сорт тонких»), что тоже создает эффект обобщенного субъекта. Более того, переводчик полностью воспроизводит структуру: у вьетнамского читателя не возникает сомнений, что речь идет о типичных группах людей. Применение обстоятельственных показателей (*không bao giờ, thường, chẳng bao lâu*) и наречий состояния (*bấp bênh, thật vững, thật chắc*) усиливает восприятие описываемых ситуаций как типичных, повторяющихся, то есть поддерживает ту же «расширенность плана настоящего», которая есть в оригинале.

Функциональный эффект данного фрагмента заключается в том, что в русском тексте он реализуется как сатирическая типизация, формирующая иронический образ «толстых» и «тоненьких». Во вьетнамском переводе эта же типичность сохраняется за счет прямого обозначения обобщенного субъекта (*hạng béo, hạng gầy*) и использования универсальных временных маркеров, благодаря чему читатель воспринимает ситуацию не как единичный эпизод, а как обобщенное суждение о мире. Пример позволяет вьетнамскому читателю уловить иронический подтекст.

В следующем контексте наличие словосочетания, называющего

обобщенное место *các tỉnh lỵ* («в губернских городах»), позволяет читателю понять, что ситуация описывается в широком плане настоящего: *«Покой известного рода, ибо гостиница тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах»/ Căn phòng ấy chẳng có gì là đặc biệt cả; nghĩa là giống hệt mọi khách sạn ở các tỉnh lỵ.*

Рассмотрим другой пример.

«Какие бывают эти общие залы – всякий проезжающий знают очень хорошо»

«Những phòng khách chung ấy là như thế nào - khách lữ hành đều biết rất rõ».

В этом примере сохраняется прием обращения к «коллективному опыту» читателя: и в русском, и во вьетнамском варианте подчеркивается, что речь идет о явлении типичном, хорошо известном каждому. Здесь достигается эквивалентность, так как обобщенный субъект «всякий» точно воспроизводится во вьетнамском «khách lữ hành».

«Покой известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах»

«Căn phòng ấy chẳng có gì là đặc biệt cả; nghĩa là giống hệt mọi khách sạn thường thấy ở các tỉnh lỵ».

В вышеуказанном примере перевод сохраняет иронический оттенок: у Н.В. Гоголя фраза «известного рода» содержит легкую насмешку, намек на заурядность, во вьетнамском варианте это передается как «chẳng có gì là đặc biệt cả». Здесь передается и смысл, и скрытая ирония: Чичиков выбрал самую обыкновенную комнату, что не соответствует его социальному статусу.

Типичен и следующий пример:

«Черные фракы мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета»

«Những bộ áo đen thấp thoáng qua lại nơi này, nơi kia như những con ruồi vo ve trên một bánh đường trắng tinh, trong một ngày tháng bầy nóng nực».

Мы видим пример сохранения метафорического образа при переводе. Сравнение с мухами на рафинаде, создающее у Гоголя комический эффект оживленного, хаотичного движения, во вьетнамском варианте передается в полной мере и дополняется детализацией (*vo ve* – «жужжать»), что усиливает зрительное и звуковое восприятие сцены.

Особое внимание следует обратить на обобщенное временное обстоятельство «в пору жаркого июльского лета» / *trong một ngày tháng bảy nóng nực*. В русском тексте это выражение несет характер типизации: описывается не конкретный день, а всякая «пора июльского лета» как узнаваемый для читателя образ. Во вьетнамском переводе эта функция также сохраняется: *trong một ngày tháng bảy nóng nực* воспринимается как обобщенное указание на сезонную ситуацию, знакомую каждому. Таким образом, передается не индивидуальная локализация во времени, а обобщенная, типичная картина, что полностью соответствует коммуникативной задаче оригинала.

Рассмотрим еще пример:

«Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым обычно приготавливает своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться»

«Người khách bỏ mũ lưỡi trai, tháo cái khăn quàng cổ bằng len ngũ sắc, kiểu khăn quàng mà các bà vợ thường tự tay đan lấy để tặng chồng với những lời dặn dò cẩn thận về cách quàng khăn»

Здесь перевод точно воспроизводит бытовую подробность, сохраняя национально-бытовой колорит.

Особое внимание заслуживает передача обобщенного субъекта *супруга* → *các bà vợ*. В русском тексте обобщение выражено в единственном числе («супруга» как типичный образ жены), тогда как во вьетнамском варианте используется множественное число (*các bà vợ*), которое еще сильнее подчеркивает обобщенность ситуации. Такой прием делает реплику еще более

универсальной: речь идет не о конкретной жене, а о «всех женах вообще», которые выполняют одинаковую социальную роль - вяжут теплые вещи мужьям и сопровождают их советами.

Итак, коммуникативная функция видовых форм заключается в том, чтобы вовлечь читателя в процесс узнавания - Гоголь показывает не уникальную историю, а картину мира, знакомую каждому, тем самым усиливая эффект сатиры и иронии. Носитель русского языка воспринимает такие формы как сигнал к тому, что речь идет о типичном, общеизвестном явлении. Во вьетнамском переводе данный прием сохраняется благодаря адекватной передаче элементов обобщенного субъекта (*hạng béo, hạng gầy*), обобщенных временных и пространственных показателей (*không bao giờ, thường, các tỉnh lỵ*). Эти языковые средства позволяют вьетнамскому читателю без труда уловить ту же вневременную типизацию, что и в оригинале: ситуация интерпретируется не как конкретный эпизод, а как универсальное суждение о мире.

3.2.1.2. Передача значения длительности действия

Коммуникативная функция конкретно-процессного значения у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах» состоит в создании эффекта протяженности, одновременности и незавершенности действия. Несовершенный вид в сочетании с обстоятельственными индикаторами («*минуты две*», «*всю ночь*», «*еще*», «*все еще*», «*очень долго*», «*сутки*», «*два года*» и т.п.) формирует у читателя ощущение длительности и процессуальности, то есть показывает действие не как факт, заверченный в прошлом, а как ситуацию, растянутую во времени, находящуюся в динамике. Тем самым повествование приобретает особую выразительность: читатель вовлекается в наблюдение за процессом, а не только фиксирует его результат. В переводе на вьетнамский язык эта функция сохраняется благодаря широкому набору лексических средств (*trong khi, một năm, trong khoảng hai phút, suốt đêm, rất lâu* и др.),

Коммуникативный эффект здесь заключается в том, что читатель вьетнамского перевода воспринимает описываемые ситуации именно как

длительные, разворачивающиеся во времени, и это соответствует художественной задаче Гоголя - показать жизнь как поток действий, жестов, мыслей и состояний. С помощью таких средств переводчик добивается адекватности: передается не только фактическое содержание, но и процессуальная перспектива, создающая у читателя впечатление живого течения событий.

Рассмотрим некоторые типичные примеры.

«Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки»

«Trong khi khách xem xét căn phòng thì người ta mang hành lý vào»

В этом примере связка *trong khi* («пока») четко маркирует временную одновременность и длительность действия, что полностью соответствует русской форме «осматривал».

«Ну видите ль? Так зато это мед. Вы собирали его, может быть, около года, с заботами, со старанием, хлопотами; ездили, морили пчел, кормили их в погребе целую зиму; а мертвые души дело не от мира сего. Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания, на то была воля Божия, чтоб они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству»

«Ừ thì cho là như thế! Nhưng mà đó là mật. Được ngân ấy chắc bà đã phải mất một năm chăm sóc, lo lắng, chay vạy; bà phải nuôi ong ở dưới hầm suốt một mùa đông. Trái lại, nông phu chết không phải là cái mà ta làm ra được ở thế gian này. Bà có góp phần gì vào đấy đâu: nhờ Chúa mà chúng đã từ giã cuộc đời và làm cho bà thiệt lây».

В этом примере глагол «собирали» в русском тексте, выраженный формой прошедшего времени несовершенного вида, обозначает протяженное, кропотливое и трудоемкое действие, подчеркивающее усилия, вложенные в получение меда. Вьетнамский перевод «*mất một năm chăm sóc, lo lắng, chay vạy...*» не воспроизводит видовую форму напрямую, но создает аналогичный прагматический эффект за счет длительного временного маркера «*một năm*»

(«один год») и глагольных конструкций, выражающих усилие, заботу и жертвенность. Такое решение обеспечивает сохранение коммуникативного фокуса: читатель ощущает противопоставление между естественным, длительным трудом (мед) и мгновенной, потусторонней прибылью (мертвые души).

«Он, заложивши руки назад, глядел на них минуты две...»

«*Tsitsikôp... chăm chú nhìn trong khoảng hai phút...*»

Количественное указание *trong khoảng hai phút* («в течение двух минут») обеспечивает сохранение временной протяженности действия и полностью отражает аспектуальную семантику русского «глядел минуты две».

«*Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный*»

«*Hôm kia, tôi nằm mê thấy hấn suốt đêm.*»

В этом примере глагол «*снился*» в русском оригинале выражен в форме прошедшего времени несовершенного вида и обозначает продолжительное, растянутое во времени сновидение, продолжающееся всю ночь. Во вьетнамском переводе это значение точно передается с помощью устойчивого выражения *suốt đêm* («всю ночь»), которое выполняет функцию контекстуального компенсатора видового оттенка русского глагола.

«*Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню.*»

«*Chàng ta xiết chặt tay y rất lâu, khẩn khoản mời y quá độ đến thăm áp.*»

В приведенном примере глагол «*жал*» (несовершенного вида) указывает на продолжительное, незавершенное действие, имеющее значение процессуальности. Во вьетнамском переводе этому значению соответствует наречие *rất lâu* («очень долго»), которое эксплицирует длительность действия и компенсирует отсутствие грамматической категории вида.

Во многих примерах переводчик Хоанг Тхьеу Шон употребляет перед глаголом слова *còn, vẫn còn*, которые находят точное отражение в русском языке: *еще, все еще*. С помощью таких контекстных элементов отчетливо

выражается значение продолженности. Они подчеркивают одновременность действия с точкой отсчета (моментом речи или моментом, обозначенным обстоятельством времени). Ср.:

«Когда половой все еще разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город»

«Gã người hầu vẫn còn chưa đọc xong mảnh giấy thì Paven Ivannôvits Tsitsikôp đã thân hành đi thăm thành phố».

Конструкции с словами *lâu / rất lâu / một hồi lâu / một lúc / mãi* обеспечивают приблизительное указание на длительность, создавая эквивалент русскому несовершенному виду.

«И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит»

«Sau đó, ngồi trong xe, y còn nghĩ mãi hồi lâu xem còn ai có thể đến thăm nữa không».

В данном примере глагол «сидел» в сочетании с деепричастием «придумывая» в русском языке выражает длительное размышление в процессе пребывания в бричке. Это действие передается во вьетнамском переводе через конструкцию *nghĩ mãi hồi lâu* - «долго-долго размышлял», где: *nghĩ mãi* («долго думал, размышлял») - указывает на повторяемость и интенсивность ментального действия, *hồi lâu* - акцентирует продолжительность временного интервала.

Оригинален еще один пример.

«Они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина»

«Họ ngồi quanh cái bàn trái dạ màu lục và không đứng dậy nữa, mãi cho đến bữa ăn khuya»

В этом примере глагольная конструкция «не вставали уже до ужина» в русском языке выражает непрерывность и замкнутость действия во времени, что связано с категорией несовершенного вида. В переводе на вьетнамский используется фраза *mãi cho đến bữa ăn khuya* («вплоть до позднего ужина»), где показатель *mãi* эксплицитно маркирует продолжительность и

стабильность ситуации, а конструкция *cho đến* фиксирует точку завершения действия.

«Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы»

«Ông bạn Tsitsikôp của chúng ta, bây giờ cũng đang mơ màng, những giấc mơ không dung tục đến như thế»

В данном примере частица *đang* подчеркивает актуальность действия в момент речи, создавая адекватный эффект длительности и незавершенности.

Аналогично в следующем примере, частица *đang* служит для выражения актуального, незавершенного процесса, соответствуя русскому «играют» в момент речи:

«- Прощайте, миленькие малютки! - сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа»

« - Tạm biệt, các bạn nhỏ! Tsitsikôp nói khi trông thấy Ankit và Thêmixtôklux đang chơi với một người lính khinh kỵ bằng gỗ, đã sứt mũi và gãy tay.»

В случае:

«Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек»

«Tớ cứ tưởng cậu là người lịch sự»

частица *cứ* («все время, постоянно») передает повторяемость и устойчивость восприятия, компенсируя скрытый видовой оттенок русского текста.

В примере:

«Мне, однако же, сказывали, - скромно заметил Чичиков, - что у вас более тысячи душ»

«Người ta vẫn bảo tôi là cụ có hơn nghìn nông phu, Tsitsikôp khẽ nhắc như vậy».

русская форма «сказывали» (прошедшее время, несовершенный вид) указывает на неоднократность, неопределенную повторяемость сообщения, создавая эффект неперсонифицированного упоминания слухов. Вьетнамский перевод «người ta vẫn bảo» грамматически лишен видовой категории, однако частица «vẫn» («по-прежнему», «все еще», «всегда») компенсирует видовую семантику русского НСВ, передавая устойчивость, длительность и многократность речевого действия. Таким образом, во вьетнамском варианте сохраняется прагмалингвистический эффект: ощущение давнего, укоренившегося слуха, отражающее культурно обусловленный способ косвенной передачи информации.

В другом контексте элемент *cứ* («все еще») подчеркивает продолжение действия или сохранение состояния:

«Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти».

«Chúng tôi vẫn ra phố từng đợt ngắn để giao du với những người lịch sự. Cứ sống mãi giữa bốn bức tường rồi ra thành ngu độn».

В следующем примере слово *hay* указывает на связь с моментом речи и в сочетании с обстоятельством длительности выражает оттенок незавершенного процесса:

«В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года»

«Trong buổi làm việc, chàng giữ một cuốn sách có cái chặn đánh dấu trang 14 mà chàng vẫn đọc dở từ hai năm nay».

В качестве показателя длительности во вьетнамской версии поэмы используются слова типа *không ngót, vẫn còn, suốt* («все»), которые акцентируют мысль о том, что действие, описываемое глагольными формами *увидаться, смеяться* продолжается и неизвестно, когда оно закончится. Например:

«Одни тоненькие ... все увивались около дам».

«Hạng gày thì ... suốt buổi theo tán tỉnh phái đẹp».

В следующем случае на выражение этой идеи работает также дополнительно введенное переводчиком слово *hiện* («сейчас»):

«Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке»

«Chúng ta ghi rõ là chúng còn sống, như hiện vẫn ghi trong tờ khai dân số».

3.2.1.3. Передача значения многократности действия

Коммуникативный эффект передачи кратности действия заключается в том, что переводчик сумел сохранить и даже усилить восприятие повторяемости, столь характерное для русских форм несовершенного вида. У Гоголя кратность маркирует не только частоту или привычность действия, но и задает особую ритмику повествования, позволяя читателю ощутить, как повседневные ситуации или социальные стереотипы воспроизводятся «раз за разом». Коммуникативный эффект заключается в том, что вьетнамский читатель воспринимает действие именно как цикличное, устойчивое и неизбежное, что полностью соответствует художественному замыслу Гоголя.

Кратность действия в переводе на вьетнамский язык действительно выражается при помощи наречных маркеров и устойчивых конструкций, что позволяет достаточно адекватно воспроизводить значение повторяемости, характерное для русского вида. Так, в примере:

«Да, шаловлив, шаловлив, – говорил обыкновенно на это отец»

«Vâng, nó nóng nảy, nóng nảy lắm», ông bổ thường đáp lại thế»

наречие *thường* («обыкновенно») прямо передает повторяющийся характер действия «говорил обыкновенно».

Аналогично, в фразе:

«Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», – «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно»

«Khi người quản lý nói: «Nên làm thế này hay thế nọ» thì chàng thường trả lời: «Cũng được đấy». – «Ừ, ừ được đấy!» chàng nhắc lại»

тот же маркер *thường* фиксирует привычную реакцию героя, тем самым сохраняя оттенок регулярности.

В предложении:

«Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич, – говорила отцу и своя и чужая дворня...»

«Tôi tớ trong nhà và quanh vùng thường kêu với ông bố rằng ...»

переводчик также использует *thường*, чтобы подчеркнуть, что действие повторялось многократно.

В контексте: *«Купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сем испивать свою известную пару чаю»* («*Các ông lái sở tại, những ngày phiên chợ, thường kéo năm, kéo bảy, đến đây uống trà»») сочетание *thường* с указанием на обстоятельства времени («по торговым дням») усиливает регулярность действия.*

Дальше рассмотрим описание люстры:

«Та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам»

«Cũng vẫn bộ đèn treo với vô số những chuỗi thủy tinh lòng thòng, cứ nhảy lên và kêu lạnh canh mỗi lần người hầu chạy đi, chạy lại»

Выражение *cứ ... mỗi lần* воспроизводит значение «всякий раз», что полностью соответствует кратности в русском варианте.

Подобный прием используется и в следующем предложении.

«Он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего?»

«Gã người hầu cứ mỗi lúc nghe tiếng xỉ mũi kia là hắn lại lắc lắc mái tóc bờm xòm, lấy dáng điệu cung kính hơn nữa và cúi đầu hỏi: «Ngài dùng gì ạ?»

В данной ситуации конструкции *cứ ... mỗi lúc* и *lại* «снова» фиксируют повторяемость действия.

Еще один пример:

«Помещик Манилов ... имевший глаза сладкие, как сахар, и шутивший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти»»

«Manilôp, người còn trẻ, đôi mắt hiền hậu ngọt như đường **mỗi khi** cười là **lại** nheo nheo, thì say mê Tsitsikôp như điếu đống»

В данном примере вьетнамская конструкция **mỗi khi ... lại** успешно компенсирует видовую экспрессию глагола «шутивший», который в контексте русского оригинала («всякий раз, когда смеялся») обозначает регулярность действия, свойственную несовершенному виду. В русском языке эта регулярность грамматически кодируется, тогда как во вьетнамском она передается синтаксически и лексически - через устойчивое сочетание **mỗi khi** («всякий раз, когда») и частицы **lại**, маркирующей повторяемость.

В других случаях регулярность выражается через устойчивые выражения **như thường lệ**:

«На что половой, по обыкновению, отвечал: «О, большой, сударь, мошенник»».

Đáp lại câu hỏi sau cùng, người hầu trả lời như thường lệ. «Ồ, thưa ngài, đúng đấy ạ, một tên chúa xỏ lá!»

«По окончании игры спорили, как водится, довольно громко».

«Canh bạc tàn thì như thường lệ, nổi lên một cuộc cãi nhau khá ồn ào, где **như thường lệ**».

На примерах с выражением **như thường lệ** отчетливо прослеживается, как вьетнамский язык компенсирует регулярную, повторяющуюся видовую окраску, закодированную в русском языке через наречия типа «по обыкновению», «как водится». В русском языке такие маркеры часто сочетаются с глаголами несовершенного вида, придавая повествованию привычность и обыденность. Во вьетнамском переводе эта функция достигается лексически - за счет устойчивого выражения **như thường lệ**.

«Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома».

«Thỉnh thoảng, đứng trên tam cấp trước nhà, nhìn sân và ao, chàng nghĩ nên làm một con đường hầm từ nhà xuống làng».

Пример с использованием вьетнамского маркера *thỉnh thoảng* («иногда») демонстрирует, как в переводе компенсируется значение эпизодической кратности, свойственное русскому наречию «иногда» при глаголе несовершенного вида «говорил». В оригинале выражается не постоянство, а спорадичность действия - герой изредка высказывал подобные мысли. Вьетнамский аналог *thỉnh thoảng* эффективно передает эту дискретную повторяемость, что важно для правильной прагматической интерпретации ситуации.

Таким образом, система наречных маркеров (*thường, cứ, mỗi lần, mỗi khi, lại, như thường lệ, thỉnh thoảng*) обеспечивает адекватное и достаточно точное выражение повторяемости, что позволяет вьетнамскому переводу сохранить видовую семантику кратности русского глагола.

Кроме этого, во многих случаях, значение неограниченной кратности воплощается в переводе на вьетнамский язык в устойчивых конструкциях *lúc nào cũng* ‘беспрестанно + *cũng*’, *bao giờ cũng* ‘непрерывно + *cũng*’, и с помощью слов *vẫn, đều, lại*.

В примере:

«Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила»

«Bất kỳ đâu mà có hẳn, là bao giờ cũng có việc gì đấy xảy ra cho hẳn»

выражение *bao giờ cũng* («всегда, непременно») служит точным средством передачи значения обязательной повторяемости, которое в русском тексте выражено словом «непрерывно». Вьетнамский вариант даже усиливает семантический акцент, создавая ощущение неизбежности происходящего в любом контексте.

В контексте:

«Ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то

Ноздрев, то балы, то дамы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей»

«Cho đến nay, bạn đọc cũng thấy đấy, tác giả lúc nào cũng bị ngăn trở, hoặc bởi Nôzđriôp, hoặc bởi các vũ hội, các phu nhân, các chuyện ngòi lê, đôi mách; hoặc cuối cùng bởi muôn nghìn chi tiết»,

вьетнамское *lúc nào cũng* («всегда, беспрестанно») очень удачно воспроизводит оттенок постоянства, который в русском обозначен наречием «беспрестанно». Благодаря этому перевод сохраняет динамику русского текста и подчеркивает регулярность вмешательства посторонних факторов в судьбу героя.

В другом примере:

«Хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы»»

«Và từ bao nhiêu năm nay, tiếp ai chủ nhà vẫn phải dặn khách: «Xin đừng ngồi lên cái ghế đó, vì chưa kịp bọc lụa»»

русское выражение «всякий раз предостерегал» передано с помощью маркера *vẫn* («по-прежнему, все еще»), который в контексте *vẫn phải dặn khách* фиксирует сохранение повторяющегося действия на протяжении долгого времени. Вьетнамский перевод акцентирует непрерывность традиции и устойчивость ситуации, что делает выражение значения неограниченной кратности особенно наглядным.

3.2.2. *Случаи полной адекватности при частичной эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу*

Во вьетнамском языке отсутствует категория вида, и переводчик вынужден компенсировать ее различными лексико-грамматическими средствами. Для актуализации аспектуальных значений он добавляет специальные показатели и служебные слова (*đã, từng, xong, rồi, được, nổi, lên, có* и др.), которые в русском оригинале не имеют аналоги. Тем самым вьетнамский текст точно передает длительность, завершенность,

повторяемость или потенциальность действия, хотя формально его грамматическая структура не совпадает с русской. Именно поэтому такие случаи характеризуются как полная адекватность (сохранение смысла и коммуникативного эффекта) при частичной эквивалентности (различие в форме выражения).

3.2.2.1. Передача значения постоянности свойства

Коммуникативный эффект в приведенной группе примеров заключается в том, что Гоголь через грамматическую форму несовершенного вида в сочетании с обобщенными субъектами, временными и пространственными показателями создает эффект вневременности и типичности. Его персонажи и ситуации подаются не как единичные случаи, а как устойчивые социальные явления, «так бывает всегда». Вьетнамский перевод, несмотря на отсутствие категории вида, воспроизводит этот эффект за счет дополнительных маркеров (*vẫn, cũng như, thường, có, còn* и др.), которые делают акцент на постоянстве, повторяемости и универсальности действия или свойства. Таким образом, достигается полная адекватность: вьетнамский читатель воспринимает текст не как описание частного факта, а как обобщенное наблюдение над действительностью.

Типизация – главная отличительная черта гоголевской манеры повествования – наиболее эксплицитно представлена в контекстах, содержащих сравнительные конструкции. Например:

«Некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц ...»

«Vài người trong bọn họ thật khó mà phân biệt được với các công tử ở Pêterbua; cũng như bọn ấy, họ chải bộ râu má rất diêm dúa, hay phô ra những bộ mặt trái xoanạo nhẵn thín».

Наличие слов типа *cũng như bọn họ* («такие же, как они»), *cũng thế* («так же») акцентирует внимание на том, что предмет речи включается в широкий

ряд своих подобий. В условиях данного аспектуального контекста глагол деятельности *có* («иметь») тяготеет к выражению значения экзистенциальности и постоянного отношения.

В целях компенсации отсутствия категории вида или возможности искажения видовых значения в результате перевода с русского на французский, в переводе на вьетнамский язык переводчик выбирает различные способы отражения значения постоянного отношения. То ли он точно передает конструкцию обобщения и генерализации, то ли он добавляет к глагольному предикату усилительное слово типа *vẫn*, указывающее на постоянность состояния или действия.

«Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; все это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона»

«Đối với các phương pháp giáo dục ấy, cũng có vài sự cải tiến, nhất là trong thời nay; tất cả đều nhờ vào lịch duyệt và khả năng của các bà giáo, chủ nhân các học hiệu có ký túc xá».

В этом примере русский глагол «бывают», обозначающий повторяющееся и обобщенное действие, передан при помощи конструкции *cũng có*, что выражает то же самое значение генерализации и допускает множественность явления в разные периоды времени.

«Чичиков заметил, что это, точно, случается и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума».

«Tsitsikôp không phản đối: theo y thì trong thiên nhiên có lắm cái mà những bộ óc lớn nhất cũng không thể cắt nghĩa được».

В данном примере постоянное, обобщенное утверждение о природе (в русском тексте – «находится много вещей») передано через вьетнамскую конструкцию *có lắm cái... không thể cắt nghĩa được*, что делает акцент на непреложности и универсальности данного наблюдения.

В контексте:

«Кроме страсти к чтению, он имел еще два обыкновения, составлявшие две другие его характерические черты»

«Ngoài cái thói đọc sách cuồng nhiệt ấy ra, hẳn còn hai thói quen đặc biệt nữa»

русское слово «имел» в контексте обобщенной характеристики личности передано через глагол *còn* («иметь»), что фиксирует устойчивые, постоянные черты героя.

В следующем примере для передачи значения постоянного отношения, отражаемого глаголом иметь, переводчик употреблял слово *vẫn*.

«... не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось».

«... khách mới dụi mắt, gập tờ giấy lại, đút vào tráp con là nơi y vẫn cất tất cả mọi thứ nhất được».

Идея обобщения в следующем примере, выраженная фразой *по обычаю людей своего звания*, полностью передается в переводе. Ср.:

«Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить к тому, что уже читатель знает, то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и имел, по обычаю людей своего звания, крупный нос и губы»»

«Và lại, việc này cũng chẳng đòi hỏi mấy thì giờ và giấy mực; vì ngoài các chi tiết mà bạn đọc đã được biết rồi thì chỉ cần thêm rằng Pêtruska mặc một cái áo lễ dài, cũ của chủ, màu vỏ quế, hơi rộng và hẳn ta có đôi môi và cái mũi dày dặn như đa số những người cùng thân phận như hẳn».

В данном примере вьетнамский глагол *có* («иметь») передает значение обладания характерными чертами внешности, соответствуя русскому глаголу «имел» в форме прошедшего времени несовершенного вида. Употребление *có* в контексте описания постоянных признаков («đôi môi», «cái mũi dày dặn») не просто обозначает наличие этих черт, но и устанавливает их как типичные, социально обусловленные - что совпадает с семантикой русского глагола несовершенного вида, описывающего устойчивые свойства героя. Таким

образом, перевод реализует лексико-грамматическую компенсацию, адекватно отражающую обобщенно-характеризующую функцию оригинального описания.

Как правило, средства контекстуальной поддержки отсутствуют в тех случаях, в которых формы НСВ выражают потенциально-качественное значение или значение постоянного свойства. Переводчик компенсирует недостаток таких средств введением глагола *biết* 'уметь' или наречия *thường* 'часто', сочетания *số là* 'быть в наличии'. Ср.

«Такие вышли славные работницы: сами салфетки ткнут».

«Hai đứa là thợ giỏi: chúng biết dệt cả khăn!»

Посмотрим следующий пример:

«Лицо его (Плюшкина)... было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед ...»

«Mặt lão cũng như mặt của nhiều người già, gầy gò, không có gì đặc biệt; có cái cằm là nhô ra quá mức».

Введенное автором в переводе последнего примера сочетание *số* 'быть в наличии, существовать' придает высказыванию следующий смысл: 'лицо его такое же, как у многих худощавых стариков, только подбородок у него есть (существует) выступающий очень далеко вперед'. Таким образом, описываемая черта персонажа (выступающий подбородок) понимается как характерная для него. Оттенок постоянного отношения у глагола *выступать*, реализуемый в данном высказывании, в целом сохранен.

3.2.2.2. Передача общефактического значения

Коммуникативный эффект данной группы примеров состоит в том, что и в русском, и во вьетнамском тексте сохраняется установка не на описание процесса или результата, а именно на фиксацию факта действия, существовавшего в прошлом. В оригинале это достигается грамматически - использованием форм НСВ с общефактическим значением («*вешались в*

старину», «имел честь»), где внимание сосредоточено на констатации наличия действия, а не на его завершенности или длительности. В переводе аналогичный эффект создается благодаря введению временных и вспомогательных маркеров (*ngày trước, đã, có, từng, chưa từng* и др.), которые прямо указывают на существование события в прошлом. Таким образом, вьетнамский читатель воспринимает текст как сообщение о факте, о традиции или явлении, которые имели место в неопределенном прошлом, не требующем детализации. Это обеспечивает сохранение авторской прагматики: подчеркнуть устойчивость и универсальность описываемых явлений, что соответствует гоголевской стратегии типизации.

Как известно, глагол НСВ реализует общефактическое значение, в том случае, когда устанавливается лишь факт действия в прошлом. Очень часто используются сочетания предикатов со словами типа *однажды, когда-то, в старину* и другими обстоятельствами, характеризующимися признаком неопределенности. Во вьетнамском переводном варианте такие обстоятельства, сигнализирующие о том, что действие имело место до момента речи, передаются полностью. Ср.:

«Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала»

«Đôi bạn vừa mới biện luận rất hay về những lạc thú của tình bằng hữu, đều im như phỗng, mắt nhìn mắt, như hai bức chân dung mà ngày trước người ta treo đối xứng nhau hai bên tấm gương trên lò sưởi».

В данном примере ключевую роль играет слово *ngày trước* («в старину, когда-то»), которое выполняет функцию временного маркера, полностью соответствующего общефактическому значению русского глагола несовершенного вида. В русском предложении значение общефактичности реализуется за счет формы НСВ («вешались в старину»), где акцент сделан не на процессуальности и не на завершенности действия, а лишь на установлении факта: когда-то это действие имело место.

Во вьетнамском переводе маркер *ngày trước* вводит в текст ту же семантику неопределенности и отнесенности к прошлому, которая в русском языке выражена грамматически. Он указывает на то, что действие происходило в неопределенно далеком прошлом, при этом не уточняя его ни как единичное, ни как повторяющееся. Таким образом, *ngày trước* компенсирует отсутствие вьетнамской категории вида и позволяет сохранить прагматическую установку русского текста: зафиксировать сам факт существования традиции (вешать портреты напротив друг друга), а не ее завершенность или длительность.

Нередко для выражения общефактического значения используется слово *đã*, которое, будучи чисто временным показателем, относит действие целиком к плану прошедшего времени. Ср.:

«Никогда он не говорил: ... но: ... «я имел честь покрыть вашу двойку»».

«Y không nói: .. Mà nói ... “- Chúng tôi đã được hân hạnh gặp con hai của ngài”».

В вышеприведенном примере внимание уделяется лишь самому наличию действия «иметь честь». Речь не идет о результате или процессе осуществления этого действия.

Анализ материала показывает, что общефактическое значение русского НСВ хорошо передается во вьетнамском языке благодаря использованию слов *có, đã từng, từng, được*, которые указывают на то, что факт действия имел место. Так, указание на существование действия в прошлом во вьетнамском языке достаточно часто обеспечивается наличием показателя *có* ‘есть’, ‘иметься’, стоящего перед глаголом-сказуемым. Слово *có* свидетельствует о наличии факта действия. Ср.:

«О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его».

«Dù có luận đàm vấn đề gì, y cũng biết làm cho câu chuyện hào hứng».

Слово *từng* может употребляться самостоятельно или в сочетании с

временным показателем *đã*, указывая на прошлое, отделенное от момента речи каким-то значительным промежутком времени. При отрицании словосочетание *chưa từng* плюс глагол подчеркивает отсутствие действие в прошлом. Ср.:

«Право, не знаю, – произнесла хозяйка с расстановкой. – Ведь я мертвых никогда еще не продавала»

«Nói thật, ông ạ, tôi chưa từng bán người chết bao giờ».

Итак, выражение общефактического значения контекстуально поддерживается обстоятельствами, характеризующимися признаком неопределенности. Во вьетнамском языке общее указание на самый факт действия безотносительно к тому или иному характеру его протекания передается с помощью вспомогательных элементов *có, đã từng, từng, được*.

3.2.2.3. Передача значения завершенности действия

Коммуникативный эффект данной группы примеров заключается в том, что переводчик при помощи дополнительных служебных слов и наречных маркеров (*đã, ngay, liền, rồi, lại, lên*) максимально эксплицирует завершенность и результативность действия, тем самым добиваясь эквивалентности русскому совершенному виду. В оригинале форма СВ сама по себе несет значение «целостного действия с результатом», в то время как во вьетнамском языке подобное значение не может быть выражено грамматически и нуждается в лексической поддержке. Благодаря этому приему вьетнамский читатель воспринимает описываемое событие не как процесс или возможность, а как действие, завершившееся и оставившее осязаемый результат в ситуации. Таким образом, достигается функциональная адекватность: передается динамика, мгновенность, неожиданность или итог события, что соответствует гоголевской манере подчеркнутой результативности в ключевых эпизодах повествования.

Передача значения завершившегося до момента речи действия, сопровождающего определенный результат, в переводе на вьетнамский язык

представляется наиболее сложной именно в таких случаях, в которых оригинальный текст не содержит средств контекстуальной поддержки аспектуальных особенностей глагола. В таких случаях переводчик использует дополнительные лексические и грамматические ресурсы, позволяющие указать на характер описываемого действия. Используемые показатели способны выразить то или иное аспектуальное значение.

Рассмотрим следующий пример.

«Вельможа тотчас его узнал».

«*Bộ trưởng nhân ra hẳn ngay*».

В данном примере значение моментального, завершившегося действия передано при помощи наречия *ngay* («сразу, немедленно»). Оно усиливает семантику мгновенности и делает перевод адекватным значению русского совершенного вида «узнал».

Ниже приведено известное выражение:

«Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?»

«*Ôi! Trôiika! Con chim trôiika: ai đã phát minh ra người!*»

Тут русский глагол «выдумал» передан конструкцией *đã phát minh*, где частица *đã* указывает на действие, завершённое в прошлом. Это компенсирует отсутствие грамматической маркировки вида и придает фразе отчетливую перфектность.

Удачен и следующий пример.

«Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию»

«*Tuy tính rất ba hoa, ông giám đốc bưu vụ, khi đã cầm bài trên tay, liền lên ngay một vẻ mặt đăm chiêu*».

Пример показывает, что тройное сочетание показателей *đã... liền... ngay* усиливает значение завершенности и немедленности. Переводчик создает эффект одновременной актуализации действия («взял карты и тут же изменился»), максимально приближая его к русскому СВ.

«Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше».

«Y chú ý nhất đến hai trang chủ Manilôp và Xôbakiêvits mà chúng ta đã có dịp giới thiệu trên kia».

В этом примере фраза *đã có dịp* («уже была возможность») сохраняет значение предварительного, завершенного действия, то есть «упоминалось раньше». Здесь *đã* служит маркером результативности.

Аналогичен следующий пример:

«Нет, я разумею... те души, которые, точно, уже умерли».

«Tôi nói những nông phu đã chết thật».

Прямое использование *đã* указывает на завершенность процесса («уже умерли»), что полностью соответствует перфектной семантике русского СВ.

В следующем случае:

«Vздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его. Такой гадкий привиделся».

«Tôi đã có ý định bói bài sau khi cầu kinh buổi tối; có lẽ Chúa đã phái hán đến để phạt tôi. Trông hán khiếp lắm»

мы видим дважды употребленное *đã*, подчеркивающее прошлое завершенное действие: «имела намерение» и «Бог уже послал». Таким образом компенсируется завершенность и результативность русского СВ.

Использование нескольких специализированных показателей в одном переводе в одной целевой конструкции также наблюдается, когда обстоятельственный компонент в контексте не связан однозначно с семантикой вида. Например:

«Еще третью неделю внесла больше полтора ста. Да заседателя подмаслила».

Cách đây mười lăm ngày, tôi phải đóng hơn một trăm năm mươi rúp! Thế mà đã phải đấm mõm cho ông trợ tá rồi đấy.

Вьетнамский перевод использует сразу несколько показателей: *cách đây mười lăm ngày* (обстоятельство времени), *đã* (завершенность) и *rồi đấy*

(усиление результативности). Вместе они четко маркируют целостность и итог действия, соответствующий русскому СВ.

Аналогичен следующий пример:

«На прошлой неделе сгорел у меня кузнец».

Tuần trước, thằng thợ rèn của tôi lại chết cháy».

Здесь используется *lại*, что указывает на повторяемость или неожиданность события, а обстоятельство времени *tuần trước* («на прошлой неделе») фиксирует завершенность. Так достигается эквивалентность русскому СВ «сгорел».

Еще один пример:

«На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру».

«Hôm sau, Tsitsikôp đã đến ăn chiều và chơi buổi tối tại nhà cảnh sát trưởng».

Частица *đã* снова играет роль маркера завершенного действия: «уже пришел». Таким образом передается перфектность русского «отправился».

В подобном примере:

«Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование?»

«Vậy ra bác nghĩ rằng tôi lại đòi tiền cả nông phu, trong một chừng mực nào đó, đã hết tồn tại rồi sao?»

вьетнамский перевод сочетает *đã... rồi* – двойную маркировку завершенности и окончательности процесса («уже перестали существовать»). Это полностью соответствует перфектному значению русского СВ.

И, наконец, в предложении:

«Мой Копейкин – кровь-то, знаете, разыгралась в нем»

«Đầu anh chàng nóng bừng lên»

используется глагольная конструкция с постпозитивом *lên*, которая передает мгновенность и кульминацию действия («вспыхнула кровь»). Здесь

адекватно воспроизведено значение моментального, результативного СВ.

3.2.2.4. Передача значения целостного действия, имеющего место в будущем

Коммуникативный эффект этой группы примеров состоит в том, что переводчик добивается точной передачи значения завершеного или целостного действия, которое еще не произошло, но обязательно или с большой вероятностью состоится в будущем. В русском языке глаголы СВ сами по себе маркируют это значение, а во вьетнамском языке оно нуждается в явной экспликации с помощью показателей *sẽ, sắp, được, chắc chắn* и др. Эти элементы не только указывают на будущую отнесенность действия, но и усиливают модальные оттенки - возможность, неизбежность или близость события. Таким образом, перевод воспроизводит не только грамматический план высказывания, но и прагматическую установку оригинала: подчеркнуть результативность будущего действия и его значимость для дальнейшего хода повествования.

Глаголы СВ широко используются для обозначения действия, которое произойдет после момента речи или какой-нибудь другой точки отсчета. Во многих местах переводчику удается передать это значение, используя специализированные показатели. Они могут однозначно сигнализировать об отнесенности действия к плану будущего даже в отсутствие временных маркеров. Ср.:

«В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает»

«Chỉ một năm là họ làm cho người bố tội nghiệp không còn nhân ra con gái nữa».

Обстоятельственное выражение *в один год* задает промежуток времени, в котором может осуществиться действие. Однако этот промежуток способен располагаться на разных участках темпоральной шкалы, ср. *в один год наполнят – в один год наполнили*. Вероятно, именно поэтому переводчик выбирает во вьетнамском тексте используется более однозначный вариант контекстуального показателя – *chỉ một năm* ('только через один год'), который

акцентирует идею возможности достижения результата действия *узнавать* в будущем.

В некоторых случаях специализированные маркеры совмещают две функции – указания на аспектуальность и указания на модальность.

Так, в следующем примере благодаря слову *được* эксплицитно выражается значение целостности обозначаемого факта и подчеркивается оттенок возможности или невозможности осуществления действия. Ср.:

«Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице»

«Số tiền có nhỏ đâu! Có phải cứ ra ngoài đường là nhặt được đâu».

Как представляется, ориентация на поиск таких средств, которые сделают мысль автора максимально ясной для вьетнамского читателя, весьма характерна для анализируемого перевода исследуемого вьетнамского варианта текста. Именно этой ориентацией можно объяснить включение в следующий фрагмент текста дополнительных лексических элементов. Ср.:

«Мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленько приотдохнем!»

«Paven Ivannôvits và tôi sắp bỏ áo ra ngủ một giấc đâu».

Наречие *sắp* сообщает о том, что действие *скинуть фраки* совершится в близком, непродолжительном будущем. В переводе данного предложения не упоминается действие *приотдохнуть*: *Мы с Павлом Ивановичем скоро скинем фраки чтобы поспать*.

Самым частотным показателем отнесенности действия к плану будущего является частица *sẽ* (ее содержат 45 контекстов из 181), которая употребляется и сама по себе, и в сочетании с другими средствами.

Так, использование временного показателя *sẽ* и видового показателя *được* в следующем примере обеспечивают точность интерпретации глагола *kiết* как обозначения целостного действия, осуществляемого после момента речи. Ср.:

«Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, – хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!».

«Muốn tớ phải tự giúp mình, tốt lắm, tớ sẽ kiếm được cách giúp lấy mình».

В некоторых местах для усиления модального оттенка добавляются наречия *chắc chắn* («обязательно») и *sắp* («скоро»). Слово *sẽ* остается простым сигналом будущего времени. Ср.:

«Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему ... весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкий!»»

«Vóc người phì nộn với cái tuổi trung niên của Tsitsikôp chắc chắn sẽ làm hai у không ít ... chắc rằng nhiều bà sẽ vừa quay đi vừa nói: «Ео! Хấu khiếp!»

С помощью наречия *chắc chắn* выражается оценка действий *повредить* и *сказать* как безусловных, неперенных для исполнения.

3.2.3. *Случаи отсутствия адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу*

Исследование передачи глагольной семантики в переводах художественных произведений имеет принципиальное значение для выявления различий в языковых картинах мира и стратегиях межъязыковой коммуникации. В поэме Н. В. Гоголя «*Мертвые души*» категория вида играет ключевую роль в создании художественного эффекта: она структурирует повествование, оттеняет характеристики персонажей, формирует иронический и сатирический колорит текста. Однако при переводе на вьетнамский язык данные видовые особенности в значительной мере утрачиваются. Причина кроется в том, что вьетнамский язык, лишенный грамматической категории вида, передает соответствующие значения опосредованно - через лексические средства, временные маркеры или синтаксические конструкции. Это приводит к трансформациям, которые изменяют как семантическое наполнение отдельных фрагментов, так и их коммуникативный эффект. Настоящий раздел посвящен анализу случаев, когда вьетнамский перевод не воспроизводит ключевые значения категории вида, в результате чего нарушается художественная организация оригинала.

3.2.3.1. *Передача конкуренции видов*

Одна из самых сложных проблем адекватной передачи видовой

семантики русского глагола в художественном переводе «Мертвых душ» на вьетнамский язык связана с явлением конкуренции видов.

Анализ поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее вьетнамского аналога показывает, что при передаче отдельных контекстов утрачивается важный пласт семантики, связанный с конкуренцией видов. В русском языке возможны ситуации, допускающие двойное истолкование: действие может быть представлено одновременно как уже завершившееся и как находящееся в процессе своего протекания. Подобная двойственность создается параллельным употреблением глаголов совершенного и несовершенного вида в конкретно-фактическом и конкретно-процессном значениях.

Рассмотрим следующий фрагмент:

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет? – Доедет, – отвечал другой. А в Казань-то, я думаю, не доедет? – В Казань не доедет, – отвечал другой».

«Một người nói:

- Này, nhìn cái bánh xe kia xem liệu khi cần có đi được tới Mạc-tu-khoa không nào?

- Tôi được chứ, - người kia đáp.

- Còn đi Kazan thì xem chừng chẳng đến được đâu nhỉ?

- Ờ, đi Kazan thì không được»

В данном примере форма СВ *сказал* фиксирует целостный акт речи с результатом, а вторая реплика могла бы быть выражена также глаголом СВ (ответил), что отразило бы завершенность каждого речевого акта. Однако использование НСВ *отвечал* вносит иной оттенок: диалог воспринимается как плавный, текучий процесс, где акты «вопрос – ответ» образуют непрерывную цепь.

В переводной версии переводчик не нашел ни одного средства, чтобы дать читателям понять, что в одном предложении употреблено глагол СВ

«сказать», а в другом - НСВ «отвечать». Ср.: *«Một người nói: – Này, nhìn cái bánh xe kia xem liệu khi cần có đi được tới Mạc-tu-khoa không nào? – Tôi được chứ, – người kia đáp. – Còn đi Kazan thì xem chừng chẳng đến được đâu nhỉ? – Ờ, đi Kazan thì không được».* Следовательно, описываемые в русском тексте ситуации однозначно воспринимаются вьетнамским читателем как ситуации единичных конкретных действий, каждое из которых достигло своего предела и результата. Семантические особенности видовой взаимозаменяемости русского языка в переводе, естественно, утрачены. Предполагается, что для вьетнамского языка это явление не характерно. Это подтверждает опрос носителей вьетнамского языка в Иркутске, которым предлагалось оценить корректность перевода этого примера. Информанты оценивают полученную фразу как неверную, поясняя, что нельзя вместить одновременно действие, достигнувшее результата, и действие, оказывавшееся только в процессе.

Рассмотрим еще один пример.

«Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» – и толкнула его ногою».

Внимание привлекает наличие глагола несовершенного вида *отвечала* среди глаголов совершенного вида (*сказал, толкнула*). На первый взгляд, более естественным было бы: *«...сказал... на что она ответила и толкнула его ногою».* Такая конструкция выстраивала бы четкую последовательность действий: сначала акт речи, затем реакция, затем движение. Однако выбор НСВ *отвечала* разрушает линейность и фиксированность последовательности. Этим приемом автор намеренно смещает акцент с факта совершенного действия на его качественную характеристику - кратность и

мгновенность реплики. Контекст показывает, что ответ супруги сводится всего лишь к междометию «Гм!», но именно форма НСВ позволяет подчеркнуть минимализм и незначительность этого речевого акта: он воспринимается не как результат, а как элемент процессуальной линии. Тем самым создается иронический контраст между речевой активностью Собакевича и односложной реакцией его жены.

Во вьетнамском переводе «*Cả đến Xôbakiêvits, thường chẳng mấy khi nói tốt cho ai, sau khi ở tỉnh về, đêm đã khuya, đặt mình nằm cạnh mẹ vợ gày đét, cũng nói: - Mình có biết không, tôi ăn chiều ở nhà cảnh sát trưởng, dự dạ hội ở dinh tỉnh trưởng và quen được lão Paven Ivannôvits Tsitsikôp, tư vấn bộ; cái tay mới tuyệt làm sao! Mẹ vợ đáp: - Hừm! Và lấy chân hích vào người lão ta*» это различие нивелировано. Переводчик использует нейтральный глагол *đáp* («ответила»), который обозначает факт ответа без возможности передать оттенки процессуальности или кратности. Вьетнамский язык в принципе не располагает грамматической категорией вида, поэтому в переводе исчезает семантическая игра между СВ и НСВ. Реплика воспринимается исключительно как завершённый акт речи, равнозначный остальным действиям (*сказал, толкнула*), что упрощает художественный эффект.

В предложении «*Они сели за зелёный стол и не вставали уже до ужина*» взаимодействие форм совершенного вида (*сели*) и контекстуального обстоятельства *до ужина* создаёт особый эффект. Глагол СВ фиксирует единичный завершённый акт (действие произошло и завершилось), однако добавленное обстоятельство растягивает ситуацию во времени и вносит оттенок процессности. В результате возникает своеобразное «размывание» границы между совершенным и несовершенным видом: действие *сели* воспринимается не как моментальный факт, а как часть длительного процесса сидения.

Во вьетнамском переводе «*Họ ngồi quanh cái bàn trái dạ màu lục và không đứng dậy nữa, mãi cho đến bữa ăn khuya*» структура предложения

смещает акцент. Основное действие описывается как незавершенное и продолжающееся: глагол *ngồi* («сидеть») в сочетании с отрицательной конструкцией *không đứng dậy nữa* и уточнением *mãi cho đến bữa ăn khuya* формирует картину действия в процессе, растянутого во времени. Таким образом, в переводе исчезает тот семантический парадокс, который создавался в русском тексте за счет конкуренции вида и контекста: вместо наложения «результативность + процессуальность» читатель получает однозначно процессуальное описание.

Рассмотрим еще пару примеров.

«На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам».

«Ngày hôm sau nữa, Tsitsikôp đến chơi buổi tối ở nhà ông chánh án; ngài mặc bộ áo ngủ không lấy gì làm sạch ra tiếp các tân khách, mà trong số đó có cả hai vị phu nhân».

«Он наконец присоединился к толстым, где встретил почти все знакомые лица: прокурора с весьма черными густыми бровями и несколько подмигивавшим левым глазом так, как будто бы говорил: «Пойдем, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу», – человека, впрочем, серьезного и молчаливого; почтмейстера, низенького человека, но остряка и философа; председателя палаты, весьма рассудительного и любезного человека, – которые все приветствовали его, как старинного знакомого, на что Чичиков раскланивался несколько набок, впрочем, не без приятности».

«Phải thú thật rằng những điều ấy đại khái là những lập luận của Tsitsikôp, trong khi đứng ngắm đám tân khách dự hội; cho nên cuối cùng y đến với bọn người béo. Trong bọn họ, y gặp ngay những bộ mặt đã quen: quan chương lý với đôi lông mày rậm và con mắt trái hơn háp háy, tựa hồ muốn bảo nhỏ: “này, ta sang phòng bên đi, tôi có điều này muốn nói với anh”; nhưng lại là một người rất mực nghiêm trang và ít nói; ông giám đốc nha vụ, một lão lùn dí dỏm và hay triết lý; quan

chánh án; người thân trọng và nhã nhặn. Mọi người đón chào Tsitsikôp như một người bạn cố tri».

В первом примере глагол НСВ *принимал* используется не ради фиксации временного плана действия, а в качестве фона для описания обстоятельств. Для говорящего важен не факт завершенности (*принял – не принял*) и не сама динамика действия, а то, *как и в чем* происходил прием гостей. Здесь категория вида утрачивает свою функциональную нагрузку: форма НСВ не противопоставляется СВ, а служит нейтральным средством оформления описательной сцены.

Второй пример видовая семантика также оказывается второстепенной. Действие *приветствовали* приобретает обобщенно-фактическое значение: важно не то, что каждый из участников совершил единичный акт приветствия, а то, что все присутствующие в целом отнеслись к Чичикову определенным образом. Здесь НСВ маркирует не длительность и не незавершенность, а многосубъектность действия, что делает его функционально оправданным. В этих случаях вид не несет на себе той смысловой нагрузки, которую мы видим в примерах конкуренции видов: он «нейтрализуется» и перестает быть инструментом художественной игры.

Их вьетнамские аналоги воспроизводит общий смысл, но полностью сглаживает видовые нюансы. Во фразе о приеме гостей ключевым становится прилагательное *không lấy gì làm sạch* («нечистый халат»), тогда как характер действия (*принимал*) исчезает как самостоятельная семантическая категория. Во втором примере выражение *mọi người đón chào* («все приветствовали») обозначает действие множества субъектов и не оставляет места для интерпретации в плане видовой соотнесенности. Таким образом, перевод адекватно передает содержание, но устраняет саму возможность различать оттенки целостности или процессуальности действия.

3.2.3.2. Передача наглядно-примерного значения

В ходе анализа был обнаружен еще один типичный случай

неадекватности перевода оригиналу, связанный с несовпадением в репрезентации наглядно-примерного значения. В русском языке оно свойственно формам совершенного вида и включает два семантических компонента: «целостность», «повторяемость». Эти формы описывают действие, иллюстрируемое на примере одного из повторяющихся актов, то есть служат своего рода «моделью» повторяемости.

В оригинале у Н.В. Гоголя:

«Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу»

форма СВ *взяться* актуализирует сразу два параметра. Во-первых, действие предстает как целостный акт (*целостность*). Во-вторых, благодаря контексту повторяемости оно приобретает значение типичности: речь идет о множестве аналогичных случаев (*повторяемость*). Отсутствие привязки к конкретному моменту времени делает действие нелокализованным.

В переводе на вьетнамский *«Anh ta chẳng biết làm cái gì nhẹ nhàng cả; lúc nào cũng do anh ta mà, hoặc có người sái tay, hoặc có người dập mũi»* репрезентация изменяется. Здесь для выражения повторяемости используется устойчивая конструкция *lúc nào cũng*, которая успешно воспроизводит компонент «повторяемость». Однако семантический компонент «целостность», присущий русской форме СВ, оказывается утрачен: во вьетнамской версии действие выражено глаголом в НСВ, что делает его частью ряда незавершенных повторяющихся актов.

В результате создается смещение интерпретации: в русском тексте подчеркивается завершенность каждого отдельного неудачного действия, но при этом совокупность актов образует закономерность. Во вьетнамском же переводе сохраняется лишь аспект повторяемости, но исчезает эффект целостного, «законченного» действия, характерный для русского СВ.

В предложении *«Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей*

место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят» ключевую роль играет употребление форм совершенного вида (*сядут, затрещит, угнется, не слетят*). Они выражают не только факт предельного, завершенного действия, но и создают комический эффект за счет гипербололизации: каждое отдельное действие выглядит как разовое, достигшее предела, и в совокупности образует яркую характеристику персонажей. Таким образом, формы СВ здесь выполняют наглядно-примерную функцию, где один завершенный акт выступает образцом повторяющейся закономерности.

В переводе на вьетнамский *«Hạng béo trái lại không bao giờ giữ chức gì thuộc lại cả, họ chễm chệ ở những chức vụ chính yếu; đã ngồi vào đâu là họ ngồi thật vững, thật chắc; đến nổi chẳng bao lâu chỗ ngồi oằn xuống, kêu răng rắc dưới sức nặng của họ; nhưng họ thì chẳng bao giờ chịu thả ra đâu»* передача смещается. Конструкция *đã ngồi vào đâu là ngồi thật vững, thật chắc* воспроизводит устойчивость и прочность сидения, то есть значение процессуальности и длительности. Повторяемость выражена средствами лексики (*không bao giờ, bao giờ cũng*), однако семантический компонент «целостность» оказывается утрачен: вьетнамский текст не подчеркивает завершенность отдельного акта, а лишь констатирует состояние, которое длится.

Таким образом, если в русском оригинале действие «сядут» осознается как серия завершенных единичных актов, каждый из которых иллюстрирует типичное поведение толстых, то во вьетнамской версии оно воспринимается как процесс устойчивого состояния - «сидят прочно и крепко». В результате исчезает динамический эффект чередования разовых действий и сглаживается комизм, построенный на контрасте между завершенностью акта и нелепостью его последствий.

Следующий пример тоже весьма интересен. В оригинале Гоголя: *«Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу»* - ключевую роль играет форма СВ *взяться*. Она подчеркивает завершенность и результативность каждого

отдельного акта: герой не просто «берется» за что-то, а каждый раз завершает действие, и завершает его неудачно. В совокупности такие акты образуют закономерность, а семантическая структура формы СВ включает компонента «целостность», «повторяемость». Таким образом, речь идет не о процессе в целом, а о серии законченных актов, каждый из которых приводит к комическому результату.

Во вьетнамском переводе «*Anh ta chẳng biết làm cái gì nhẹ nhàng cả; lúc nào cũng do anh ta mà, hoặc có người sai tay, hoặc có người đập mũi*» используются конструкция *lúc nào cũng* и глаголы без видового противопоставления. Эти элементы успешно передают компонент «повторяемость», показывая, что подобные ситуации случаются постоянно и типично. Однако компонент «целостность» утрачивается: действие не воспринимается как ряд завершенных актов, а интерпретируется как бесконечная процессуальность - «он всегда делает так, что что-то случается».

3.2.3.3. Передача значения настоящего исторического

Третья группа контекстов, не имеющих адекватного соответствия во вьетнамском языке, включает случаи употребления форм настоящего времени НСВ, реализующих значение «настоящего исторического». Данная форма традиционно используется в русском нарративе для придания повествованию живости и эффектности, создавая иллюзию непосредственного участия читателя в изображаемых событиях. Она не только сообщает о фактах прошлого, но и представляет каждое действие как происходящее «здесь и сейчас», сохраняя при этом семантику целостности.

В анализируемом фрагменте вставного эпизода «Повесть о капитане Копейкине» эта особенность выражается особенно ярко. Русский оригинал сочетает формы СВ (*дождался, проскользнул*) и формы настоящего НСВ (*выходит, говорит*). Ср.: «Дождался он у подъезда, и, воспользовавшись случаем, когда какой-то генерал проходил в приемную, проскользнул с своей деревяшкой вместе с ним. Вельможа, по обыкновению, вышел: Зачем вы?

зачем вы? А! – сказал он, увидевши *Копейкина*. – *Хорошо, хорошо, будет, будет, теперь мне некогда, приходите завтра*». Такая комбинация создает эффект «двойного плана»: с одной стороны, рассказ продвигается цепью единичных завершённых актов, каждый из которых достигает своего внутреннего предела, а с другой – присутствие форм исторического настоящего вносит динамику, делает сцену зримо разворачивающейся перед глазами читателя. Подобное смешение видо-временных форм усиливает драматизм повествования и сближает его с устной живой речью.

Во вьетнамском переводе подобный эффект оказывается утрачен. Там все действия переданы при помощи форм, акцентирующих мгновенность действия: Они грамматически закрепляют идею презентности, но не позволяют воссоздать эффект исторического настоящего, который в русском языке реализуется именно через НСВ. Таким образом, сцена в переводе воспринимается как однотипное действия, без видового противопоставления. Ср.: *«Hắn đứng ngoài cửa ... và các ngài hiểu chủ, theo một viên tướng, hắn lên vào được phòng khách. Như thường lệ, bộ trưởng bước vào. «– Ông muốn gì? Còn ông? ... Ô hay! Lại cái anh này! Thoạt nhìn thấy Kôpêikin, bộ trưởng kêu lên...»*

В результате различие в видо-временной организации текста влечет за собой существенные стилистические трансформации. Если в русском варианте присутствует характерное для Гоголя «сгущение действия» и одновременное наложение планов повествования (прошлого и настоящего), то во вьетнамском тексте это ощущение исчезает. Для вьетнамского читателя такой перевод прозрачен и понятен, но он утрачивает ту речевую экспрессию и «эффект присутствия», которые составляют особенность авторского стиля Гоголя.

В ряде случаев переводчик использует средства, не связанные с выражением собственного видовой или видо-временной семантики, ср. следующий выразительный пример:

В оригинале: *«Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная и бледная как смерть, и рассказывает ... вдруг в глухую полночь*

... раздается в ворота стук, опаснейший ... и кричат: ...» ключевым является использование форм настоящего времени НСВ (*говорит, рассказывает, раздается, кричат*). Эти формы в нарративе выполняют функцию исторического настоящего: они делают прошлое событие максимально живым, зримо возникающим перед читателем. Сюжет получает динамику устной речи: будто бы рассказ ведется прямо в момент восприятия, а читатель вовлекается в атмосферу тревоги и неожиданности.

Особенно показательным сочетанием прошедшей формы СВ *приехала* с рядом форм настоящего НСВ (*говорит, рассказывает, раздается, кричат*). Такое чередование создает эффект «двух планов»: действие как факт уже произошло (*Коробочка приехала*), но дальнейшее повествование передано как текущее, в режиме «здесь и сейчас». Благодаря этому достигается драматизация ситуации: стук в ворота и крики воспринимаются не как воспоминание, а как происходящее на глазах.

Во вьетнамском переводе «*Một chủ ấp quanh vùng này, bà Kôrbôtska, đến tìm bà ta, hoảng hốt, mặt tái nhợt như người chết... và bà ta kể ... Giữa đêm khuya ... bỗng có tiếng đập cổng ... rồi tiếng kêu:...*» все действия переданы в повествовательной форме прошедшего времени (*đến tìm, kể, có tiếng đập, tiếng kêu*). Здесь отсутствует разграничение планов между прошедшими фактами и «оживленной» речевой передачей. Сцена воспринимается линейно и статично, как описание уже завершенного события.

Таким образом, в переводе утрачивается один из важных экспрессивных приемов Н.В. Гоголя - использование исторического настоящего для усиления напряжения и вовлечения читателя. Русский оригинал создает эффект непосредственного присутствия, в то время как вьетнамский текст фиксирует ситуацию лишь как прошлый факт, без иллюзии актуальности происходящего.

Анализ показал, что при переводе поэмы Н. В. Гоголя «*Мертвые души*» на вьетнамский язык значительная часть смысловых и экспрессивных

возможностей категории вида оказывается утраченной. В ряде случаев перевод адекватно воспроизводит общий сюжет и содержание, однако не передает конкуренцию видов, семантику наглядно-примерного значения или эффект исторического настоящего. В русском оригинале данные приемы обеспечивают динамику повествования, формируют ощущение «живой речи». Во вьетнамском тексте, напротив, наблюдается сглаживание: действия интерпретируются линейно, без наложения временных планов и без внутреннего напряжения между совершенным и несовершенным видом. Таким образом, перевод лишается одного из важнейших инструментов художественной выразительности Гоголя, что приводит к изменению коммуникативного эффекта и снижению степени адекватности по отношению к оригиналу.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Проведенный анализ показал, что исследование косвенного перевода видовой семантики выходит за рамки сугубо лингвистической парадигмы и требует комплексного междисциплинарного подхода. Особое значение в этом контексте приобретает социолингвистический уровень, охватывающий нормы речевого поведения, ожидания целевой аудитории, прагматику речевых актов и культурные фильтры восприятия. Вид в художественном тексте проявляется не просто как грамматическая категория, но и как маркер социокультурных установок, коммуникативной интенции и стилистической принадлежности высказывания, что особенно важно при межъязыковом и межкультурном трансфере.

Социолингвистические факторы - такие как иерархия речевых ролей, степень стилистической допустимости, культурная дистанция и уровень языковой подготовки аудитории - определяют стратегии адаптации видовых значений. Вьетнамский перевод «Мертвых душ» демонстрирует, что даже при отсутствии грамматических эквивалентов возможно достижение функциональной эквивалентности за счет социолингвистически релевантных решений: использования модальных конструкций, временных маркеров, контекстуальных уточнений и прагматически оправданных трансформаций.

Анализ также подтвердил, что критерии качества перевода, разработанные Дж. Хаус и В.Н. Комиссаровым, могут быть дополнены социолингвистической перспективой, позволяющей учитывать уровень коммуникативной уместности и приемлемости видовых трансформаций. При этом концепция «управления рисками» (Э. Пим) становится особенно значимой в условиях опосредованного перевода: она объясняет, какие элементы сохраняются или трансформируются в зависимости от социокультурной релевантности и прагматической логики целевого языка.

Двойственная природа косвенного перевода, описанная Х. Пьентой,

приобретает особую социолингвистическую значимость: с одной стороны, такой перевод ограничен в передаче грамматической точности, но с другой - расширяет социокультурные горизонты, делая оригинал доступным новой аудитории.

В совокупности исследование показало, что при передаче видовой семантики с русского языка на вьетнамский возможно достижение социолингвистической адекватности, при которой текст воспринимается целевой аудиторией не только как лингвистически корректный, но и как культурно и стилистически допустимый. Это особенно важно в условиях многоступенчатого перевода, когда коммуникативная цель достигается не через формальную точность, а через социокультурно мотивированную интерпретацию.

Анализ эмпирического материала показал, что при переводе «Мертвых душ» на вьетнамский язык в большинстве случаев возможно достижение как эквивалентности, так и адекватности передачи видовой семантики. Эквивалентность обеспечивается сохранением ключевых аспектуальных характеристик - типизация, процессность, повторяемость и нелокализованность действия во времени. Это достигается за счет контекстуальной поддержки. Адекватность перевода проявляется в обеспечении того, что вьетнамские читатели воспринимают текст так же, как и русские, интерпретируя сюжет, образы и интенции автора в соответствии с исходной прагматикой.

Во многих случаях специализированные видо-временные показатели, временные маркеры и лексико-синтаксические средства, подобранные переводчиком, позволяют передать коммуникативный эффект оригинала: динамику повествования, сатирический или комический оттенок, стилистическую выразительность. В таких случаях вьетнамский текст выполняет ту же художественную и прагматическую задачу, что и русский, несмотря на отсутствие прямых грамматических соответствий. Однако в

аспекте прагматической и социолингвистической адекватности сохраняются определенные трудности, особенно при передаче тонкой игры между аспектуальными значениями, обуславливающей конкуренцию видов, передаче наглядно-примерного значения и значения настоящего исторического.

Таким образом, категория глагольного вида в условиях перевода (в том числе опосредованного) представляет собой не только грамматическую, но и социолингвистическую величину, требующую анализа на уровне прагматики, стилистики, роли участника коммуникации и культурной адаптации. Именно учет этих факторов обеспечивает не просто эквивалентность, но и эффективность речевого воздействия в межкультурной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория вида в русском языке представляет собой не просто формальное грамматическое средство, а сложный многоуровневый механизм, участвующий в концептуализации действия и моделировании картины мира. Вид отражает восприятие действия во времени - его длительность, завершенность, фазность, повторяемость - и при этом активно взаимодействует с модальностью, прагматикой, коммуникативными установками. С ономаσιологической точки зрения, вид рассматривается как результат выбора говорящего среди различных способов репрезентации события. Этот выбор детерминируется как языковой системой, так и когнитивными, прагматическими и социокультурными факторами. Исходя из коммуникативной задачи, говорящий определяет, какое значение актуализировать - результат, процесс, предельность, длительность, и именно видовая форма позволяет это выразить на грамматическом уровне.

Таким образом, вид выступает как кросс-дисциплинарная категория, находящаяся на пересечении грамматики, когнитивной лингвистики, прагматики и социолингвистики. Его исследование полезно не только в рамках теоретической аспектологии, но и в таких прикладных сферах, как преподавание русского языка как иностранного, автоматическая обработка текста, лингвистическая экспертиза, перевод, стилистика и корпусная лингвистика. Разработка типологии частных видовых значений, а также уточнение их коммуникативных функций открывают новые перспективы как для лингвистической теории, так и для практики межъязыкового взаимодействия.

На материале всей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» проведенная инвентаризация глагольных форм позволила проследить функционирование различных частных видовых значений в условиях художественного текста. Автор искусно использует потенциал вида для создания многоуровневого

нарратива: формы несовершенного вида организуют описания, обобщения, лирические и философские отступления, в то время как формы совершенного вида задают динамику событий, акцентируют важные сюжетные моменты, формируют сатирический или иронический эффект. Особое внимание заслуживает употребление нестандартных сочетаний и переходов между видами, что позволяет Гоголю играть с восприятием времени, движением сюжета и эмоциональной тональностью повествования.

Характерной чертой гоголевского стиля является целенаправленное использование видовременных форм не только как средства обозначения действия, но и как художественного инструмента моделирования мышления и речевого портрета персонажа. Так, выбор определенной видовой формы может маркировать речевую манеру героя, его социальное происхождение, психическое состояние или степень включенности в описываемую ситуацию. В отдельных фрагментах наблюдается прием смысловой «расфокусировки», когда несовершенный вид используется вопреки ожиданиям для выражения завершенного, но обобщенного действия - приема, который особенно ярко проявляется в авторской речи. В результате видовые формы становятся носителями не только грамматических, но и социокультурных, психологических и стилистических значений.

При переводе «Мертвых душ» на вьетнамский язык через французского посредника в большинстве случаев удается достичь как эквивалентности, так и адекватности передачи видовой семантики: ключевые значения - типизация, процессность, повторяемость, нелокализованность действия во времени - передаются с опорой на контекст и тщательно подобранные временные и аспектуальные маркеры, а также лексико-синтаксические конструкции, благодаря чему вьетнамский читатель воспринимает текст в соответствии с исходной авторской прагматикой.

Даже при отсутствии прямых грамматических соответствий, перевод обеспечивает сохранение художественной и коммуникативной функции

оригинала - динамики, иронии, стилистической экспрессии. Существенную роль при этом сыграли устойчивые средства выражения аспектуальных значений во вьетнамском языке, такие как *rất lâu, mãi, như thường lệ, mỗi khi, thỉnh thoảng* и др., позволяющие точно передать оттенки, закодированные средствами русского вида.

Однако в более сложных структурах, где акцентируется тонкая внутренняя игра между видовыми значениями, выражается модальная подвижность или используется историческое настоящее, возникают определенные трудности: нарушается прагматическая цельность и социолингвистическая идентичность текста, что указывает на необходимость более точной интерпретации аспектуальных смыслов при работе с подобными художественными системами.

Таким образом, результаты настоящей работы подтвердили мысль о том, что вид в русском языке - это не только грамматическая категория, описывающая способ протекания действия во времени, но и универсальный механизм моделирования реальности, средство концептуализации мира, кодифицированное в языке. В переводе на вьетнамский язык этот механизм требует дополнительных усилий и гибкой стратегии передачи, где лексические и синтаксические средства должны компенсировать отсутствующую морфологическую маркировку и многоступенчатой передачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русскоязычные источники

1. Аверьянова, Н.А. (2011). *Аспектуально-таксисные ситуации в сложноподчиненных предложениях с придаточными*. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 1(13), 108–117.
2. Авилова, Н.С. (1976). *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: Наука.
3. Алексеева, В.Н. (2012). *Проблема перевода художественного произведения на иностранный язык*. Ярославский педагогический вестник, 1(3), 153–155.
4. Апресян, Ю.Д. (1995). *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*. Избранные труды (Т. II, с. 629–650). Москва: Языки русской культуры.
5. Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
6. Архипова, Л.В., & Губанова, Т. В. (2010). *Изучаем виды глагола: Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык*. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та.
7. Баркударов, Л.С. (1975). *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Международные отношения.
8. Белошапкова, Т.В. (2003). *Текст как способ передачи категории аспектуальности*. Слово, грамматика, речь (Вып. V, с. 12–17). Москва: Изд-во МГУ.
9. Берков, В.П. (2001). *Перевод и межъязыковая коммуникация*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
10. Бодуэн де Куртенэ, И.А. (1963). *Избранные труды по общему языкознанию* (Т. 2). Москва: Изд-во АН СССР.
11. Бондарко, А.В. (1971). *Вид и время русского глагола: Значение и употребление*. Москва: Просвещение.

12. Брыкова, Ю.Н. (2005). *Становление характеристик грамматической категории вида в процессе функционирования видо-временных форм XIV–XVII вв. (Универсальность, бинарность, видо-временная соотносительность)* [диссертация кандидата филологических наук].
13. Булыгина, Т.В., & Шмелев, А. Д. (1989). *Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения*. Вопросы языкознания, 3, 51–61.
14. Бурвикова, Н.Д. (2015). *Социолингвистика: Проблемы языковой политики и языкового планирования*. Вопросы языкознания, 3, 22–35.
15. Быков, Е.М. (1982). *Факультативность? В Восточное языкознание: Факультативность*. Москва: Наука. 13–20
16. Быстров, И.С., Нгуен Тай Кан, & Станкевич, Н. В. (1975). *Грамматика вьетнамского языка*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
17. Васильев, Л.М. (1981). *Семантика русского глагола*. Москва: Высшая школа.
18. Вежбицкая, А. (1996). *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
19. Виноградов, В.В. (1972). *Русский язык. Грамматическое учение о слове* (2-е изд., с. 379–425). Москва: Высшая школа.
20. Володина, Г.И. (2004). *Виды глагола (функционирование их в речи)*. Слово, грамматика, речь (Вып. VI, с. 5–12). Москва: Изд-во МГУ.
21. Всеволодова, М.В. (1975). *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*. Москва: Русский язык.
22. Гагарина, Н.В. (2009). *Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи* [диссертация доктора филологических наук].
23. Гловинская, М.Я. (1982). *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука.
24. Головин, Б.Н. (1989). *Введение в социолингвистику*. Высшая школа.

25. Горбова, Е.В. (1996). *Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации* (Автореф. дис. канд. филол. наук). Санкт-Петербург.
26. Гулыга, А.В., & Ширяев, Е.К. (1981). *Грамматика современного русского языка. Морфология*. Москва: Просвещение.
27. Зализняк, А.А., & Шмелев, А.Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры.
28. Караулов, Ю.Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. ЛКИ.
29. Князев, Ю.П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
30. Комиссаров, В.Н. (1990). *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа.
31. Комиссаров, В.Н. (2002). *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС.
32. Конопелько, И.П. (2019). *Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка*. Воронеж: РИТМ.
33. Кравченко, А.В. (1995). *Глагольный вид и картина мира*. Известия РАН. Литература и язык, 54(1), 49–64.
34. Крысин, Л.П. (2004). *Социолингвистика: Учебное пособие*. Академия.
35. Кузнецов, П.С. (1959). *Очерки исторической морфологии русского языка*. Москва: Изд-во АН СССР.
36. Лихачев, Д.С. *Поэтика древнерусской литературы*. Москва «Наука» 1979.
37. Лобанова, Н.А. (1975). *Употребление видов глагола*. Москва: Изд-во МГУ.
38. *Логический анализ языка. Язык и время*. (1997). Н.Д. Арутюнова, & Т.Е. Янко (Ред.). Москва: Индрик.
39. Макавчик, В.О. (2004). *Видо-временная категоризация русского*

глагола в языковом сознании носителей русского языка [диссертация кандидата филологических наук].

40. Маслов, Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.

41. Маслов, Ю.С. (2004). *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Москва: Языки славянской культуры.

42. Милославский, И.Г. (1981). *Морфологические категории современного русского языка*. Москва: Просвещение.

43. Михальченко, В.Ю. (Ред.). (2002). *Социоллингвистика*. Academia.

44. Мюркхеш, В.В. (1980). О вариантных формах вида в диалектной речи. Уч. зап. Тартуского ун-та, 537(5), 50–59.

45. Николаева, Т.М. (Ред.). (1999). *Социоллингвистика: Хрестоматия*. МГУ.

46. Нида, Ю.Э., & Табер, Ч.Р. (1982). *Теория и практика перевода* (А. Д. Швейцер, Пер.). Прогресс. (Оригинал издан на английском в 1969 г.)

47. Падучева, Е.В. (1996). Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва: Языки русской культуры.

48. Падучева, Е.В. (2010). Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя. Известия РАН. Серия литературы и языка, 69(3), 16–20.

49. Панфилов, В.С. (1993). Грамматический строй вьетнамского языка. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

50. Петрухина, Е.В. (2000). Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Москва: Изд-во МГУ.

51. Прошина, З.Г. (2014). *Теория перевода: Учебник для бакалавров*. Флинта.

52. Рассудова, О.П. (1982). *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва: Русский язык.

53. Реферовская, Е.А. (1983). Лингвистические исследования структуры текста. Ленинград: Наука.
54. Русская грамматика. (1980). Н.Ю. Шведова (Ред.). (Т. 1). Москва: Наука.
55. Семенова, Н.В. (2002). Семантика таксиса: концептуализация и категоризация. Великий Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-та.
56. Снигирь, Н.А. (2020). Аспектуальные значения глагола в белорусском и сербском языках: словообразовательные типы и семантика [диссертация кандидата филологических наук].
57. Солнцев, В.М. (1995). Введение в теорию изолирующих языков. Москва: Восточная литература РАН.
58. Солнцева, Н.В. (1984). Проблемы морфологии изолирующих языков в типологическом освещении (Дис. д-ра филол. наук). Москва.
59. Стернин, И.А. (2007). Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Москва: АСТ Восток-Запад.
60. Тихонов, А.Н. (1997). Виды глагола и их отношение к слово- и формообразованию. В Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ (Т. 3, с. 180–186). Москва: Изд-во МГУ.
61. Толстой, Н.И. (1995). Язык и народная культура. Москва: Наука.
62. Тураева, З.Я. (2009). Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
63. Улахович, И.С. (2001). Типология аспектуальных значений: Семантический анализ видовых форм глагола. Минск: БГУ.
64. Храковский, В.С. (2013). О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами. В Труды Института лингвистических исследований РАН (Т. 9, Ч. 3, с. 11–22). Санкт-Петербург: Наука.
65. Черткова, М.Ю. (1996). Грамматическая категория вида в современном русском языке. Москва: Изд-во Моск. ун-та.

66. Членов, М.А. (2003). Социоллингвистика. Москва: Флинта.
67. Шахматов, А.А. (1952). Из «Очерка современного русского литературного языка». В Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (с. 200–208). Москва: Учпедгиз.
68. Шведова, Л. И. (1984). Трудные случаи функционирования видов русского глагола. Москва: Изд-во МГУ.
69. Швейцер, А. Д. (1988). *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Наука.
70. Шейхи, Д. Н. (2011). Функционирование несовершенного вида глагола в русском языке: проблемные случаи для носителей персидского языка (Автореф. дис. канд. филол. наук). Москва.
71. Шелякин, М. А. (2008). Категория аспектуальности русского глагола. Москва: Изд-во ЛКИ.
72. Широкова, Е. Г. (1994). Русский глагольный вид как синкретическое выражение аспектуальных категорий. В Русский глагольный вид в прикладных исследованиях (с. 15–19). Москва: Изд-во Ин-та им. Пушкина.
73. Шлуинский, А. Б. (2005). Типология предикатной множественности: Количественные аспектуальные значения [диссертация кандидата филологических наук].
74. Шкуников, В. А. (2003). Виды глагола в русском языке: Методическая разработка для занятий с иностранными учащимися. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та.
75. Якобсон, Р. О. (1972). Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В Принципы типологического анализа языков различного строя (с. 95–113). Москва: Наука.
76. Ярцева, В. Н. (1975). Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. В Типология грамматических категорий (с. 36–39). Москва: Изд-во АН СССР.
77. Ярцева, В. Н. (1981). Контрастивная грамматика. Москва: Наука.

Иноязычные источники

78. Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation* (3rd ed.). Routledge.
79. Bùi Mạnh Hùng (2009). *Ngôn ngữ học đối chiếu*. TP. Hồ Chí Minh: Giáo dục.
80. Brower (Ed.), *On translation* (pp. 232–239). Cambridge, MA: Harvard University Press.
81. Cao Xuân Hạo. (1991). *Tiếng Việt. Sơ thảo ngữ pháp chức năng* (Tập 1). TP. Hồ Chí Minh: Nxb Khoa học Xã hội.
82. Catford, J. C. (1965). *A linguistic theory of translation*. London: Oxford University Press.
83. Comrie, B. (1976). *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
84. Diệp Quang Ban. (2006). *Ngữ pháp tiếng Việt* (Tập 2). Hà Nội: Nhà xuất bản giáo dục.
85. Dương Trần Hồng Thảo. (2019). *Hệ thống ý nghĩa động từ với tiền tố na- và pro- trong tiếng Nga và phương thức biểu đạt chúng trong tiếng Việt* [Tóm tắt luận án tiến sĩ Ngôn ngữ Nga]. Đại học Quốc gia Hà Nội – Trường Đại học Ngoại ngữ.
86. Jakobson, R. (1959). *On linguistic aspects of translation*. In R. A.
87. House, J. (1997). *Translation quality assessment: A model revisited*. Tübingen: Narr.
88. Hymes, D. (1974). *Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach*. University of Pennsylvania Press.
89. Kittel H., Frank A.P. *Interculturality and the Historical Study of Literary Translations*. Berlin: Eric Schmidt, 1991. 151 p.
90. Lê Thị Cẩm Vân. (2023). *Quy chiếu thời gian trong tiếng Việt từ góc nhìn ngữ nghĩa học tri nhận (so sánh với tiếng Anh)* [Luận án tiến sĩ Ngôn ngữ học]. Đại học Huế – Trường Đại học Khoa học.

91. Li Won Bok. (1999). Видовая парность русских глаголов с функциональной точки зрения [диссертация к.ф.н]. Moscow
92. Newmark, P. (1988). A textbook of translation. New York: Prentice Hall.
93. Nguyễn Đức Tồn. (2008). Ngôn ngữ học đối chiếu. Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội.
94. Nguyễn Hữu Quỳnh. (2001). Ngữ pháp tiếng Việt (Tập 2). Hà Nội: Từ điển Bách khoa.
95. Nguyễn Kim Thản. (1960). Vài ý kiến về việc dùng ngôn ngữ trong tác phẩm văn học. Nghiên cứu văn học, (4), 42–47.
96. Nguyễn Kim Thản. (1964). Những vấn đề chính của hình thái động từ trong tiếng Việt: Tóm tắt luận án Tiến sĩ khoa học ngữ văn. Москва.
97. Nguyễn Kim Thản. (1977). Động từ trong tiếng Việt. Hà Nội: KHXH.
98. Nguyễn Văn Chiến. (1992). Ngôn ngữ học đối chiếu và đối chiếu các ngôn ngữ Đông Nam Á. Hà Nội: ĐHSP Ngoại ngữ.
99. Nguyễn Văn Hiệp. (2016). Phân tích diễn ngôn và ngữ dụng học. Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội.
100. Nguyễn Văn Khang. (2012). *Ngôn ngữ học xã hội*. Nhà xuất bản Giáo dục Việt Nam.
101. Nord, C. (2005). Text analysis in translation: Theory, methodology, and didactic application of a model for translation-oriented text analysis. Amsterdam: Rodopi.
102. Pienta, H. (2004). Indirect translation: Between transfer and intervention. In *Beyond descriptive translation studies* (pp. 165–179). Amsterdam: John Benjamins.
103. Proshina, Z. G. (2008). Theory of translation. Vladivostok: Far Eastern University Press.
104. Pym, A. (2005). Explaining translation: Theoretical and empirical approaches. Manchester: St. Jerome Publishing.
105. Toury, G. (2012). Descriptive translation studies-and beyond (Rev. ed.). John Benjamins.

106. Trần Kim Phượng. (2005). Thời, thể và các phương tiện biểu hiện trong tiếng Việt [Luận án tiến sĩ Ngôn ngữ học]. Đại học Quốc gia Hà Nội – Trường Đại học KHXH&NV.
107. Trần Thông. (1982). Sử dụng động từ Nga (Tập II). Nhà xuất bản Đại học và Trung học chuyên nghiệp.
108. Trần Trí Dõi. (2008). Ngôn ngữ học xã hội. Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội.
109. Vinay, J.-P., & Darbelnet, J. (1995). Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation (J. C. Sager & M.-J. Hamel, Trans.). John Benjamins.
110. Venuti, L. (1995). The translator's invisibility: A history of translation (2nd ed., 2008). Routledge.
111. Venuti, L. (Ed.). (2012). The translation studies reader (3rd ed.). Routledge.
112. Vũ Thùy Nga. (2018). Thời trong tiếng Nhật và các biểu hiện tương đương trong tiếng Việt [Luận án tiến sĩ]. Học viện Khoa học Xã hội.
113. Wardhaugh, R., & Fuller, J. M. (2021). An introduction to sociolinguistics (8th ed.). Wiley-Blackwell.

Электронные ресурсы

114. <https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>
115. <https://ruslang.ru/doc/shmelev-glagol.pdf>
116. <https://ruslang.ru/doc/zaliznyak-shmelev-vid.pdf>
117. <https://www.academia.edu/3824095>
118. <https://cyberleninka.ru/article/n/vid-i-vremya-russkogo-glagola>
119. <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-oposredovannyy-perevod-razgranichenie-otkrytogo-i-skrytogo-variantov-perevoda>
120. <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannyy-perevod-v-perspektive-ekotranslatologii>
121. <https://www.semanticscholar.org/paper/Indirect-translation%3A-Main-trends-in-practice-and->

[Pi%C4%99ta/3e71639ebac3eb8a6adf3a2f4e7e3b89b17ce2fe](https://doi.org/10.1080/0907676X.2023.2221388)

122. <https://www.semanticscholar.org/paper/Indirect-Translation%3A-A-Semiotic-Perspective-Jia/ed4ff6b49c3643fc317755a5738732b7bb72bff4>

123. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0907676X.2023.2221388>

124. https://discovery.ucl.ac.uk/10051997/3/Federici_SociolinguisticsTranslationInterpreting.pdf

125. <https://www.wiley.com/en-us/An+Introduction+to+Sociolinguistics-p-9781119473428>

Источники материала

1. Николай Гоголь (2001), *Мертвые души*// Những linh hồn chết. Hoàng Thiều Sơn dịch. NXB “Văn học”.

2. Николай Гоголь (2010), *Мертвые души*. Изд. «Эксмо».

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

1. Большой академический словарь русского языка (БАС) (2007), Изд-во Наука М.- СПб.

2. Даль В.И. (2007), Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т., Изд-во ОЛМА Медиа Групп, М.

3. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой (1990), Изд-во Советская энциклопедия, М.

4. Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А.Н. Николюкин (2001), Изд-во РАН, М.

5. Максимов В.И., Одеков Р.В. (1998), Учебный словарь – справочник русских грамматических терминов, Изд-во АОЗТ «Златоуст», СПб.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006), Толковый словарь русского языка, Изд-во ООО «А ТЕМП», М.

7. Словарь русского языка: в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (1981), Изд-во АН СССР, М.

8. Современный русский язык под ред. Галкиной-Федорук Е.М. (1964), Изд-во Московского университета, М.

9. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. под общ. Ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова (2008), Изд-во Наука, М.

10. Từ điển tiếng Việt, chủ biên Hoàng Phê (2003), Nxb Đà Nẵng, Hà Nội – Đà Nẵng.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3

1. Группа случаев полной адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу

1.1. Передача значения типизации и обобщения

Оригина л	Перевод	Комментарии
<p><i>В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки ... словом, все те, которых называют господами средней руки.</i></p>	<p><i>Cỗ xe ngựa tiến vào cổng một khách sạn ở tỉnh lỵ N.N. đó là một chiếc xe Britska nhỏ, khá đẹp, có díp, kiểu xe mà những kẻ độc thân thường dùng ... tóm lại tất cả những kẻ thường được xem là quý tộc bậc trung.</i></p>	<p>1. Въезд брички в город Въехала (СВ, результативное действие): передано как <i>tiến vào</i> («двигаться и войти внутрь»). → Результативность сохранена за счет лексемы <i>vào</i> (достижение точки входа). Ездят (НСВ, многократность, обобщенный субъект): передано как <i>thường dùng</i> («обычно используют»). → Наречие <i>thường</i> четко выражает повторяемость, функцию НСВ. Называют (НСВ, пассивное, обобщенное действие): <i>thường được xem là</i> - пассивная конструкция, отражающая неопределенного субъекта.</p>
<p><i>Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах.</i></p>	<p><i>Xe vào đến sân; ra đón khách là một người hầu, hay một người pôlêvôi như người ta vẫn thường gọi trong các quán trọ Nga.</i></p>	<p>2. Встреча господина слугой Въехал (СВ): <i>vào đến</i> («доехать и войти»). → СВ передан через сочетание <i>đến</i> - фокус на достижении конечной точки. Называют (НСВ, привычное): <i>vẫn thường gọi</i> («все еще обычно называют»). → <i>thường + vẫn</i> усиливают значение регулярности и сохранения традиции.</p>
<p><i>Гостиниц а была ... именно такая, как бывают</i></p>	<p><i>Căn phòng ... giống hết mọi khách sạn ở các tỉnh lỵ; nơi mà khách lữ</i></p>	<p>3. Типичность гостиниц Бывают (НСВ, обобщение): опущено, смысл встроен в <i>giống hết mọi</i> («точно как все»).</p>

<p>гостиницы в <i>gubernских</i> городах, где за два рубля в сутки проезжающие <u>получают</u> покойную комнату с тараканами ... и дверью в соседнее помещение ... где <u>устроивается</u> сосед, молчаливый и спокойный человек ...</p>	<p>hành ghé lại, bỏ hai rúp một ngày, thì <u>thuê được</u> một căn phòng yên tĩnh ... bên ấy là một người khách lảng giềng trầm tĩnh, ít nói ...</p>	<p>→ Типичность выражена синтаксически. Получают (НСВ, многократность): передано через <i>thuê được</i> - глагол с модальным элементом <i>được</i> («могут арендовать»), который указывает на повторяющуюся возможность.</p>
<p>Какие эти бывають общие залы — всякий проезжающий <u>знает</u> очень хорошо.</p>	<p><i>Những phòng khách chung ấy như thế nào là khách lữ hành chẳng ai còn lạ gì.</i></p>	<p>4. Общие залы Бывають (НСВ, характеристика): передано описательно <i>như thế nào</i> («какие они есть»). Знает (НСВ): <i>chẳng ai còn lạ gì</i> («никто уже не удивляется»). → Значение общеизвестности полностью передано, НСВ - как состояние знания.</p>
<p>Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию.</p>	<p><i>Và những cái kỳ quan của thiên nhiên này cũng thấy có trên một số bức tranh lịch sử, nhập vào nước Nga chẳng biết từ đời nào và do ai mang đến.</i></p>	<p>5. Происхождение картин Случается (НСВ, возможность/периодичность): передано как <i>cũng thấy có</i> («также встречается»). → НСВ сохранен через общий характер явления.</p>
<p>Господин</p>	<p><i>Người khách</i></p>	<p>6. Косынка жены</p>

<p>... <i>размотал с шеи ... косынку, какую женатым <u>приготовляет</u> своими руками <u>супруга</u>.</i></p>	<p>... <i>tháo cái khăn quàng cổ bằng len ngũ sắc, kiểu khăn quàng mà các bà vợ thường tự tay đan lấy để tặng chồng.</i></p>	<p>Приготовляет (НСВ, регулярность): <i>thường tự tay đan lấy</i> - частотность выражена явно через <i>thường</i>.</p>
<p><i>Господин ... сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти <u>набивают</u> чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник.</i></p>	<p><i>Khách ... ngã xuống chiếc ghế dài, lưng tựa vào một cái gối dựa mà, trong các quán trọ Nga, người ta thường đôn một chất gì tựa hồ gạch hay đá lát đường, thay cho bông.</i></p>	<p>7. Подушка в трактире Набивают (НСВ, типичное действие): <i>thường đôn</i> — перевод точный, отражает привычность.</p>
<p><i>Нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие <u>одеваются</u> у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену.</i></p>	<p><i>Xa một tí là một bàn bi-a, có hai người đang đánh, <u>diện áo Frac theo kiểu những "khách"</u> bước lên sân khấu vào màn cuối của các vở kịch.</i></p>	<p>8. Бильярдная сцена Одеваются (НСВ, характеристика): <i>diện áo</i> — описательный перевод, сохраняющий значение типичного действия.</p>
<p><i>Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как</i></p>	<p><i>Những bộ áo đen thấp thoáng qua lại nơi này, nơi kia như những con ruồi trên một bánh</i></p>	<p>9. Метафора с мухами Мелькали (НСВ, процесс): <i>thấp thoáng qua lại</i> - процессуальность сохранена.</p>

<p><u>носятся</u> мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница <u>рубит</u> и <u>делит</u> его на сверкающие обломки ... дети все <u>глядят,</u> собравшись вокруг ... а воздушные эскадроны мух ... <u>влетают</u> смело ... <u>обсыпают</u> лакомые куски.</p>	<p><u>đường trắng tinh,</u> trong một ngày tháng bảy nóng nực, khi bà quản thiện già ... <u>chặt</u> thành từng miếng lóng lánh. Bầy trẻ xúm xít chung quanh, tò mò <u>theo</u> <u>đôi</u> ... trong khi một đàn ruồi <u>bay</u> luôn trong không khí ... <u>sà xuống</u> những miếng đường ngon lành.</p>	<p>Носились (НСВ, хаотичность): <i>qua lại nơi này, nơi kia</i> - движение хаотичное, непрерывное. Носятся (мухи) (НСВ): <i>bay luôn trong không khí... sà xuống</i> - передает непрерывность полета.</p>
<p>Увы! толстые <u>умеют</u> лучше на этом свете обделявать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие <u>служат</u> больше по особнным поручениям или только <u>числятся</u> и <u>вливают</u> туда и сюда ... Толстые же</p>	<p>Than ôi! Trên cõi đời này, hạng béo lại <u>khéo</u> thu xếp công việc của họ hơn hạng gày. Hạng này thường chỉ <u>là</u> những viên chức được sai phái những việc nhất thời; họ <u>nhảy nhót</u> nơi này, nơi kia ... Hạng béo trái lại không bao giờ <u>giữ</u> chức gì thuộc lại cả, họ chễm chệ ở những chức vụ chính yếu .. Họ không <u>thích</u> vẽ</p>	<p>10. Толстые и тонкие Умеют (НСВ, обобщение): <i>khéo thu xếp</i> - навык, повторяемость действия сохранены.</p>

<p>никогда не <u>занимают</u> косвенных мест, а все прямые ... Наружного блеска они не <u>любят</u> ... тоненького три года не <u>остаётся</u> одной души, не заложённой ломбард ... Наконец толстый <u>оставляет</u> службу, <u>перебирается</u> и <u>делается</u> помещиком ... и <u>живёт</u>, и хорошо <u>живёт</u>. А после него опять тоненькие наследники <u>спускают</u>, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро.</p>	<p>hào nhoáng vô ngoài ... Chỉ độ ba năm là anh gày không còn lấy một nông phu mà cầm cố nữa ... Cuối cùng, anh béo ... <u>lui về</u> trí sĩ trên điện trang, <u>chè chén linh đình</u>, <u>sống</u> cuộc đời sung túc của ông chúa nông thôn; nhưng rồi chẳng bao lâu, những kẻ gày, kẻ thừa họ, sẽ <u>tiêu tán</u> sạch sành sanh cái gia tài của họ, theo đúng kiểu người Nga.</p>	
<p>Собакеви ч тоже сказал ... шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского</p>	<p>Đến lượt Xôbakiêvits thì hẳn ... vừa nói vừa giậm gót ủng xuống sàn; đôi ủng to tướng mà có lẽ ngoài hẳn ra,</p>	<p>11. Ботинки Собакевича Обутою (СВ, завершённое состояние): <i>đôi ủng to tướng</i> - передано как описательное состояние.</p>

<p>размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особенно в нынешнее время, когда и на Руси <u>начинают</u> выводиться богатыри.</p>	<p><i>không ai có thể xô chân vừa được; nhất là thời buổi này, mà trên đất nước Nga đã <u>bắt đầu</u> mất dần cái nòi <i>Bôgatua</i>.</i></p>	
<p>Да ведь это не такая шарманка, как <u>носят немцы</u>.</p>	<p><i>Phong cầm của tớ không giống của bọn ăn mày Đức.</i></p>	<p>12. Реки забвения Называют (НСВ): <i>thường nói</i> - привычное употребление полностью передано.</p>
<p>Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как <u>называют поэты</u>.</p>	<p><i>Anh chàng chìm mất tăm trong con sông quên, sông Lêthê, như các nhà thơ thường nói.</i></p>	<p>13. Богатырь Называют (НСВ): <i>thường nói</i> - повторяемость передана явно.</p>
<p>Был он то, что <u>называют на Руси богатырь</u>.</p>	<p><i>Đúng như thường nói ở nước Nga thì anh ta là một bôgatua.</i></p>	<p>14. Русский характер Задумывается (НСВ, универсальность): передано через общий смысл «мечтать», без потери идеи универсальности.</p>
<p>... или задумался так, сам собою, как <u>задумывается всякий русский</u>, каких бы ни был лет, чина и состояния.</p>	<p><i>Hay chỉ gợi ra cuộc đời tự do, phóng khoáng, giấc mơ thân yêu của người Nga ở mọi lứa tuổi, mọi cấp bậc, mọi địa vị?</i></p>	<p>Общий вывод В переводах: СВ почти всегда передается через глаголы движения и результативные конструкции (<i>đến, vào, ra, sà xuống</i>). НСВ передается через:</p>

		<p>частотные маркеры (<i>thường, vẫn thường</i>), лексические эквиваленты процесса (<i>qua lại, bay luôn</i>), контекст и описательные конструкции.</p> <p>Это подтверждает, что видовая семантика русского глагола сохраняется во вьетнамском языке благодаря гибкости лексико-синтаксических средств.</p>
--	--	---

1.2. Передача значения длительности действия

Оригинал	Перевод	Комментарии
<p><i>В бричке <u>сидел</u> господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод.</i></p>	<p><i>Ngồi trong xe là một người đàn ông, chẳng đẹp cũng chẳng xấu, không béo mà cũng không gầy, tuổi thì chưa có thể nói là già, nhưng cũng chẳng còn trẻ trung gì nữa.</i></p>	<p>1. Описание внешности Сидел (НСВ, фоновое состояние): передано через простое <i>ngồi</i>, не требующее морфологического маркера. НСВ выражает статичность и длительность, которые вьетнамский язык передает через контекст и порядок слов.</p>
<p>Пока <i>приезжий господин <u>осматривал</u> свою комнату, внесены были его пожитки.</i></p>	<p>Trong khi <i>khách <u>xem xét</u> căn phòng thì người ta mang hành lý vào.</i></p>	<p>2. Внесение вещей Осматривал (НСВ, процесс): <i>xem xét</i> («осматривать, исследовать»); Внесены были (СВ, завершенность): <i>mang ... vào</i> («занести внутрь»); → <i>Vào</i> передает результативность, эквивалентную СВ в русском языке.</p>
<p>Покамест <i>слуги <u>управлялись</u> и <u>возились</u>, господин отправился в общую залу.</i></p>	<p>Trong khi hai <i>gã đầy tớ <u>lãng xãng</u> dọn dẹp, thì ông chủ đi xuống phòng khách chung.</i></p>	<p>3. Действия слуг и хозяина Управлялись и возились (НСВ, многократные хаотичные действия): <i>lãng xãng dọn dẹp</i> - процессуальность передана через два последовательных глагола.</p>
<p><i>И потом еще <u>долго сидел</u> в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит</i></p>	<p><i>Sau đó, ngồi trong xe, y còn <u>nghĩ mãi hồi lâu</u> xem còn ai có thể đến thăm nữa không.</i></p>	<p>Отправился (СВ, одно завершенное действие): <i>đi xuống</i> - выражает движение с результатом (спуск вниз).</p>
<p><i>О себе приезжий, как казалось, <u>избегал</u> много говорить; если же <u>говорил</u>, то какими-то общими местами, с заметною скромностью, и разговор его в таких</i></p>	<p><i>Hình như khách <u>cố tránh</u> không muốn nói đến mình nhiều, mà có nói chẳng cũng dùng toàn những lời khách sáo và <u>nói</u> với một giọng rất sáo sỗng.</i></p>	

случаях принимал несколько книжные обороты		
После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго <u>тер</u> мылом обе щеки.	Sau một giấc ngủ trưa, y dậy, bảo lấy nước, rửa ráy, <u>kỳ</u> <u>cọ</u> đôi má rất lâu .	4. Размышления в брочке Сидел (НСВ): состояние → ngồi. Придумывая (НСВ, длительный мыслительный процесс): <i>nghĩ mãi hồi lâu</i> - сочетание <i>mãi</i> и <i>hồi lâu</i> усиливает значение продолжительности
Черные фраки <u>мелькали</u> и <u>носились</u> врознь и кучами там и там.	Những bộ áo đen thắp thoáng qua lại nơi này, nơi kia.	5. Манера говорить о себе Избегал говорить (НСВ): передано через <i>cố tránh không</i> <i>miếu nói</i> - явное указание на намеренное избегание. Говорил (НСВ, редкое, отдельное действие): <i>nói</i> в условной форме, нейтрально
Одни тоненькие, которые все <u>увивались</u> около дам.	Hạng gày thì <u>suốt buổi theo tán tỉnh</u> <u>phái đẹp</u> .	6. Долгое умывание Тер (НСВ, интенсивный процесс): <i>kỳ cọ ... rất lâu</i> - наличие <i>rất lâu</i> передает длительность действия.
Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он <u>рассматривал</u> общество.	Phải thú thật rằng những điều ấy đại khái là những lập luận của Tsitsikôp, trong khí đứng ngắm đám tân khách dự hội.	7. Толпа в зале Мелькали (НСВ): <i>thấp</i> <i>thoáng</i> — создает эффект непрерывного движения. Носились (НСВ): <i>qua lại</i> — хаотичное движение.
Встретил почти все знакомые лица ... которые все <u>приветствовали</u> его, как старинного знакомого, на что Чичиков <u>раскланивался</u> несколько набок, впрочем, не без приятности.	Trong bọn họ, y gặp ngay những bộ mặt đã quen ... Mọi người <u>đón chào Tsitsikôp như</u> <u>một người bạn cố tri;</u> <u>đáp lại các lời chúc</u> <u>mừng, y cúi chào, hơi</u> <u>ngiên mình chênh</u> <u>chéch sang một bên,</u> <u>khá duyên dáng.</u>	
Они сели за	Họ ngồi quanh	

зеленый стол и не <u>вставали</u> уже до ужина.	<i>cái bàn trải dạ màu lục và không <u>đứng dậy</u> nữa, <u>mãi cho đến bữa ăn khuya</u>.</i>	8. Поведение «тонких» Увивались (НСВ, постоянство): <i>suốt buổi theo tán tỉnh</i> — показатель <i>suốt buổi</i> выражает непрерывность действия на протяжении события
Приезжий наш гость также <u>спорил</u> , но как-то чрезвычайно искусно, так что все <u>видели</u> , что он <u>спорил</u> , а между тем приятно <u>спорил</u> .	<i>Tsitsikôp cũng <u>đư vào</u>, nhưng với một vẻ lịch sự, thiệp thế ai cũng <u>thấy rõ</u>. Y có <u>cãi</u> ai cũng là <u>cãi</u> một cách nhã nhặn, đáng mến.</i>	9. Размышления Чичикова Занимали (НСВ, длительное внутреннее состояние): передано через контекст (<i>những lập luận</i>). Рассматривал (НСВ): <i>đứng ngắm</i> — подчеркнута позиция наблюдателя.
Он очень <u>долго</u> жал ему руку и <u>просил</u> убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню... На что Чичиков ... <u>отвечал</u> , что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтет за священнейший долг.	<i>Chàng ta <u>xiết chặt</u> tay y <u>rất lâu</u>, khẩn khoản <u>mời</u> y quá độ đến thăm áp ... Tsitsikôp cúi đầu lễ độ, nhiệt thành <u>siết</u> tay Manilôp và <u>đáp</u> rằng không những y rất vui mừng nhận lời, mà còn xem đób là một <u>bổn phận thiêng liêng nhất</u> của mình nữa.</i>	10. Приветствия Приветствовали (НСВ): <i>đón chào</i> - обычная форма приветствия, повторяемость выражена контекстуально. Раскланивался (НСВ, вежливый жест): <i>cúi chào</i> - действие как процесс.
С трех часов после обеда засели в вист и <u>играли</u> до двух часов ночи.	<i>Ở đây người ta <u>đánh</u> uuxt liên miên từ khi ăn xong lúc ba giờ chiều, <u>cho đến hai giờ sáng</u>.</i>	11. Игра за столом Не вставали (НСВ, длительность): <i>không đứng dậy nữa</i> - передано через отрицание и наречие <i>nữa</i> .
Он, заложивши руки назад, <u>глядел</u> на них <u>минуты</u> две очень внимательно.	<i>Tsitsikôp, tay <u>chấp</u> sau lưng, <u>chăm chú nhìn</u> trong khoảng <u>hai phút</u> những đôi lứa lượn qua trước mặt</i>	12. Спор Чичикова Спорил (НСВ, процесс): не переведено буквально, но сохранено смыслом через <i>đư vào</i> и описание манеры общения.
Да, признаюсь, а сам так <u>думал</u> .	<i>Đúng, ta <u>cũng nghĩ</u> như thế.</i>	13. Приглашение Жал (НСВ): <i>xiết chặt ... rất</i>
Вы <u>собирали</u>	<i>Được ngàn ấy</i>	

<p>его, может быть, около года, с заботами, со старанием, хлопотами; <u>ездили</u>, <u>морили</u> пчел, <u>кормили</u> их в погребце целую зиму.</p>	<p>chắc bà <u>đã</u> phải <u>mất một năm</u> <u>chăm sóc</u>, <u>lo lắng</u>, <u>chay vạy</u>; bà phải <u>nuôi ong ở dưới hầm suốt một mùa đông.</u></p>	<p><i>lâu - rất lâu</i> передает длительность. Просил (НСВ): <i>khẩn khoản mời</i> - усиленное значение просьбы.</p>
<p>Еще третьего дня всю ночь мне <u>снился</u> окаянный.</p>	<p>Hôm kia, tôi <u>nằm mê</u> thấy <u>hắn suốt đêm.</u></p>	<p>14. Карточная игра</p>
<p>Я <u>думал</u> было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек.</p>	<p>Tớ <u>cứ tưởng</u> cậu là người lịch sự.</p>	<p>Засели (СВ): <i>đánh iuxt</i> - начало действия выражено через контекст времени.</p>
<p>Мне, однако же, <u>сказывали</u>, — скромно заметил Чичиков, — что у вас более тысячи души. — А кто это <u>сказывал</u>? А вы бы, батюшка, <u>наплевали</u> в глаза тому, который это <u>сказывал!</u> Он, <u>пересмешник</u> видно, <u>хотел</u> пошутить над вами.</p>	<p>Người ta <u>vẫn bảo</u> tôi là cụ có hơn nghìn nông phu, Tsitsikôp <u>khẽ nhấc</u> như vậy. — Ai <u>bảo</u> ông thế? Một kẻ <u>đùa nhảm!</u> Đáng lẽ, ông phải <u>nhổ vào mặt</u> nó, vì nó <u>nhạo</u> ông đấy.</p>	<p>Играли (НСВ): <i>liên miên</i> («непрерывно») усиливает длительность.</p>
<p>В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года.</p>	<p>Trong buồng làm việc, chàng giữ cuốn sách có cái <u>chấn đánh dấu trang 14</u> mà chàng <u>vẫn đọc</u> dở từ hai năm nay.</p>	<p>15. Наблюдение Чичикова Глядел (НСВ): <i>chăm chú nhìn</i> - процесс наблюдения, дополненный временным маркером <i>trong khoảng hai phút.</i></p> <p>16. Сон «Снился (НСВ): <i>nằm mê thấy</i> ...</p>

<p>За детьми, однако ж, присматривала смазливая нянька.</p>	<p>Một người đầy tớ gái ân cần <u>trông nom</u> chúng.</p>	<p>suốt đêm — suốt đêm передает длительность сна.</p>
<p>Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила.</p>	<p>Ta biết là có nhiều bộ mặt mà tạo hóa không buồn <u>got đẽo</u> gì cả.</p>	<p>Обобщающий вывод 1. СВ передается через результативные элементы:</p>
<p>Но пред ним стоял не нищий, пред ним <u>стоял</u> помещик.</p>	<p>Nhưng trước mặt y, không phải là người ăn xin, mà là một vị <u>quí tộc</u>.</p>	<p>○ vào, ra, <u>xiống, đến, xong</u>. ○ Четко выражают завершенность действия.</p>
<p>Вот, например, зверь, – <u>говорил</u> он, ходя по комнате.</p>	<p>Đấy, những ác thú chẳng hạn, – <u>vừa nói</u> ông ta <u>vừa đi đi, lại lại</u> trong phòng,</p>	<p>2. НСВ передается через:</p>
<p>Так <u>мыслил</u> обитатель Куфа Мокиевич.</p>	<p>Kifa Môkiêvits <u>nghĩ như vậy</u>.</p>	<p>○ Временные маркеры (<u>suốt đêm, mãi, rất lâu</u>). ○ Лексемы частотности (<u>thường, suốt buổi</u>).</p>
<p>И в то время, когда отец <u>занимался</u> рождением зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и <u>порывалась</u> развернуться.</p>	<p>Và trong khi ông bố <u>mãi suy nghĩ đến</u> việc đời của các ác thú, thì bản chất đòi dào sinh lực của tuổi hai mươi kia <u>cứ nóng nảy</u> đòi phô trương ra.</p>	<p>○ Двойные глаголы и описательные конструкции, создающие ощущение процесса (<u>lãng xãng dọn dẹp, thấp thoáng qua lại</u>). 3. Обобщенные субъекты всегда переводятся через безличные конструкции:</p>
<p>Но и друг наш Чичиков <u>чувствовал</u> в это время не вовсе прозаические грезы. А посмотрим, что он <u>чувствовал</u>.</p>	<p>Ông bạn Tsitsikôp của chúng ta, bây giờ cũng <u>đang mơ màng</u>, những giấc mơ không dung tục đến như thế. Hãy xem y có những cảm giác gì.</p>	<p>○ <u>người ta, ai cũng, mọi người</u>, что полностью сохраняет значение. Таким образом, перевод передает видовую семантику русского языка без потерь, опираясь на контекст, лексику и грамматические средства вьетнамского языка.</p>

<p>Тут Кифа Мокиевич <u>бил</u> себя весьма сильно в грудь кулаком и <u>приходил</u> в совершенный азарт.</p>	<p>Rôi Kifa Môkiêvits <u>nắm tay đấm</u> ngực bình bịch và nói khùng lên <u>quát</u>.</p>	
---	---	--

<p>Теперь, желая успокоиться, <u>ищет</u> избрать наконец место для жительства.</p>	<p>Giờ đây thì nó <u>đi tìm một chỗ ẩn dật</u> <u>yên tĩnh</u>.</p>	<p>В переводах на вьетнамский видовая семантика русского глагола передается не с помощью морфологии, а через лексико-синтаксические средства и контекст: значение НСВ выражается маркерами привычности и повторяемости (<i>thường</i> – «обычно», <i>vẫn</i> – «по-прежнему», <i>suốt</i> – «весь», <i>liên miên</i> – «непрерывно»), а также наречиями длительности (<i>mãi, rất</i> <i>lâu, hồi lâu</i>) и описательными парами глаголов (<i>qua lại</i> – «туда- сюда», <i>lãng xãng</i> – «суетиться»); СВ передается через глаголы направления и фазовые элементы (<i>vào</i> – «войти», <i>ra</i> – «выйти», <i>đến</i> – «достичь», <i>xuống</i> – «спуститься», <i>xong</i> – «закончить», <i>bắt đầu</i> – «начать»), показывающие результат или достижение цели. Обобщенный или неопределенный субъект оформляется безличными конструкциями (<i>người ta</i> – «люди, кто-то», <i>ai cũng</i> – «каждый», <i>mọi</i> <i>người</i> – «все») и пассивными</p>
<p>Я <u>полагаю</u>, нужно спросить приказчика.</p>	<p>Đó là việc của lão quản lý.</p>	
<p>Приказчик сказал: «<u>Слушаю!</u>» – и ушел.</p>	<p><u>Xin tuân lệnh!</u> – lão quản lý <u>đáp và rút</u> <u>lui</u>.</p>	
<p>Вы <u>спрашиваете</u>, для каких причин?</p>	<p>Bác <u>muốn biết</u> tôi cần để làm gì?</p>	
<p>Как <u>желаете</u> вы <u>купить</u> крестьян: с землей или просто на вывод?</p>	<p>Xin phép bác cho biết là <u>muốn mua</u> nông dân thế nào, có kèm theo đất hay không?</p>	
<p>Я <u>полагаю</u> приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые.</p>	<p>Tôi có ý <u>muốn</u> mua những người chết mà trong sổ định vẫn kê khai là còn sống.</p>	
<p>Мне кажется, вы <u>затрудняетесь?</u></p>	<p>Dường như bác <u>bối rối?</u></p>	
<p>Нет, я <u>разумею</u> предмет</p>	<p>Tôi không <u>nói</u> bóng bẩy gì đâu.</p>	

таков как есть.		формами с <i>được, bị</i> . Временные и пространственные рамки выражаются конструкциями <i>từ khi... đến khi..., kể từ lần...,</i> а эмоциональная экспрессия усиливается повторами и междометиями (<i>ồ, than ôi, nói dối, nói dối!</i>). Таким образом, русский вид точно передается средствами времени, места и контекста, даже без специальных морфологических форм.
Я не насчет того <u>говорю</u> , чтобы имел какое-нибудь, то есть, критическое предосуждение о вас.	Ồ, không bao giờ! Xin lỗi bác.	
Так вы <u>полагаете?</u> .. – Я <u>полагаю</u> , что это будет хорошо.	Bác <u>tin chắc</u> thế chứ? – <u>Chắc</u> chứ và như vậy là rất tốt.	
Теперь <u>остаётся</u> условиться в цене.	Vậy thì chỉ còn việc thỏa thuận với nhau về giá cả	
Неужели вы <u>полагаете</u> , что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование?	Vậy ra bác <u>nghĩ</u> rằng tôi lại đòi tiền cả nông phu, trong một chừng mực nào đó, đã hết tồn tại rồi sao?	
Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я <u>передаю</u> их вам безынтересно и купчую <u>беру</u> на себя.	Bởi vì, thật là bác, bác đã có cái ý muốn là như thế thì tôi <u>xin nhường không</u> hầu bác và <u>chịu</u> các lệ phí về giấy tờ.	
Покорнейше <u>благодарю</u> .	<u>Cám ơn</u> .	
Чай, не заседатель, а так <u>ездим</u> по своим	Tôi không phải là trợ tá, tôi <u>đi</u> có việc riêng.	

делишкам.		
<p>Нешто <u>хочешь</u> ты их <u>откапывать</u> из земли?</p>	<p>Ông <u>muốn</u> đào chúng nó lên à?</p>	
<p>Да кто же <u>говорит</u>, что они <u>живые</u>? Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них <u>платите</u>.</p>	<p>Có ai <u>bảo</u> chúng nó <u>sống</u> đâu? Chính vì thế mà chúng làm cho bà <u>thiệt</u>: bà phải <u>đóng thuế</u> <u>đầu người</u> cho chúng</p>	
<p>Или вы <u>думаете</u>, что в них есть в самом деле какой-нибудь прок? – Нет, этого-то я не <u>думаю</u> ... Меня только то и <u>затрудняет</u>, что они уже мертвые.</p>	<p>Vậy bà <u>cho</u> rằng nông phu <u>chết</u> còn có thể dùng để làm việc gì nữa à? – Thật ra thì không... Đối với tôi, cái khó nghĩ là chúng đã <u>chết</u> rồi.</p>	
<p>Да вы <u>рассудите</u> только хорошенько: – ведь вы <u>разоряетесь</u>, <u>платите</u> за него <u>подать</u>, как за <u>живого</u>.</p>	<p>Bà <u>sạt</u> nghiệp đi để <u>đóng thuế</u> cho <u>đưa</u> <u>chết</u> cũng như <u>đưa</u> <u>sống</u>.</p>	
<p>Ну, <u>видите</u>, матушка ... теперь я <u>плачу</u> за них; я, а не вы; я <u>принимаю</u> на себя все <u>повинности</u> ... <u>понимаете</u> ли вы это?</p>	<p>Bà <u>thấy</u> chưa! Tôi sẽ <u>đóng thuế</u>, chứ bà không <u>đóng</u> nữa; tôi <u>nhận lấy</u> mọi khoản ... Bà <u>hiểu</u> chưa?</p>	
<p>Я <u>спрашиваю</u> мертвых.</p>	<p>Tôi <u>đang</u> <u>nói</u> chuyện người <u>chết</u> cơ mà.</p>	

<p>Право, я <u>боюсь</u> на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня <u>обманываешь</u>.</p>	<p>Thật ra mới bán lần đầu tôi <u>sợ</u> thiệt. Ông không <u>đánh lừa</u> tôi chứ?</p>	
<p>Да ведь меня одно только и <u>останавливает</u>, что ведь они уже мертвые.</p>	<p>Nhưng chỉ có điều <u>làm</u> tôi ngại là chúng đã chết rồi.</p>	
<p>Не <u>хотите</u> понимать слов моих, или так нарочно <u>говорите</u>, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам <u>даю</u> деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. <u>Понимаете ли?</u></p>	<p>Bà chị ạ, у nói, hoặc là bà <u>không muốn</u> hiểu lời tôi nói, hoặc là bà <u>nói</u> với tôi như thế chỉ cốt để tỏ ý gì... Tôi <u>xin đưa</u> bà mười lăm rúp giấy. Bà <u>hiểu</u> chưa?</p>	
<p>Ну что вы это <u>говорите</u>, подумайте сами!</p>	<p>Bà lão ơi, <u>nói</u> gì thế! Thử nghĩ xem nào.</p>	
<p>Какие ты страсти <u>говоришь</u>!</p>	<p>Ông <u>nói</u> cái gì mà khiếp thế!</p>	
<p>Да, впрочем, ведь кости и могилы – все вам <u>остается</u>, перевод только на бумаге.</p>	<p>Vả lại, xương cốt và mồ mã, tất cả vẫn <u>là</u> của bà: ta chỉ chuyển quyền sở hữu trong văn tự mà thôi.</p>	
<p>Помилуйте, я вас <u>прошу</u> совсем о другом, а вы мне пеньку <u>суете</u>!</p>	<p>Tôi <u>hỏi</u> thứ khác mà bà lại <u>muốn</u> <u>tống</u> sợi gai cho tôi!</p>	

<p><i>Я <u>дивлюсь</u>, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: <u>вижу</u>, бедная вдова <u>убивается</u>, <u>терпит</u> нужду ... – Ах, какие ты забранки <u>пригинаешь!</u></i></p>	<p><i>Tôi <u>lấy làm lạ</u> rằng sao bà không <u>trông thấy</u> hàng tá <u>những cửa như thế!</u> ... tôi chỉ <u>nghĩ</u> rằng «đây là một bà lão góa bụa tội nghiệp, làm ăn vất vả và đến chết được! – Ồ sao <u>ăn nói thô tục</u> <u>thế!</u></i></p>
<p><i><u>Врешь</u>, <u>врешь!</u></i></p>	<p><i>Cậu <u>nói dối</u>, <u>nói</u> <u>dối!</u></i></p>
<p><i><u>Хотя</u> непременно, чтоб у жениха было никак не меньше трехсот душ, а так как у меня целых почти полтора ста крестьян <u>недостает.</u></i></p>	<p><i>Họ <u>đòi</u> chú rể <u>phải</u> có ba trăm nông phu, và tôi hiện còn <u>thiếu</u> gần một nửa.</i></p>
<p><i>Голову ставлю, что <u>врешь!</u></i></p>	<p><i>Chặt đầu tớ đi, cậu vẫn <u>nói dối!</u></i></p>
<p><i>Почему я непременно <u>лгу?</u></i></p>	<p><i>Theo anh thì tôi có việc là <u>nói dối</u> thôi à!</i></p>
<p><i>Я тебе <u>говорю</u> это откровенно, не с тем чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески <u>говорю.</u></i></p>	<p><i><u>Nói</u> vậy cậu đừng giận. Chỗ bạn thân, tớ <u>nói</u> thật.</i></p>
<p><i>А тебе <u>отдаю</u> за четыре.</i></p>	<p><i>Nhưng chỉ <u>để</u> lại cho cậu bốn nghìn thôi.</i></p>

<p>Не <u>хочу</u>, – сказал еще раз Чичиков. – Отчего ж ты не <u>хочешь</u>? – Оттого, что просто не <u>хочу</u>, да и полно.</p>	<p>Tôi không <u>bằng lòng</u>, Tsitsikôp nói. – Nhưng tại sao? – Tại vì tôi không <u>bằng lòng</u>, chỉ có thể thôi.</p>
<p>Теперь я очень хорошо тебя <u>знаю</u>. Такая, право, <u>ракалия!</u> Ну, послушай, <u>хочешь</u> метнем банчик?</p>	<p>Tớ <u>biết</u> cậu rồi. Cậu chỉ là một thằng đê tiện! ... Này, <u>làm</u> một ván bancô không?</p>
<p>Да за что же ты <u>бранишь</u> меня? Продай мне душ одних, если уж ты такой человек, что <u>дрожешь</u> из-за этого вздору.</p>	<p>Tại sao anh lại <u>chửi</u> tôi? Anh đừng bắt tôi đánh mà bán bọn nông phu chết cho tôi, nếu anh <u>quý</u> cái kho tàng ấy đến thế.</p>
<p>Я <u>полагаю</u> с своей стороны, положа на руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!</p>	<p><u>Nói</u> có lương tâm, tôi nghĩ là không thể trả hơn tám mươi kôpek một đũa được.</p>
<p>Что ж, по моему суждению, как я <u>думаю</u>, больше нельзя. – Ведь я <u>продаю</u> не лапти.</p>	<p>Tôi <u>nghĩ</u> là nó không đáng giá hơn thế được. – Có phải là tôi <u>bán ép</u> cho bác đâu.</p>
<p>Но позвольте: зачем вы их <u>называете</u> ревизскими?</p>	<p>Xin phép bác, sao lại <u>gọi</u> là đấng ký được?</p>
<p>Да чего вы <u>скупитесь</u>?</p>	<p>Bác <u>bớt xén</u> làm gì.</p>

<p>Зачем вы <u>исчисляете</u> все их качества.</p>	<p>Xin phép bác, xin phép bác, bác kể ra tất cả khả năng của chúng thì có ích gì?</p>
<p>Да все же они <u>существуют</u>, а это ведь мечта.</p>	<p>Nhưng dù sao chúng cũng đang sống, còn bọn này thì chỉ là trò ảo đấng thôi.</p>
<p>Чтоб не претендовали на меня, что дорого <u>запрашиваю</u> и не <u>хочу</u> сделать вам никакого одолжения. – «Что он в самом деле ... за дурака, что ли, <u>принимает</u> меня?» – Мне странно, право: кажется, между нами <u>происходит</u> какое-то театральное представление или комедия.</p>	<p>Để <u>làm ơn</u> cho bác và để bác không thể trách là tôi <u>lấy</u> của bác đắt quá ... «À, thế ra nó <u>cho</u> mình là đồ ngốc!» – Thật tình, tôi chẳng hiểu ra sao cả. Chúng ta <u>đóng kịch</u> sao đây.</p>
<p>Да вот вы же <u>покупаете</u>, стало быть нужен.</p>	<p>Xin lỗi bác, bác <u>mua</u>, tức là bác cần nó chứ gì?</p>
<p>Я в дела фамильные не <u>мешаюсь</u>, это ваше дело.</p>	<p>Tôi chẳng <u>can</u> dự gì đến việc gia đình.</p>
<p>Я это <u>говорю</u> между нами, по дружбе.</p>	<p>Tôi chỉ <u>nói</u> giữa chúng ta với nhau và vì chỗ bạn thân.</p>
<p>Как вы себе <u>хотите</u>, я <u>покупаю</u> не для какой-либо</p>	<p>Bác có quyền <u>thích</u> gì làm nấy. Tôi mà <u>mua</u> thì không phải</p>

<p>надобности, как вы <u>думаете</u>, а так, по наклонности собственных мыслей. Два с полтиною не <u>хотите</u> прощайте!</p>	<p>như bác <u>tưởng</u> là tôi cần, mà chỉ là để thỏa một cái ý ngông vậy thôi. Hai rúp rưỡi bán hay không, một tiếng nữa mà thôi.</p>
<p>Нет, я <u>вижу</u>, вы не <u>хотите</u> продать, прощайте!</p>	<p>Không, tôi <u>thấy</u> là bác không <u>muốn</u> bán. Thôi chào bác.</p>
<p><u>Прошу</u> прощенья! я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйста, садитесь сюда! <u>Прошу!</u></p>	<p>Tôi <u>xin lỗi</u> bác, hình như tôi làm phiền bác? Mời bác ngồi xuống đây. <u>Xin mời</u> bác.</p>
<p>Право, я напрасно время <u>трачу</u>, мне нужно спешить.</p>	<p>Nói thật, tôi <u>mất</u> nhiều thì giờ rồi, tôi bận lắm.</p>
<p>Позвольте еще спросить: ведь эти души, я <u>полагаю</u>, вы <u>считаете</u> со дня подачи последней ревизии?</p>	<p>Cụ cho phép một câu hỏi nữa: số nông phu ấy, cụ <u>kể</u> từ lần khai dân số trước, có phải không ạ?</p>
<p>Так вот он теперь и <u>соболезнует!</u></p>	<p>Tại sao mà hắn <u>cứ phàn nàn</u> với tôi?</p>
<p>Я не <u>знаю</u>, как священники-то не <u>обращают</u> на это внимание.</p>	<p>Nhưng <u>chẳng</u> hiểu tại sao mà không có ai nhắc chúng nó phải biết điều.</p>

<i>Бес у тебя в ногах, что ли, чешется?</i>	<i>Thong thả, đồ ngốc; chạy đi đâu đấy? Quí ám mày à</i>
<i>А как вы покупаете, на чистые?</i>	<i>Tiền mặt?</i>
<i>Потому что вижу – почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия.</i>	<i>Vì thấy một người trung hậu mà sa sút vì lòng tốt của mình, tôi thật quá thương tâm.</i>
<i>А что, вы уж собираетесь ехать?</i>	<i>Ông muốn đi à?</i>
<i>Да, поздравляю вас: оборок более не носят. – Как не носят?</i>	<i>Nhân tiện, em mừng chị; bây giờ chẳng ai mặc váy viền đấng ten nữa! – Sao, không mặc nữa à?</i>
<i>Ну уж это просто: признаюсь! – Именно, это уж, точно, признаюсь.</i>	<i>Thế thì quá lắm đấy, tôi nói thật. – Đúng thế, quá lắm thật!</i>
<i>Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу, это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление ... вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.</i>	<i>Không, Xôfia Ivanôpna ạ, mặc chị nói gì thì nói, em chẳng nghe nữa đâu... Thế là vô cớ chị làm nhục em đấy... Rõ ràng là tình bạn của em làm chị khó chịu; rõ ràng như thế; và chị muốn tuyệt giao.</i>
<i>Что ж я так</i>	<i>Chẳng biết tôi</i>

<i>сизжу перед вами.</i>	<i>nghĩ cái gì thế này?</i>
<i>Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы <u>полагаете</u>.</i>	<i>Không phải đâu, Anna Grigôrievna ạ; chị chưa <u>đoán ra</u>!</i>
<i>Я, <u>признаюсь</u>, тут ровно ничего не <u>понимаю</u>.</i>	<i>Cũng lạ thật ... việc nông phu chết này nghĩa là thế nào?</i>
<i>А муж мой еще <u>говорит</u>, что Ноздрев <u>врет</u>.</i>	<i>Thế mà em <u>cứ cho</u> là Nôzđriôp nói nhảm, chẳng đâu vào đâu.</i>
<i>Но только, воля ваша, здесь не мертвые души, здесь <u>скрывается</u> что-то другое. – Я, <u>признаюсь</u>, тоже, – А что ж, вы <u>полагаете</u>, здесь <u>скрывается</u>? – Ну, как вы <u>думаете</u>? – Как я <u>думаю</u>?.. Я, <u>признаюсь</u>, совершенно потеряна.</i>	<i>Dù thế nào đi nữa, những nông phu chết ấy cũng <u>che giấu</u> một cái gì đây. Em cũng nghĩ thế. – Thế chị nghĩ là chúng che giấu cái gì? – Còn chị, chị nghĩ thế nào? – Em ấy à?... Em thì hoàn toàn xin <u>chịu</u>.</i>
<i>Ах, что вы это <u>говорите</u>, Софья Ивановна! – ... Я с изумленьем на вас <u>гляжу</u>!</i>	<i>Ôi, chị <u>nói</u> gì vậy. – Em thật lấy làm lạ quá!</i>
<i>Да я не <u>говорю</u> об вас, как будто, кроме вас, никого нет.</i>	<i>Nhưng em có định <u>nói</u> chị đâu; ở đời có phải chỉ có mình chị đâu.</i>

<p><i>Мне нечем тебя кормить, я, – можете представить себе, – сам едва достаю хлеб.</i></p>	<p><i>Tôi chẳng có gì mà nuôi anh; tôi ấy à, thử tưởng tượng xem, chỉ <u>kiếm được</u> tạm đủ cho mình tôi là may rồi!</i></p>
<p><i>Работать не могу, <u>осмеливаюсь</u> просить монаршей милости.</i></p>	<p><i>Tôi không thể làm được việc nữa; tôi <u>xin</u> trợ cấp của Hoàng thượng.</i></p>
<p><i>У меня Мокий Кифович вот тут <u>сидит</u>, в сердце!</i></p>	<p><i>Chính đây, vâng, chính quả tim này là nơi tôi <u>đặt</u> Mókii Kifôvits!</i></p>
<p><i><u>Прошу</u> смотреть на него.</i></p>	<p><i>Nhìn ông ta ngự giữa những kẻ tùy thuộc.</i></p>
<p><i>Когда он <u>сидит</u> среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь! Гордость и благородство, и уж чего не <u>выражает</u> лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! <u>Высматривает</u> орлом, <u>выступает</u> плавно, мерно.</i></p>	<p><i>Nhìn ông ta <u>ngự</u> giữa những kẻ tùy thuộc: sự khiếp sợ làm chúng ta không dám hé môi, mặt ông ta <u>đầy</u> vẻ cao quý, tự kiêu và còn những gì gì nữa, lạ Chúa! Ông ta có thể đường đường là một Prômêthêux. Về ngoài uy nghiêm biết bao, dáng đi đường bệ biết bao! Thật là một con đại bàng.</i></p>
<p><i><u>Гуляет</u> шумно и весело ... Цветы и ленты на шляпе, вся</i></p>	<p><i>Có thể hẳn ... <u>đang</u> đi đi, lại lại ... ồn ào vui vẻ ... bọn bạn đồng thuyền <u>đang</u> <u>náo</u></i></p>

<p><u>веселится</u> <i>бурлацкая ватага ...</i> <u>кипит</u> вся площадь, а носильщики ... с шумом <u>сыплют</u> горох и пшеницу в глубокие суда, <u>валят</u> кули с овсом и крупой, и далеке <u>виднеют</u> по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно <u>выглядывает</u> весь хлебный арсенал.</p>	<p><u>nhiet</u> ... <u>kich</u> lên lưng tới những chín đầu hay tiểu mạch rồi âm ỹ đem <u>đổ</u> xuống lòng những chiếc sà lan sâu; những kiện kiện mạch và bột sáy ngổn ngang trên bến.</p>	
<p><u>Вижу</u> тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя <u>вижу</u>.</p>	<p>Từ phương xa kỳ ảo này, ta <u>thấy</u> nước Nga.</p>	
<p>... как точки, как значки, не приметно <u>торчат</u> среди равнин невысокие твои города; ничто не <u>обольстит</u> и не <u>очарует</u> взора. Но какая же непостижимая, тайная сила <u>влечет</u> к тебе? Почему <u>слышится</u> и <u>раздается</u> немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине</p>	<p>Quanh hii trong cảnh đơn điệu; khắp nơi người đều như thế; như những cái chấm, cái vết không <u>nhìn</u> thấy được, những thành phố thấp thỏi của người <u>lấn</u> vào các đồng bằng. Chẳng có gì <u>làm xiêu lòng</u>, <u>làm đẹp mắt</u> người ta cả. Nhưng mà sức mạnh huyền bí nào <u>thu hút</u> ta đến với người? Tại sao <u>vang</u> lên không dứt bên tai ta khúc ca ai oán, văng vẳng từ biển nọ tới biển kia, khắp nơi trên</p>	

<p>твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что <u>зовет</u>, и <u>рыдает</u>, и <u>хватает</u> за сердце? Какие звуки болезненно <u>лобзают</u>, и <u>стремятся</u> в душу, и <u>вьются</u> около моего сердца? Русь! чего же ты <u>хочешь</u> от меня? какая <u>непостижимая</u> связь <u>таится</u> между нами? Что <u>глядишь</u> ты так ...</p>	<p>không gian bao la? Có cái gì trong khúc hát ấy? Cái gì <u>kêu gọi</u>, và <u>thôn thức</u>, và <u>thít chặt</u> lấy tim ta? Những âm thanh nào <u>len lỏi</u>, như một cái <u>vuốt ve</u> đau đớn, vào tận hồn ta, và <u>âm ảnh</u> hồn ta khôn dứt?</p> <p>Nước Nga! Người <u>muốn</u> gì ở ta? Sợi dây khó hiểu nào đã <u>ràng buộc</u> chúng ta với nhau? Có gì mà người lại nhìn ta như thế?</p>	
<p>И еще, полный недоумения, неподвижно <u>стою</u> я.</p>	<p>Lưỡng lự, ta <u>đứng yên</u>.</p>	
<p>Кони <u>мчатся</u> ... как <u>соблазнительно</u> <u>крадется</u> дремота и <u>смежаются</u> очи, и уже сквозь сон <u>слышатся</u> и «Не белы снеги».</p>	<p>Ngựa <u>phóng như bay</u>... Một thứ <u>buồn ngủ</u> dễ chịu làm ta <u>nửa mê, nửa tỉnh</u>; mắt <u>nhắm lại</u>, ta <u>nghe như qua giấc mơ</u> tiếng người đánh xe trạm hát bài <u>Tuyết không trắng</u>.</p>	
<p>Косяками <u>пересекают</u> их черные, как уголь, тени; <u>подобно сверкающему металлу</u> <u>блистают</u> вкось <u>озаренные</u> деревянные крыши, и нигде ни души –</p>	<p>Được <u>chiếu chên</u> chéch như vậy, các mái nhà bằng gỗ <u>sáng lên</u> một ánh kim; chẳng còn một ai nữa; mọi người đều <u>ngủ</u>. Chỉ <u>le lói</u> một ánh sáng cô đơn ở một cửa sổ nào đó: có lẽ là một người</p>	

<p>все <u>спит</u>. Один-одиношенок, разве где-нибудь в окошке <u>брезжит</u> огонек: мещанин ли городской <u>тачает</u> свою пару сапогов, пекарь ли <u>возится</u> в печурке – что до них? А ночь! небесные силы! какая ночь <u>совершается</u> в вышине! ... Но <u>дышит</u> свежо в самые очи холодное ночное дыхание и <u>убаюкивает</u> тебя, и вот уже <u>дремлешь</u> и <u>забываешься</u>, и <u>храпишь</u>, и <u>ворочается</u> сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный, притиснутый в углу сосед.</p>	<p>dân phố nào đấy đang <u>khâu</u> lại đôi ủng hay là một người thợ bánh mì đang <u>đun</u> lò; điều đó không quan trọng ... Nhưng khi lạnh ban đêm <u>thối</u> vào mặt bạn, khẽ <u>ru</u> bạn và bạn đã lại <u>lịm</u> dần, rồi bắt đầu ngáy; và cái người vô phúc ngồi bên cạnh, lại bị ép vào góc xe; hẳn <u>ngáp</u> thở khò khè và <u>càu</u> nhàu, <u>bức</u> bối thấy một sức nặng đè lên mình.</p>
<p>Верста с цифрой <u>летит</u> тебе в очи; <u>занимается</u> утро ... свежее и жестче <u>становится</u> ветер.</p>	<p>Một cái cột chỉ con số verxta <u>vút</u> qua dưới mắt bạn; trời <u>bắt</u> đầu sáng ... gió <u>thối</u> đã buốt hơn.</p>
<p>«Полегче!» – <u>слышится</u> голос, телега <u>спускается</u> с кручи.</p>	<p>Một tiếng ai kêu: «Từ từ, từ từ!». Chiếc <u>têlêga</u> đang <u>xuống</u> một cái dốc</p>

	<i>đúng.</i>
<i>Как звезда, <u>блестит</u> в стороне крест сельской церкви.</i>	<i>Chiếc thánh giá của ngôi nhà thờ <u>sáng</u> ngời lên như một vì sao.</i>
<i>Автор <u>признается</u>, этому даже рад, находя, таким образом, случай поговорить о своем герое.</i>	<i>Tác giả lấy thế làm mừng, xin <u>thú thật</u> như vậy, vì được cơ hội để nói ít nhiều về nhân vật của mình.</i>
<i>Вы <u>боитесь</u> глубоко устремленного взора, вы <u>страшитесь</u> сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы <u>любите</u> скользнуть по всему недумаящими глазами.</i>	<i>Các anh <u>sợ</u> một cái nhìn sắc sảo; chính các anh <u>sợ</u> phải thám sát sự vật sâu sắc; các anh <u>thích</u> đi lướt qua tất cả mọi vật với đôi mắt trống rỗng chẳng có chút tư tưởng nào.</i>
<i>И сам <u>летишь</u>, и все <u>летит</u>: <u>летят</u> версты, <u>летят</u> навстречу купцы на облучках своих кибиток, <u>летит</u> с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, <u>летит</u> вся дорога невесть куда в</i>	<i>Ta <u>bay</u> và tất cả mọi vật cũng <u>bay</u> như ta; các cột chỉ verxta đều <u>bay</u>, những gã lái buôn ta gặp, ngời trên thành xe kibitka cũng <u>bay</u>; rìng hai bên đường cũng <u>bay</u> với những hàng cây tùng, cây bách âm u với những tiếng rìu bổ và tiếng quạ kêu; tất cả những gì trên đường trường đều <u>bay</u> và mắt</i>

<p>пропадающую даль ... только небо над головой, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни <u>кажутся</u> недвижны.</p>	<p>hút vào nơi xa xăm ... chỉ có bầu trời, những đám mây nhẹ và mảnh trắng đi qua những đám mây ấy là <u>trông</u> còn đứng yên mà thôi.</p>	
<p>И вон уже видно вдали, как что-то <u>пылит</u> и <u>сверлит</u> воздух.</p>	<p>Và, từ xa, chỉ còn thấy như một vật <u>lao xuyên qua</u> không khí.</p>	
<p>Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка <u>несешь</u>? Дымом <u>дымится</u> под тобою дорога, <u>гремят</u> мосты, все <u>отстает</u> и <u>остаётся</u> позади ... Вихри ли <u>сидят</u> в ваших <u>гривах</u>? Чуткое ли ухо <u>горит</u> во всякой вашей жилке? ... И <u>мчится</u> вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж <u>несешь</u> ты? дай ответ. Не <u>даёт</u> ответа. Чудным звоном <u>заливается</u> колокольчик; <u>гремит</u> и <u>становится</u> ветром разорванный в куски воздух; <u>летит</u> мимо</p>	<p>Và người, nước Nga, chẳng phải người cũng <u>bay vút lên</u> như một chiếc <u>trôiika</u> mãnh liệt, không ai có thể vượt được? Người đi qua, dậm trường bụi <u>cuốn</u> mịt mù; những chiếc cầu <u>kêu răng rắc</u>; mọi vật bị <u>bỏ lại, nằm</u> <u>lại đằng sau</u> người! ... Những cơn gió lốc nào <u>thổi tung bay</u> bóm của các người? Cái tai rất thính nào <u>ấn</u> trong mỗi một mạch máu li ti của các người ... Nước Nga, người <u>bay đi đâu</u>? Hãy trả lời ta. Không hề có câu trả lời. Tiếng nhạc ngựa nghe <u>vẫn</u> du đương; không khí <u>bị xé</u> <u>tan</u>, âm âm như tiếng sấm, và chuyển thành gió; tất cả những gì ở trên trần thế đều <u>bị bỏ</u></p>	

<i>все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.</i>	<i>lại sau; và với một cái nhìn thềm thường, các dân tộc rẽ ra, nhường lối cho nước Nga.</i>	
--	--	--

1.3. Передача значения многократности действия

Оригинал	Перевод	Комментарии
<p>Купцы по торговым дням <u>приходили</u> сюда сам-шест и сам-сем испивать свою известную пару чаю.</p>	<p><i>Các ông lái sỏ tại, những ngày phiên chợ, thường kéo năm, kéo bảy, đến đây <u>uống trà.</u></i></p>	<p>В этих примерах средства выражения аспектуальных значений во вьетнамском языке хорошо видны. НСВ часто передается маркерами частотности и привычности (<i>thường, vẫn</i>), наречиями длительности (<i>suốt, liên miên</i>), а также повтором глаголов (<i>chạy đi, chạy lại</i> – «бегал туда-сюда», <i>nóng nảy, nóng nảy</i> – «горячий, вспыльчивый»).</p>
<p>Та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые <u>прыгали</u> и <u>звенели</u> всякий раз, когда половой <u>бегал</u> по истертым клеенкам.</p>	<p><i>Cũng vẫn bộ đèn treo với vô số những chuỗi thủy tinh lòng thông, cứ nhảy lên và kêu lạnh canh mỗi lần người hầu <u>chạy đi, chạy lại.</u></i></p>	<p>Обобщенный субъект выражается безличными конструкциями (<i>người ta, mọi người, các ông</i>), что соответствует неопределенному русскому действующему лицу: «вносили пожитки» → <i>người ta mang hành lý vào</i>. Пассивные значения оформляются с помощью <i>được</i> и <i>bị</i>, а временные рамки - конструкциями типа <i>từ khi... đến khi...</i></p>
<p>На что половой, по обыкновению, <u>отвечал</u>: «О, большой, сударь, мошенник».</p>	<p><i>Đáp lại câu hỏi sau cùng, người hầu <u>trả lời như thường lệ.</u> «Ồ, thưa ngài, đúng đấy ạ, một tên chúa xỏ lá!»</i></p>	<p>Фоновые действия и</p>
<p>Расспросил обо всех значительных помещиках: какого даже характера и как часто <u>приезжает</u> в город.</p>	<p><i>Khách lại hỏi đến các trang chủ khá giả quanh vùng: có <u>hay lên</u> tình không, tính tình họ thế nào?</i></p>	
<p>В приемах своих господин <u>имел</u> что-то солидное и <u>высмаркивался</u> чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это <u>делал</u>, но только нос его <u>звучал</u>, как труба.</p>	<p><i>Trong phòng khách, khách có vẻ một vẻ ung dung, <u>đĩnh đạc</u> và <u>xỉ mũi</u> rất kêu: tôi không biết y <u>làm thế nào</u> mà <u>xỉ mũi</u> được như vậy, chỉ biết là cái mũi <u>kêu vang lên như cái kèn đồng.</u></i></p>	
<p>Он всякий раз, когда <u>слышал</u> этот звук, <u>встряхивал</u> волосами, <u>выпрямливался</u></p>	<p><i>Gã người hầu cứ mỗi lúc nghe tiếng xỉ mũi kia là <u>hấn lại</u> <u>lắc lắc</u> mái tóc bờm xòe, <u>lấy</u> <u>dáng điệu</u> cung</i></p>	

<p>почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, <u>спрашивал</u>: не нужно ли чего?</p>	<p><i>kính hơn nữa và cúi đầu hỏi: «Ngài dùng gì ạ?»</i></p>	<p>хаотичность передаются парными или редуцированными глаголами (<i>lắc lắc, chạy đi, chạy lại, qua lại</i>), создающими эффект непрерывности. Таким образом, русский вид в этих фрагментах точно отражается во вьетнамском через систему частотных и временных маркеров, глаголы направления, контекст и синтаксические конструкции.</p>
<p>Был большой добряк и даже сам <u>вышивал</u> иногда по тюлю.</p>	<p><i>Nhưng vốn ngài là một người hiền từ, đôi khi lại còn thích tự tay <u>thêu</u> <u>thùa</u> lên vải tuyn nữa kia.</i></p>	<p>«Купцы по торговым дням приходили...» - НСВ</p>
<p>Разговор его в <u>таких случаях</u> <u>принимал</u> несколько книжные обороты.</p>	<p><i>Mà có nói chẳng cũng dùng toàn những lời khách sáo và <u>nói</u> với một giọng rất sách vở.</i></p>	<p>→ <i>thường kéo năp, kéo bảy</i>, где <i>thường</i> указывает на регулярность, а повтор глагола (<i>kéo... kéo...</i>) передает множественность.</p>
<p>А председатель <u>приговаривал</u>: «А я его по усам! А я ее по усам!» Иногда при ударе карт по столу <u>вырывались</u> выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!»</p>	<p><i>Và ông chánh án <u>đáp</u> <u>lời</u> ngay: “còn tôi thì tôi vặt râu nó đi, vặt râu nó đi”. Có lúc, nóng nảy, các tay chơi quật bài xuống và <u>kêu</u> <u>lên</u>: “Ra sao thì ra, không có gì khác thì tấn công bằng quân rô vậy!”</i></p>	<p>«Стеклышки прыгали и звенели...» - НСВ процессов → <i>cứ nháy lên và kêu lanh canh</i>, <i>cứ</i> = многократность, постоянство.</p>
<p>По окончании игры <u>спорили</u>, как <u>водится</u>, довольно громко.</p>	<p><i>Canh bạc tàn thì như thường lệ, <u>nổi</u> <u>lên</u> một cuộc cãi nhau khá ồn ào.</i></p>	<p>«Отвечал, по обыкновению...» - НСВ привычки → <i>trả lời như thường lệ, như thường lệ</i></p>
<p>Он всякий раз <u>подносил</u> им всем свою серебряную с финифтью табакерку.</p>	<p><i>Cứ nói mỗi câu là y <u>lại</u> <u>chìa</u> về phía mọi người một hộp thuốc lá bằng bạc tráng men.</i></p>	<p>→ <i>trả lời như thường lệ, như thường lệ</i></p>
<p>Помещик Манилов ... имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда <u>смеялся</u>, был от него без памяти.</p>	<p><i>Manilôp, người còn trẻ, đôi mắt hiền hậu ngọt như đường mỗi khi <u>cười</u> là lại nheo nheo, thì say mê Tsitsikôp như điều đó.</i></p>	<p>→ <i>trả lời như thường lệ, như thường lệ</i></p>
<p><u>Шла</u> ли речь о лошадином заводе, он <u>говорил</u> и о лошадином</p>	<p><i><u>Nói</u> chuyện trại nuôi ngựa <u>chăng</u>, thì y <u>nói</u> về trại nuôi ngựa; <u>nói</u> về chó săn u,</i></p>	<p>→ <i>trả lời như thường lệ, như thường lệ</i></p>

<p>заводе; <u>говорили ли</u> о хороших собаках, и здесь он <u>сообщал</u> очень дельные замечания ... было ли рассуждение о бильярдной игре – и в бильярдной игре не <u>давал</u> он промаха; <u>говорили ли</u> о добродетели, и о добродетели <u>рассуждал</u> он очень хорошо ... об выделке горячего вина, и в горячем вине <u>знал</u> он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, и о них он <u>судил</u> так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком.</p>	<p>у <u>cũng lại nhẹ nhàng đưa ra</u> vài nhận xét đúng đắn ... tranh luận về bi-a, về rượu pons <u>chăng</u>, y lại là một tay thạo bi-a và rượu pons; <u>nói đến đức hạnh thì y <u>rom róm nước mắt</u></u>; đến thuế quan, thì y tựa hồ một tay thu thuế lão luyện.</p>	<p>отражает регулярность. «Расспросил обо всех...» - СВ завершенности → нейтральный глагол <u>hỏi đến</u>, результат в контексте. «Высмаркивался чрезвычайно громко» - НСВ повторяемости → <u>xi mũi rất kêu</u>, добавлен показатель интенсивности <u>rất</u>. «Всякий раз, когда слышал звук...» - НСВ повторяемости → <u>cứ mỗi lúc nghe... là lại...</u>, связка <u>cứ... là lại</u> = каждый раз. «Иногда... говорил он...» - НСВ → <u>thình thoảng... nghĩ...</u>, <u>thình thoảng</u> = эпизодичность. «Игра оканчивалась спором...» - СВ завершенности → <u>canh bạc tàn thì...</u>, слово <u>tàn</u> = конец действия. «Всякий раз подносил табакерку» - НСВ → <u>cứ nói mỗi câu là y lại chia...</u>, <u>cứ... là lại</u> = повторяемость. «Щуривший глаза каждый раз...» - НСВ → <u>mỗi khi... là lại...</u>, формула регулярности. «Говорили ли о собаках...» -</p>
<p>Собакевич ... <u>редко</u> отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны.</p>	<p>Xôbakiêvits ... <u>thường chẳng mấy khi nói</u> tốt cho ai.</p>	
<p>... одного оброку <u>приносил</u> по пятисот рублей.</p>	<p>Năm ít, năm nhiều, <u>vẫn gửi</u> cho tôi năm mươi rúp tiền tô.</p>	
<p>А я <u>всегда</u> предполагала.</p>	<p>Còn em, em <u>chẳng nghi ngờ một chốc lát nào</u> cả.</p>	
<p>Когда приказчик <u>говорил</u>: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», – «Да, недурно», – <u>отвечал</u> он <u>обыкновенно</u>. – «Да, именно недурно», – <u>повторял</u> он. Когда <u>приходил</u> к нему мужик</p>	<p>Khi người quản lý <u>nói</u>: «Nên làm thế này hay thế nọ» thì chàng <u>thường trả lời</u>: «Cũng được đấy». – «Ừ, ừ được đấy!» chàng <u>nhắc lại</u>. Khi một nông nô <u>đến gặp</u> chàng và vừa <u>gãi gáy</u> vừa <u>xin phép</u> nghỉ ít lâu để đi kiếm tiền nộp tô, thì</p>	<p>«Щуривший глаза каждый раз...» - НСВ → <u>mỗi khi... là lại...</u>, формула регулярности. «Говорили ли о собаках...» -</p>

<p>и, почесавши рукою затылок, <u>говорил</u>: «Барин, <u>позволь</u> отлучиться на работу, дать заработать», – «Ступай», – <u>говорил он</u>, куря трубку, и ему даже в голову не <u>приходило</u>, что мужик шел пьянствовать.</p>	<p><i>chàng vừa ngậm tẩu vừa nói: «Được, được» và chàng cũng chẳng hề nghĩ rằng cái anh chàng khôn nạn chỉ muốn chề chén.</i></p>	<p>параллелизм НСВ → <i>nói chuyện... thì y nói...</i>, структурный повтор создает фон. «Редко отзывался хорошо...» - НСВ → <i>thường chẳng mấy khi</i>, где <i>thường</i> + отрицание = редкая привычность. «Все время посылал по пятьсот рублей» - НСВ → <i>vẫn gửi...</i>, <i>vẫn</i> = продолжающаяся регулярность.</p>
<p>Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, <u>говорил он</u> о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома ... При этом глаза его <u>делались</u> чрезвычайно сладкими и лицо <u>принимало</u> самое довольное выражение; <u>впрочем</u>, все эти прожекты так и <u>оканчивались</u> только одними словами.</p>	<p>Thỉnh thoảng, đứng trên tam cấp trước nhà, nhìn sân và ao, chàng <u>nghĩ nên làm một con đường hầm từ nhà xuống làng ...</u> <u>Bấy giờ đôi mắt chàng <u>diu dàng</u> hết sức, vẻ mặt chàng <u>sung sướng</u>, <u>tự tại hết sức</u>. <u>Tất cả những dự định ấy chỉ là lời nói hão.</u></u></p>	<p>«Я всегда предполагала» - НСВ → <i>chẳng nghĩ ngờ...</i>, отрицательная форма, привычка в значении уверенности. «Повторял: да, именно недурно» - НСВ → <i>nhắc lại</i>, процесс повторения. «В голове не приходило» - НСВ → <i>chẳng hề nghĩ</i>, выражает длительное незнание. «Все оканчивалось словами» - СВ → <i>chỉ là lời nói hão</i>, завершенность через <i>chỉ là</i>.</p>
<p>В его кабинете всегда <u>лежала</u> какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице.</p>	<p><i>Trong buồng làm việc, chàng giữ cuốn sách có cái chốt đánh dấu trang 14.</i></p>	<p>«В кабинете всегда лежала книга» - НСВ → <i>giữ cuốn sách</i>, статив, с маркером <i>vẫn</i> при продолжении.</p>
<p>Хозяин в продолжение нескольких лет <u>всякий раз</u> <u>предостерегал</u> своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы».</p>	<p><i>Và từ bao nhiêu năm nay, tiếp ai chủ nhà vẫn phải dẫn khách: «Xin đừng ngồi lên cái ghế đó, vì chưa kịp bọc lụa».</i></p>	<p>«Всякий раз</p>
<p>Чуткий нос его</p>	<p><i>Cách hàng chục</i></p>	<p>«Всякий раз</p>

<p><u>слышал</u> за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновение ока был там, <u>спорил</u> и <u>заводил</u> сумятицу за зеленым столом.</p>	<p><i>verxta mà đâu có chợ phiên, vũ hội, họp mặt là hẳn <u>đều</u> <u>đánh hơi biết cả</u>; hẳn liền bỏ đến <u>cãi cọ</u>, <u>làm như vũ bão</u> quanh tằm thắm xanh.</i></p>	<p>предостерегал гостя» - НСВ → <i>từ bao nhiêu năm nay... vẫn phải dặn khách, vẫn</i> + повторение = постоянство. «Слышал за несколько десятков верст» - НСВ → <i>đánh hơi biết</i>, процесс восприятия,</p>
<p>Потому игра весьма часто <u>оканчивалась</u> другою игрою: или <u>поколачивали</u> его сапогами, или же <u>задавали передержку</u> его густым и очень хорошим бакенбардам, так что <u>возвращался</u> домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой ... бакенбарды скоро <u>вырастали</u> вновь, еще даже лучше прежних ... он чрез несколько времени уже <u>встречался</u> опять с теми приятелями, которые его <u>тузили</u>, и <u>встречался</u> как ни в чем не бывало.</p>	<p><i><u>Thường thường</u>, canh bạc kết thúc bằng một trận đò; người ta <u>đá</u> hẳn bằng chân ứng đến như tử; người ta <u>vắt râu má rậm rạp</u> của hẳn và <u>về</u> đến nhà thì râu hẳn chỉ còn có một bên và <u>nom khá thắm hại</u> ... râu lại <u>mọc lên</u> nhanh chóng và <u>rậm rạp hơn</u> trước ... tức khắc sau đó hẳn <u>lại tìm gặp</u> các bạn đã <u>quát</u> hẳn như đò, như là chẳng có việc gì xảy ra cả.</i></p>	<p>регулярность через контекст. «Игра оканчивалась дракой» - СВ → <i>kết thúc bằng một trận đò, kết thúc</i> - явный маркер конца. «Редко случалось» - НСВ → <i>ít khi...</i>, показатель низкой частотности. «Чем ближе, тем скорее...» - НСВ → повторные действия без маркеров, регулярность через параллельную структуру. «Редко довозил домой...» - НСВ → <i>ít khi...</i>, как выше.</p>
<p>Какая-нибудь история непременно <u>происходила</u>.</p>	<p><i><u>Bao giờ cũng</u> có việc gì đấy <u>xảy ra</u> cho hẳn.</i></p>	<p>«Четверня гналась...» - СВ → <i>gán nốt</i>, лексема с итоговым значением.</p>
<p>Чем кто ближе с ним <u>сходил</u>, тому он скорее всех <u>насаживал</u>: <u>распускал</u> небылицу, глупее которой трудно выдумать, <u>расстроивал</u></p>	<p><i>Bạn càng <u>thân</u> với hẳn, hẳn càng <u>chơi</u> bạn <u>lắm</u> <u>vố hiểm</u>; hẳn <u>đồn đại</u> về bạn những điều <u>độc ác</u>, <u>làm cho</u> bạn <u>nhỡ một cuộc hôn nhân</u>, <u>hỏng một việc kinh doanh</u></i></p>	<p>«Известно, что есть много лиц...» - НСВ → <i>tạo hóa...</i>, процесс описан без маркеров, фоновость выражена контекстом.</p>

<p>свадьбу, торговую сделку и вовсе не <u>почитал</u> себя вашим <u>неприятелем</u>; напротив, если случай <u>приводил</u> его опять <u>встретиться с вами</u>, он <u>обходился</u> вновь <u>подружески</u> и даже <u>говорил</u> ...</p>	<p>mà vẫn không <u>cho rằng</u> hẳn là kẻ thù của bạn. Trái lại, sau đấy mà gặp bạn là hẳn liền <u>vồn vã</u>, <u>trách</u> bạn rằng ...</p>	<p>«Дворня часто жаловалась...» - НСВ → <u>thường kêu</u>, <u>thường</u> = регулярность. «Отец обычно отвечал...» - НСВ → <u>thường đáp lại</u>, тот же маркер. «Всегда находил много любопытного...» - НСВ</p>
<p>Впрочем, <u>редко</u> <u>случалось</u>, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день <u>спускалось</u> оно все другому, счастливейшему игроку, <u>иногда</u> даже <u>прибавлялась</u> собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в <u>другой раз</u> и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин <u>отправлялся</u> в коротеньком сюртучке или архалуке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем.</p>	<p><u>Những vật ấy, ít khi</u> hẳn mang được về đến nhà, <u>thường là gán nợ</u> ngay ngày hôm ấy cho một tay cờ bạc gặp may hơn hẳn, <u>gán luôn cả túi thuốc lá và cái tẩu</u> - rồi <u>ngày hôm sau lại</u> gán nốt bốn con ngựa với cỗ xe và gã xà ích. Thế là, chỉ còn trần một chiếc caftan ngắn, hẳn <u>chạy đi tìm một người bạn xin về nhờ xe</u>.</p>	<p>→ <u>tìm thấy khắp nơi</u>, повторяемость через контекст. «Все останавливалось и поражало» - НСВ → <u>đều làm cho tôi say sưa ngất nghia</u>, процесс. «Теперь равнодушно подъезжаю...» - НСВ → <u>vẫn đứng đưng</u>, <u>vẫn</u> = неизменное состояние. «Сколько раз я хватался...» - НСВ → <u>đã biết bao phen</u>, эпизодичность через <u>biết bao</u>. «Беспрестанно мешали...» - НСВ → <u>lúc nào cũng bị ngăn trở, lúc nào cũng</u> = постоянство.</p>
<p>Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не <u>употребляла</u> никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков</p>	<p><u>Bỏ hết dũa, khoan và mọi công cụ chính xác khác</u>, tạo hóa <u>tạo những bộ mặt ấy chỉ bằng dao quắm</u>; một nhát là thành cái mũi, một nhát nữa thành đôi môi; hai nhát đục kéch xù là khoét xong hai bông mắt, rồi</p>	

<p>и прочего, но просто <u>рубил</u> со своего плеча: <u>хватила</u> топором раз – вышел нос, <u>хватила</u> в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, <u>пустила</u> на свет, сказавши: «Живет!»</p>	<p>không thèm trau chuốt gì nữa, tạo hóa <u>ném</u> chúng ra giữa thiên hạ và nói: “Thế này là được lắm rồi!”</p>	
<p>Что вот-де, так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью <u>жертвовал</u>, <u>проливал</u> кровь.</p>	<p>Vì thật ra, trong một chừng mực nào đó, hắn đã <u>đổ máu</u>, <u>hy sinh</u> đời mình.</p>	
<p>Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич, – <u>говорила</u> отцу и своя и чужая дворя ... – Да, шаловлив, шаловлив, – <u>говорил</u> <u>обыкновенно</u> на это отец.</p>	<p>Tôi tớ trong nhà và quanh vùng <u>thường kêu</u> với ông bố rằng ... – Vâng, nó nóng nảy, nóng nảy lắm, ông bố <u>thường đáp lại</u> thế.</p>	
<p>Все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, – любопытного много <u>открывал</u> в нем детский любопытный взгляд.</p>	<p>Thôn xóm, làng mạc, thị trấn hay lỵ sở tôi tàn của một tổng là lòng tôi hân hoan – con mắt trẻ thơ của tôi <u>tìm thấy</u> khắp nơi những đối tượng để thỏa tính hiếu kỳ.</p>	
<p>Всякое строение, все, что <u>носило</u> только на себе <u>напечатленье</u> какой-нибудь заметной особенности, – все <u>останавливало</u> меня и <u>поражало</u>.</p>	<p>Mỗi một tòa nhà, mỗi một đồ vật <u>có</u> chút gì đặc sắc, <u>đều</u> làm cho tôi <u>say sưa ngắm</u> <u>nghe</u>.</p>	
<p>Теперь</p>	<p>Bây giờ thì có <u>đến</u></p>	

<p>равнодушно <u>подъезжаю</u> ко всякой <u>незнакомый</u> деревне и равнодушно <u>гляжу</u> на ее пошлую наружность ... мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то <u>скользит</u> теперь мимо, и безучастное молчание <u>хранят</u> мои недвижные уста.</p>	<p>những trang áp mới lạ nào, lòng tôi vẫn đứng đưng. Tôi <u>nhìn</u> với con mắt rầu rĩ cái vẻ tầm thường, vô vị đến ngao ngán; tất cả những gì xưa kia đã làm cho tôi thay đổi sắc mặt, bật ra tiếng cười, tuôn ra những lời nói bất tuyệt, tất cả đều <u>trôi qua</u> trước mắt tôi, mà đôi môi bất động của tôi vẫn lặng yên không xúc cảm.</p>	
<p>Сколько раз, как погибающий и тонущий, я <u>хватался</u> за тебя, и ты всякий раз меня великодушно <u>выносила</u> и <u>спасала!</u> А сколько <u>родилось</u> в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько <u>перечувствовалось</u> дивных впечатлений!</p>	<p>Đã biết bao phen, ôi dậm trường! Như người sắp chết, ta đã <u>bíu</u> vào người và người đã <u>cứu</u> vớt ta cao thượng như cứu kẻ lạc đường, vớt người chết đuối. Người đã <u>gợi</u> cho ta biết bao tư tưởng tốt đẹp, bao giấc mộng nên thơ! Giọng ruỗi dậm trường, ta đã được <u>trái qua</u> biết bao ấn tượng thần tiên!</p>	
<p>Ибо доселе, как читатель <u>видел</u>, ему беспрестанно <u>мешали</u> то Ноздрев, то балы, то дамы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей.</p>	<p>Cho đến nay, bạn đọc cũng thấy đấy, tác giả lúc nào cũng bị <u>ngăn trở</u>, hoặc bởi Nôzđrîôp, hoặc bởi các vũ hội, các phu nhân, các chuyện ngòi lê, đôi mách; hoặc cuối cùng bởi muôn nghìn chi tiết.</p>	

2. Группа случаев отсутствия адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу

2.1. Передача значения постоянности свойства

Оригинал	Перевод	Комментарии
<i>Наружный фасад гостиницы <u>отвечал</u> ее внутренности.</i>	<i>Mặt trước của khách sạn cũng <u>cùng một điều</u> với bên trong tòa nhà:</i>	В данном фрагменте русский вид (СВ/НСВ)
<i>... в два этажа; нижний не был выщекатурен и <u>оставался</u> в темно-красных кирпичиках.</i>	<i>... tầng dưới vách không trát vữa, <u>phô trần</u> những viên gạch đỏ thẫm.</i>	последовательно передается во вьетнамском языке при помощи лексико-синтаксических
<i>В угольной из этих лавочек ... <u>помещался</u> сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне <u>стояло</u> два самовара.</i>	<i>Gian buồng ở góc nhà cạnh cửa sổ là cửa hàng của người bán rượu xbiten <u>ngồi</u> cạnh cái xamôva bằng đồng đỏ; mặt ông ta cũng đỏ như chiếc ấm lò, đến nỗi từ xa nhìn vào, người ta có thể ngỡ là có những hai ấm lò <u>đứng</u> trên cửa sổ.</i>	средств и контекста. НСВ - фоновость, повторяемость и описание - выражается через маркеры регулярности <i>thường, vẫn</i> , а также парные и редуплицированные
<i>Половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором <u>сидела</u> такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу.</i>	<i>Người hầu chạy đi, chạy lại trên tấm vải sơn mơn nhẵn; tay hoa cái khay <u>đựng</u> đầy những tách, chen chúc nhau như một đàn chim trên bờ biển.</i>	глаголы: <i>chạy đi, chạy lại</i> («бегал туда-сюда»), <i>nhìn chằm chặp, nói không to quá, cũng không nhỏ quá</i> , что передает
<i>Сколько кто <u>имеет</u> души крестьян, как далеко <u>живет</u> от города.</i>	<i>Họ có bao nhiêu nông phu họ ở cách tỉnh bao xa.</i>	постепенность и процессуальность. Обобщенные и неопределенные
<i>Сильно <u>била</u> в глаза желтая краска на каменных домах и скромно <u>темнела</u> серая на деревянных.</i>	<i>Màu vàng chói chang của các nhà đá <u>nổi bật</u> bên màu xám <u>khiêm tốn</u> của các nhà gỗ.</i>	субъекты передаются через безличные конструкции <i>người ta, ai, mọi người</i> , а также через пассив с <i>được, bị</i> , как в примере
<i>Местами эти дома</i>	<i>Có chỗ, những ngôi</i>	

<i>казались</i> затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами <i>сбивались</i> в кучу.	<i>nhà này tựa hồ lạc lõng giữa một đường phố rộng thênh thang như một cánh đồng và một dãy hàng rào vô tận; có chỗ lại chen chúc nhau từng cụm.</i>	«người ta có thể ngờ» («можно подумать»). Пространственные и временные значения видимости и изменения
<i>Попадались</i> почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами.	<i>Lác đãc thấy những tấm biển, bị nước mưa xóa gần sạch, vẽ những chiếc bánh khô giòn, những đôi ủng.</i>	выражаются через <i>đang, bắt đầu, cứ mỗi khi... là lại...</i> , а также через описательные сравнения. Например, в предложении
<i>Кое-где</i> просто на улице <i>стояли</i> столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло.	<i>Có nơi thì bàn kê la liệt ngay giữa đường phố, bày hạt hồ đào, xà phòng, những chiếc bánh ngọt thơm nom như những bánh xà phòng con.</i>	«Половой бегал по истертым клеенкам» НСВ движения показан конструкцией <i>chạy đi, chạy lại</i> , а в «Был с почтением у губернатора» СВ - как завершённое действие через простой глагол <i>đeo, được</i> . Таким образом, весь спектр русских видовых значений - процессуальность, повторяемость, завершенность - во вьетнамском
<i>Он</i> заглянул и в городской сад, который <i>состоял</i> из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников ...	<i>Khách liếc nhìn vào khu công viên của thành phố, trông mấy chòm cây gày xác, chống đỡ bằng những cái nạng hình tam giác sơn màu lục.</i>	выражается сочетанием маркеров времени, повторов, описательных глаголов и контекста, что позволяет сохранить точность
<i>Был</i> с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову был ни толст, ни тонок собой, <i>имел</i> на шее Анну.	<i>Cũng như Tsitsikôp, ngài không gầy, nhưng cũng không béo, cổ đeo chiếc huân chương Thánh Anna.</i>	
<i>В</i> разговорах с сими властителями он очень искусно <i>умел</i> польстить каждому.	<i>Tiếp chuyện những nhà cầm quyền, y khéo tâng bốc từng người.</i>	
<i>Имел</i> много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его.	<i>Ra làm việc quan thì tính cương trực làm cho lắm kẻ hiềm thù; có kẻ đã ám hại cả đến tính mạng nữa.</i>	

<p>(Тоненькие) <u>имели</u> так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же <u>говорили</u> по-французски и <u>смешили</u> дам так же, как и в Петербурге.</p>	<p>Cũng như bọn ấy, họ <u>chải</u> bộ râu má rất diêm dúa, hay <u>phô ra</u> những bộ mặt trái xoanạo <u>nhấn thín</u> cũng như bọn ấy, đối với phụ nữ họ <u>có</u> những điệu bộ tự nhiên, tựa hồ lơ đãng và <u>nói</u> những câu chuyện <u>bông đùa</u> nhẹ nhàng bằng tiếng Pháp.</p>	<p>оригинала без морфологических форм. «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности» - НСВ состояния → cùng một điệu, постоянство выражено описательной связкой.</p>
<p>Другой род мужчин <u>составляли</u> толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие.</p>	<p>Hạng thứ hai là những người béo hay không béo, không gầy như kiểu Tsitsikôp.</p>	<p>«Нижний не был выщекатурен и оставался...» - НСВ продолжительности → <u>phô trần, không trát vữa</u> указывают на</p>
<p>Эти, напротив того, <u>косились</u> и <u>пяtilись</u> от дам и <u>посматривали</u> только по сторонам, не <u>расставлял</u> ли где губернаторский слуга зеленого стола для виста.</p>	<p>(Hạng này) thì chẳng <u>để ý đến</u> các bà, các cô cho lắm và <u>lúc nào cũng</u> <u>chăm chú</u> chờ người nội bộc <u>mang</u> bàn đánh bài uyxт ra.</p>	<p>состояние, продолжающееся во времени. «Помещался сбитенщик» - СВ завершенности → là cửa hàng của người bán</p>
<p>Приезжий во всем как-то <u>умел</u> найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он <u>всегда</u> <u>умел</u> поддержать его</p>	<p>Và lại, y thật là một người lịch thiệp vẹn toàn trong giới xã giao. Dù có luận đàm vấn đề gì, y <u>cũng biết</u> làm cho câu chuyện hào hứng.</p>	<p>существование объекта как результат. «Можно бы подумать» - модальность, аспект</p>
<p>Но замечательно, что он все это <u>умел</u> облекать какою-то степенностью, <u>умел</u> хорошо держать себя. <u>Говорил</u> ни громко, ни</p>	<p>Điều đặc biệt là không bao giờ y <u>mất</u> vẻ diêm đạm, trang nghiêm và <u>bao giờ</u> lời ăn tiếng nói <u>cũng</u> rất đung tực. Y <u>nói</u> không to quá, cũng không nhỏ quá, chỉ vừa đủ</p>	<p>выражен через конструкцию người ta có thể ngỡ, где có thể указывает на гипотетичность. «Половой бегал...» -</p>

<i>тихо, а совершенно так, как следует.</i>	<i>nghe.</i>	НСВ повторяемости → <i>chạy đi, chạy lại</i> , парный глагол усиливает фоновое значение.
<i>Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении.</i>	<i>Tôi không được tiếp thu một nền học vấn như của bác mà, có thể nói rằng, mỗi một cử chỉ đều biểu lộ rõ ràng sự lỗi lạc.</i>	«Чашки, как птицы на берегу» - сравнение, НСВ состояния - <i>chen chúc nhau</i> .
<i>Такой искусный кузнец и слесарное мастерство знал.</i>	<i>Nó khéo lắm lại biết làm cả thợ khóa!</i>	«Сколько кто имеет душ крестьян» - статив НСВ → <i>có bao nhiêu</i> , описывает факт владения.
<i>Мог поставить печь в каком угодно доме.</i>	<i>Nó có thể xây lò sưởi trong bất cứ nhà kiểu nào!</i>	«Сильно била в глаза желтая краска» - СВ эффекта → <i>nổi bật</i> , результат восприятия.
<i>Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами.</i>	<i>Con người tóc vàng ấy có đôi mắt xanh, miệng cười mơn trớn và dung mạo tốt tươi.</i>	«Местами казались затерянными...» - НСВ → <i>tựa hồ lạc lõng</i> , процесс восприятия.
<i>Дома он говорил очень мало и большую часть размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно.</i>	<i>Ở nhà, chàng chẳng hề nói năng gì, thường trầm mặc suy nghĩ và họa có Chúa mới biết chàng nghĩ những cái gì.</i>	«Попадались почти смытые дождем вывески» - НСВ → <i>lác đác thấy</i> , передает редкость и фоновость.
<i>В доме его чего-нибудь вечно не доставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стояла весьма недешево; но на два кресла ее не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею.</i>	<i>Đồ dùng trong nhà, chàng không bao giờ sắm đủ. Trong phòng khách đồ đạc khá đẹp đều phủ một thứ lụa quý, trừ hai cái ghế bành, vẫn phủ một lần chiếu thường vì thiếu lụa.</i>	«Был с почтением у губернатора» - СВ факта → <i>ngài không gầy... cổ đeo chiếc huân chương</i> , передает итоговое
<i>Дома он больше дня никак не мог усидеть.</i>	<i>Hắn không bao giờ ở nhà lâu được hai ngày.</i>	
<i>Ибо имел, подобно</i>	<i>Hắn mê cờ bạc, như tất</i>	

<p>всем <i>таковым,</i> страстишку <i>к</i> картишкам.</p>	<p><i>cả mọi kẻ đồng thanh, đồng khí với hẳn.</i></p>	<p>состояние. «В разговорах он умел польстить» - НСВ навыка → <i>khéo tâng bốc</i>, постоянное умение. «Имел много неприятелей» - НСВ → <i>lắm kẻ hiềm thù</i>, состояние наличия врагов. «Тоненькие имели зачесанные бакенбарды» - НСВ → <i>chải bộ râu má</i>, описание признака. «Подседали к дамам» - НСВ → <i>có những điều bộ tự nhiên</i>, привычное поведение. «Говорили по- французски» - НСВ → <i>nói bằng tiếng Pháp</i>, повторяемость через контекст. «Другой род мужчин составляли толстые» - СВ → <i>hạng thứ hai là những người béo</i>, классификация как результат. «Пятились от дам» - НСВ → <i>chẳng để ý đến</i>, нейтральное действие, привычность. «Приезжий умел</p>
<p>Но здоровые и полные щеки его так хорошо были сотворены и <u>вмещали</u> в себе столько растительной силы.</p>	<p><i>Nhưng đôi má hẳn nhiều sinh lực.</i></p>	
<p>Такую же странную страсть <u>имел</u> и Ноздрев.</p>	<p><i>Nózdriôp cũng có cái thói ấy.</i></p>	
<p>Ступнями <u>ступал</u> он и вкривь и вкось и <u>наступал</u> беспрестанно на чужие ноги.</p>	<p><i>Hắn đi lối chữ chì, bước nặng nề và thường giẫm lên chân người khác.</i></p>	
<p>Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: <u>держал</u> он его более вниз, чем вверх, шеей не <u>ворочал</u> вовсе и в силу такого неповорота <u>редко</u> <u>глядел</u> на того, с которым <u>говорил</u>, но <u>всегда</u> или на угол печки, или на дверь.</p>	<p><i>Hình thù thô kệch của Xôbakiêvits đã được tạc ra cầu thả như vậy. Hắn lại thường cúi khom xuống, và không mấy khi hẳn nhìn thẳng người nói chuyện với hắn, mà lúc nào cũng nhìn chằm chằm vào lò sưởi hay vào khung cửa.</i></p>	
<p>Нужно же такое странное сближение: его даже <u>звали</u> Михайлом Семеновичем.</p>	<p><i>Và còn một sự trùng hợp lạ lùng nữa: tên hẳn cũng là Mikkhai Xêmiônôvits.</i></p>	
<p>Лицо его не <u>представляло</u> ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих <i>худощавых</i> стариков, <i>один</i> подбородок <i>только</i> <u>выступал</u> очень далеко <i>вперед ... маленькие глазки</i></p>	<p><i>Mặt lão cũng như mặt của nhiều người già, gầy gò, không có gì đặc biệt; chỉ có cái cằm <u>nhô ra</u> quá mức ... Đôi mắt tí hí còn linh hoạt, <u>chạy</u> dưới hai hàng lông mày cao hình bán nguyệt.</i></p>	

<i>еще не потухнули и <u>бегали</u> из-под высоко выросших бровей.</i>		поддержать разговор» - НСВ навыка → <i>biết làm cho câu chuyện hào hứng.</i>
<i>Назади вместо двух <u>болталось</u> четыре полы, из которых охлопьями <u>лезла</u> хлопчатая бумага.</i>	<i>Sau lưng <u>phát phơ</u> bốn cái đuôi én rách nát để bông <u>độn rơi ra từng tùm.</u></i>	«Умел облекать степенностью» - НСВ → <i>bao giờ lời ăn tiếng nói cũng rất đúng mực,</i> стабильность поведения.
<i>Так и так, ваше превосходительство: <u>проливал</u> кровь, <u>лишился</u>, в некотором роде, руки и ноги.</i>	<i>Ngài cũng thấy <u>đấy</u>, tôi đã <u>đổ</u> máu, có thể nói là <u>mất cả tay, lẫn chân.</u></i>	«Говорил ни громко, ни тихо» - НСВ → <i>nói không to quá, cũng không nhỏ quá,</i> равномерность.
<i>Но, ваше высокопревосходительство о сами <u>можете</u>, в некотором роде, судить, какие средства <u>могу</u> сыскать, не имея ни руки, ни ноги.</i>	<i>Thưa các hạ, kiếm thế nào được; vì có thể nói là tôi không <u>còn cả tay, lẫn chân?</u></i>	«Не мог получить образования» - СВ результата → <i>không được tiếp thu,</i> достижение отсутствует.
<i>Семейством своим он не <u>занимался</u>; существование его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он <u>называл</u>, философическим вопросом.</i>	<i>Không <u>ngó</u> gì đến gia đình; cuộc đời chỉ hướng về việc suy cứu, tư biện; và bận rộn về vấn đề sau này, mà ông ta <u>gọi một cách trịnh trọng</u>, là một vấn đề triết học.</i>	«Мог поставить печь» - модальный СВ → <i>có thể xây lò sưởi,</i> потенциальный результат.
<i>В доме и в соседстве все, от дворовой девки до дворовой собаки, <u>бежало</u> прочь, его завидя.</i>	<i>Trong nhà cũng như quanh vùng, ai thấy anh ta cũng phải <u>chạy trốn</u>, từ chị hầu buồng cho chí con chó giữ nhà</i>	«Дома говорил очень мало и думал» - НСВ → <i>thường trầm mặc suy nghĩ, thường =</i> регулярность.
<i>Что <u>занимаюсь</u> философией да иной раз нет времени, так уж я и не отец?</i>	<i>Vì tôi <u>bận</u> triết học và nhiều khi không có thì giờ, nên không phải là bố nó nữa hay sao?</i>	«Вечно недоставало чего-нибудь» - НСВ → <i>không bao giờ <u>sấm</u> đủ,</i> повторяемость
<i>Чичиков, несмотря</i>	<i>Tsitsikôp vẫn tự ý</i>	через отрицательную

<p>на ласковый вид, <u>говорил</u>, однако же, с большою свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился.</p>	<p>mình, chẳng ngại ngần gì và nói năng tự do hơn nói với Manilốp nhiều.</p>	<p>частицу. «Дома он больше дня не мог усидеть» - НСВ → không bao giờ ở nhà lấu được hai ngày, регулярное отрицание.</p>
<p>Положим, например, <u>существует</u> канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, <u>существует</u> правитель канцелярии.</p>	<p>Giả sử có một công sở, không phải ở đây, tất nhiên, mà ở tận cùng thế giới cơ. Hầy lấu ông trưởng phòng này làm dẫn chứng.</p>	<p>«Ибо имел страстишку к картам» - НСВ → mê cờ bạc, постоянное влечение. «Часто наступал на чужие ноги» - НСВ → thường giẫm lên chân người khác, thường показывает повторяемость. «Редко глядел на собеседника» - НСВ → không mấy khi nhìn thẳng, показатель редкости. «Всегда смотрел на угол печки» - НСВ → lúc nào cũng nhìn chằm chặp, повторяемость через lúc nào cũng. «Все, от дворняжки до собаки, бежало прочь» - НСВ → ai thấy cũng phải chạy trốn, обобщенный субъект через ai. «Говорил с большою свободою» - СВ → nói năng tự do hơn, одноразовое</p>

		<p>проявление. «Существовала канцелярия» - статив НСВ → <i>só một công sở</i>, описание без динамики. «В канцелярии существовал правитель» - то же, постоянство через <i>só</i>.</p>
--	--	--

2.2. Передача общефактического значения

Оригинал	Перевод	Комментарии
А одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, верно, никогда не видывал.	<i>Chỉ khác một điều là trên một bức tranh có vẽ một mỹ nhân với bộ ngực thốn thện mà bạn đọc chắc chưa thấy bao giờ.</i>	«Никогда не видывал» → <i>chưa thấy bao giờ</i> - отрицательная конструкция и <i>bao giờ</i> четко выражают значение опыта и завершенности (СВ). «Я никогда не носил таких косынок» →
Я <u>никогда</u> не носил таких косынок.	<i>Riêng tôi thì chưa quàng cái kiểu khăn đó bao giờ.</i>	«Я никогда не носил таких косынок» → <i>chưa quàng bao giờ</i> - тот же маркер одноразового опыта. «Заставил слугу рассказывать» →
Он заставил слугу рассказывать всякий вздор – о том, кто <u>содержал</u> <u>прежде</u> трактир.	<i>Khách hỏi anh ta đủ các chuyện vặt vãnh. Khách sạn lời lẽ bao nhiêu? Trước kia là của ai?</i>	«Заставил слугу рассказывать» → <i>hỏi... đủ các chuyện</i> - НСВ процесса через описательный глагол «спрашивать». «Давалась драма...» → <i>người ta quảng cáo</i>
Впрочем, замечательного немного было в афишке: <u>давалась</u> драма г. Коцебу, в которой Ролла <u>играл</u> г. Поплевин, Кору – девица Зяблова.	<i>Tờ giấy ấy không có gì đáng chú ý lắm: người ta <u>quảng cáo</u> buổi diễn một vở kịch của ông Kôtxêbuê do ông Pôplôvin <u>thủ vai</u> Kôla và Cô Ziablôva vai Kôra.</i>	→ <i>người ta quảng cáo</i> - безличная конструкция <i>người ta</i> отражает неопределенный субъект. «Многие умирали с тех пор» → <i>chết mất đi nhiều đấy ạ</i> - процесс с результатом, передан глаголом <i>chết</i> с наречием <i>mất đi</i> . «Ведь неизвестно, сколько умирало» →
На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который _____ принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам.	<i>Ngày hôm sau nữa, Tsitsikôp đến chơi buổi tối ở nhà ông chánh án; ngài mặc bộ áo ngủ không lấy gì làm sạch ra <u>tiếp</u> các tân khách, mà trong số đó có cả hai vị phu nhân.</i>	→ <i>Có ai đếm đâu ạ</i> - неопределенность через отрицательную форму и риторический вопрос.
<u>Как давно</u> вы <u>изволили</u> <u>подавать</u> ревизскую сказку?	<i>Bác nộp tờ khai dân số đã lâu chưa ạ?</i>	
Многие <u>умирали</u> с тех пор.	<i>Ấy, <u>chết mất đi</u> nhiều đấy ạ!</i>	
Ведь неизвестно, сколько <u>умирало</u> , их никто не <u>считал</u> .	<i>Bao nhiêu? Làm thế nào mà biết được? Có ai đếm đâu ạ.</i>	
Может быть, вы <u>изволили</u> выразиться так для красоты слога?	<i>Có lẽ bác <u>nói</u> vậy để cho lời lẽ văn hoa?</i>	
Нет, матушка,	<i>Này, bà có bị chết</i>	

другого рода товарец: скажите, у вас <u>умирали</u> крестьяне?	<i>nhiều nông dân không?</i>	«Никогда не продавала мертвых» → <i>chưa bao giờ bán</i> - сочетание <i>chưa bao giờ</i> маркирует отсутствие опыта (СВ).
Ведь я мертвых никогда еще не <u>продавала</u> .	<i>Tôi chưa bao giờ bán người chết cả.</i>	«Мы ошиблись» → <i>có sự hiểu lầm rồi</i> - завершенность ситуации через частицу <i>rồi</i> .
Тут вы с своей стороны никакого не <u>прилагали</u> старания.	<i>Và có góp phần gì vào đấy đâu.</i>	«Да вы не служили ли в военной службе?» → <i>không phải là nhà binh đấy chứ?</i> - вопросительная частица <i>đấy chứ</i> выражает уточнение, нейтральное по виду.
За кобылу и за серого коня, которого ты у меня <u>видел</u> , возьму я с тебя только две тысячи.	<i>Con ngựa cái với con ngựa xám mà tớ đã cho cậu xem ấy, tớ chỉ lấy hai nghìn rúp thôi.</i>	«Никогда не водилось» → <i>chưa bao giờ gây ra</i> - отрицание опыта, как выше.
Мы, верно, как-нибудь <u>ошиблись</u> .	<i>Giữa chúng ta có sự hiểu lầm rồi.</i>	«Никогда не ездил на поля» → <i>chẳng bao giờ nhìn ngó</i> - регулярное отрицание, НСВ.
Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не <u>делал</u> , как только рессорные.	<i>Này chẳng hạn, thằng thợ đóng xe Mikhêiep. Nó chỉ đóng toàn xe có ổ díp.</i>	«Хозяйство шло как-то само собою» → <i>cứ phó mặc cho công việc đến đâu thì đến</i> - маркер <i>cứ</i> отражает длительный процесс.
А Еремей Сорокоплексин! В Москве <u>торговал</u> .	<i>Ierêmêi Xôrôkôplikhin! Nó đi buôn ở Mạc-tư-khoa.</i>	«Играл он не совсем безгрешно» → <i>không ngay thẳng đâu</i> - длительная характеристика, НСВ.
Да вы, батюшка, не <u>служили</u> ли в военной службе? – Нет, – отвечал Чичиков довольно лукаво, – <u>служил по статской</u> .	<i>Này, tiên sinh, tiên sinh cho tôi biết: tiên sinh không phải là nhà binh đấy chứ? – Không; tôi phụng sự bên quan văn.</i>	
Зять <u>делал</u> выправки.	<i>Con rể nhà tôi đã mở cuộc điều tra.</i>	
Если бы вы могли только представить то положение, в котором я <u>находилась</u> .	<i>Chị không thể tưởng tượng được là em hoảng hốt đến thế nào.</i>	
Как, неужели он и протопопие <u>строил</u> куры?	<i>Sao? Hẳn tán cả vợ ông Prôtôpôp à?</i>	
Я <u>слыхала</u> , как она <u>говорила</u> речи.	<i>Em đã được nghe nó nói những lời.</i>	
Я еще не	<i>Chẳng thấy ai ông ọ</i>	

<i>видывала</i> женщины, в которой бы было столько жеманства.	<i>đến như thế bao giờ.</i>	«Войска еще не возвращались» → <i>chưa về</i> - неполнота действия, НСВ. «Продолжать богатырские свои подвиги» → <i>tiếp tục...</i> - слово <i>tiếp tục</i> передает значение длительности и повторяемости.
Милая, я <i>сидела</i> возле нее.	<i>Chị ạ, em đã trông thấy nó rất gần.</i>	
Уж <i>позвольте</i> вам сказать, что за мной <i>подобных</i> скандальностей <i>никогда</i> еще не <i>водилось</i> .	<i>Chưa bao giờ em gây ra việc gì tai tiếng cả.</i>	
Он даже <i>никогда</i> не <i>ездил</i> на поля, хозяйство <i>шло</i> как-то само собою.	<i>Chàng chẳng bao giờ nhìn ngó đến ruộng đất. Cứ phó mặc cho công việc đến đâu thì đến.</i>	
В картишки, как мы уже <i>видели</i> из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных <i>передержек</i> и <i>других тонкостей</i> .	<i>Hắn đánh bạc không ngay thẳng đâu, như ta đã thấy ở chương thứ nhất: hắn thích uốn nắn lại sự may rủi và biết rất nhiều mách khéo.</i>	
Войска, можете себе <i>представить</i> , еще не <i>возвращались</i> из Парижа.	<i>Quân đội từ Paris chưa về.</i>	
И, показав такое <i>отеческое чувство</i> , он <i>оставлял</i> Мокия Кифовича <i>продолжать</i> богатырские свои подвиги, а сам <i>обращался</i> вновь к любимому предмету.	<i>Sau khi đã biểu lộ tình phụ tử như thế rồi; ông ta để cho Mókii Kifôvits tiếp tục những hành vi hảo hán của người bôgatva; và trở về với đề tài ưa thích của mình.</i>	

2.3. Передача значения завершенности действия

Оригинал	Перевод	Комментарии
<i>В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в которой ездят холостяки.</i>	<i>Cỗ xe ngựa <u>tiến</u> <u>vào</u> cổng một khách sạn ở tỉnh lỵ N.N. đó là một chiếc xe Britska nhỏ, khá đẹp, có díp, kiểu xe mà những kẻ độc thân thường dùng.</i>	«въехала... бричка» → СВ движения через <i>tiến</i> <i>vào</i> , типичность «в какой ездят...» → <i>thường dùng</i> . «въезд... не произвел шума» → результат отсутствия события лексически (<i>chẳng ai hôn</i> <i>hao</i>).
<i>Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным.</i>	<i>Y đến thành phố này, chẳng ai hôn hao, bàn tán gì, chẳng <u>đem</u> <u>lại</u> một việc gì đặc biệt.</i>	«два мужика... сделали замечания» → однократность как факт (<i>trao đổi vài lời</i>). «разговор и кончился» → завершенность СВ (<i>chỉ... là hết</i>). «когда бричка подъехала... встретился...» → фаза/мгновение через <i>khi... đi qua mặt</i> . «оборотился... посмотрел... придержал... пошел» → серия СВ передана простыми глаголами («сделал и ушел»).
<i>Только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, <u>сделали</u> кое- какие замечания.</i>	<i>Chỉ có hai người tujik Nga đứng ở cửa một tiệm rượu đối diện khách sạn, <u>trao đổi</u> với nhau vài lời.</i>	«въехал на двор... был встречен» → результат + пассив (<i>ra đón khách</i>). «выбежал... встряхнул... повел» → динамика СВ (<i>chạy ra, đưa... nhanh</i> <i>nhẹn</i>).
<i>Этим разговор и кончился.</i>	<i>Câu chuyện chỉ <u>đến</u> đây là <u>hết</u>.</i>	«когда... было внесено...»
<i>Да еще, когда бричка <u>подъехала</u> к гостинице, <u>встретился</u> молодой человек в белых канифасовых панталонах.</i>	<i>Khi <u>đã</u> vào <u>sát</u> khách sạn, cỗ xe <u>đi qua</u> mặt một người trẻ tuổi mặc quần Kanifax trắng.</i>	«когда... было внесено...»
<i>Молодой человек <u>оборотился</u> назад, <u>посмотрел</u> экипаж, <u>придержал</u> рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и <u>пошел</u> своей дорогой.</i>	<i>Người trẻ tuổi ngoài <u>lại</u>, nhìn cỗ xe, <u>đưa tay lên</u> giữ chiếc mũ lưỡi trai đang chực bay mất, <u>rồi đi thẳng</u>.</i>	«когда... было внесено...»
<i>Когда экипаж <u>въехал</u> на двор, господин</i>	<i>Xe vào <u>đến</u> sân; ra đón khách là một</i>	«когда... было внесено...»

был встречен трактирным слугою.	người hầu.	отправился» → завершенность → đã..., затем СВ (ra... lǎng xǎng). «приладил... кровать» → результат СВ (kê...). «покамест слуги... господин отправился...» → фон НСВ (lǎng xǎng), главн. СВ (đi xuống). «скинул... размотал...» → СВ последовательность (bỏ, tháo ra). «размотавши... велел подать обед» → результат → новое действие (gọi ăn). «расспросил...» (три раза) → интенсивная НСВ- серия через hỏi cận kề... hỏi đến... hỏi kỹ lưỡng. «после обеда... выкушал... сел...» → СВ итог (ăn xong, nhấp, ngã xuống). «отдохнувши... написал...» → СВ после фазы отдыха (khi... đã khỏe khoắn, khách ghi...).
Он выбежал проворно, с салфеткой в руке ... встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галерее показывать ниспосланный ему богом покой.	Hắn chạy ra, tay vắt một chiếc khăn ăn ... lắc lắc mái tóc bờm xòe, rồi nhanh nhẹn đưa khách qua cái cầu thang gỗ có lợp mái đi lên tầng trên và chỉ cho khách căn phòng mà Thượng đế đã an bài cho.	
Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей.	Khi đồ đạc đã mang vào đủ, gã xà ích Xêlifan ra tàu ngựa lǎng xǎng quanh mấy con vật.	
В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать.	Hắn kê sát tường một cái giường hẹp chỉ có ba chân.	
Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу.	Trong khi hai gã đây tót lǎng xǎng dọn dẹp, thì ông chủ đi xuống phòng khách chung.	
Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку.	Người khách bỏ mũ lưỡi trai, tháo ra cái khăn quàng cổ bằng len ngũ sắc.	
Размотавши косынку, господин велел подать себе обед.	Sau khi đã bỏ khăn quàng ra, khách gọi ăn.	
Он с чрезвычайною точностию расспросил,	Khách hỏi cận kề tên họ của các quan tỉnh trưởng ... Khách lại hỏi	«накушавшись чаю... стал читать» → СВ

кто в городе губернатор ... <u>расспросил</u> обо всех значительных помещиках ... <u>расспросил</u> внимательно о состоянии края.	<u>đến</u> các trang chủ khá giả quanh vùng... Khách <u>hỏi kỹ lưỡng</u> về tình hình trong vùng.	завершения + начало процесса (<u>uống</u> ... xong → <u>bắt đầu</u> đọc). «прочел их всех... узнал... перевернул... протер... свернул... положил» → последовательные СВ факты. «оказал необыкновенную деятельность насчет визитов» → итератив НСВ через перечисление адресатов (<u>không bỏ ai hết</u>).
После обеда господин <u>выкушал</u> чашку кофею и <u>сел</u> на диван, подложивши себе за спину подушку.	<u>Ăn xong</u> , khách <u>nhấp một tách cà phê</u> , rồi <u>ngả xuống</u> chiếc ghế dài, lưng tựa vào một cái gối dựa.	«все, что узнали...» → результат знания (<u>chỉ có thế</u>), СВ «не преминуло» → <u>không bỏ lỡ dịp</u> . «оказалась внимательность к туалету» → состояние/навык НСВ (<u>chú trọng</u> ...). «надел... выщипнул... очутился» → серия СВ (результаты: одежда, вид). «сказал комплимент» → одноактный СВ (вежл. акт).
Отдохнувши, он <u>написал</u> на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию.	Khi trở dậy, đã <u>khỏe khoản</u> , khách <u>ghi vào một mảnh giấy con: tên, họ, chức, hàm, theo yêu cầu của gã người hầu để trình nhà chức trách</u> .	«притиснули... глядел минуты две» → НСВ наблюдения через <u>chăm chú</u> ... <u>hai phút</u> . «присоединился к толстым... встретил знакомые лица» → СВ присоединения/встречи
Он заглянул и в городской сад.	Khách <u>liếc nhìn vào</u> khu công viên của thành phố.	«притиснули... глядел минуты две» → НСВ наблюдения через <u>chăm chú</u> ... <u>hai phút</u> . «присоединился к толстым... встретил знакомые лица» → СВ присоединения/встречи
Он _____ отправился взглянуть на реку ..., дорогою <u>оторвал</u> ... афишу ..., <u>посмотрел</u> пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности ... отправился домой прямо в свой номер.	Khách <u>đi ra</u> ngắm dòng sông ... <u>Đọc đường</u> , y <u>bóc một tờ áp phích</u> ... <u>nhìn chòng chọc vào</u> một người đàn bà khá đẹp đi trên hè phố lát gỗ ... khách <u>đi thẳng</u> về khách sạn.	«притиснули... глядел минуты две» → НСВ наблюдения через <u>chăm chú</u> ... <u>hai phút</u> . «присоединился к толстым... встретил знакомые лица» → СВ присоединения/встречи
Накушавшись чаю, он <u>уселся</u> перед столом, велел подать себе свечу, <u>вынул</u> из кармана афишу, <u>поднес</u> ее к свече и <u>стал</u> читать.	<u>Uống trà xong</u> , khách <u>ngồi vào</u> bàn, <u>bảo đem đến một ngọn nến</u> , <u>rút tờ áp phích trong túi ra</u> , <u>đưa sát vào</u> ngọn nến và <u>bắt đầu đọc</u> .	«притиснули... глядел минуты две» → НСВ наблюдения через <u>chăm chú</u> ... <u>hai phút</u> . «присоединился к толстым... встретил знакомые лица» → СВ присоединения/встречи

<p>Однако же он <u>прочел</u> их всех, <u>добрался</u> даже до цены партера и <u>узнал</u>, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом <u>переворотил</u> на другую сторону ... <u>протер</u> глаза, <u>свернул</u> опрятно и <u>положил</u> в свой ларчик.</p>	<p>Tuy vậy khách vẫn <u>đọc</u> <u>hết</u> tên họ, <u>đọc</u> <u>đến</u> giá tiền chỗ ngồi, khách còn <u>nhận</u> <u>thấy</u> rằng tờ áp phích in ở nhà in của chính phủ ở tỉnh lỵ, rồi <u>lật</u> <u>ra</u> phía sau xem còn có gì nữa không; ... <u>đụi</u> <u>mắt</u>, <u>gấp</u> tờ giấy <u>lại</u>, <u>đút</u> <u>vào</u> tráp con.</p>	<p>(<u>đến</u> với... <u>gặp</u> ngay). «познакомился с... Маниловым и Собакевичем... наступил... сказал» → СВ факты + вставка действия (xéo... “xin lỗi”). «всунули карту... он принял» → СВ передачи/принятия (<u>đưa</u>... у <u>cắm</u> <u>lấy</u>).</p>
<p>Но довольно сказать, что приезжий <u>оказал</u> необыкновенную деятельность насчет визитов: он <u>явился</u> даже засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору.</p>	<p>Nhưng cũng chỉ cần nói rằng Tsitsikốp không <u>bỏ</u> ai <u>hết</u>, <u>đến</u> chào cả viên thanh tra y tế, cũng như viên kiến trúc sư tỉnh lỵ.</p>	<p>«разговоры прекратились... когда предаются занятию» → НСВ нормы через <u>đúng</u> như... (обобщенный субъект <u>người</u> <u>ta</u>). «почтмейстер... взял карты, выразил...» → СВ → итоговая «физиономия».</p>
<p>Вот все, что <u>узнали</u> в городе об этом новом лице, которое очень скоро не <u>преминуло</u> показать себя на губернаторской вечеринке.</p>	<p>Tất cả những điều mà người ta <u>được</u> <u>biết</u> về con người mới đến ấy chỉ có thế; nhưng y thì không <u>bỏ</u> lỡ dịp <u>được</u> đến dự buổi dạ hội ở dinh tỉnh trưởng.</p>	<p>«внимание заняли...» → НСВ фокус через <u>chú</u> ý <u>nhất</u>. «тотчас же осведомился...» → СВ немедленного действия (<u>lập</u> <u>tức</u> <u>hỏi</u> <u>dò</u>).</p>
<p>Здесь в приезде <u>оказалась</u> такая <u>внимательность</u> к туалету.</p>	<p>Y ... <u>chú</u> <u>trong</u> <u>đến</u> <u>trang</u> <u>phục</u> <u>một</u> <u>cách</u> <u>khác</u> <u>thường</u>.</p>	<p>«несколько вопросов показали...» → вывод СВ (результат) + порядок как признак основательности.</p>
<p>Потом <u>надел</u> перед зеркалом манишку, <u>выщипнул</u> вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем <u>очутился</u> во фраке</p>	<p>Sau sửa <u>lại</u> vật trước áo sơ mi cho chỉnh, <u>nhỏ</u> hai cái lông thò <u>ra</u> khỏi mũi và <u>mặc</u> <u>vào</u> một chiếc áo dài <u>chèn</u> <u>màu</u> <u>tía</u> <u>lốm</u> <u>đốm</u>.</p>	<p>«Собакевич тоже сказал...» → СВ кратко (<u>bảo</u>...). «на другой день отправился...» → СВ движения со временем</p>

<i>брусничного цвета с искрой.</i>		<i>(hôm sau... đã đến).</i> «познакомился с Ноздревым... начал говорить “ты”» → СВ факт + начало привычки обращения.
<i>Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент ...</i>	<i>Một lần nữa, Tsitsikóp lại tỏ ra là người lịch thiệp: y nói một câu chúc tụng ....</i>	«я понимаю... уже умерли» → статус смерти (статив) → <i>đã chết thật.</i> «я привык не отступать» → НСВ привычки → <i>bao giờ cũng theo đúng pháp luật.</i>
<i>Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он ... глядел на них минуты две очень внимательно.</i>	<i>Khi các đôi bạn nhảy đã dần ra, và mọi người đã đứng thành hàng dọc theo tường để nhường chỗ cho họ; thì Tsitsikóp ... chăm chú nhìn trong khoảng hai phút những đôi lứa lướt qua trước mặt.</i>	«вы полагаете... брать деньги...?» → гипотетическая СВ-ситуация выражена модально. «передаю их вам безынтересно... купчую беру на себя» → СВ итог дарения/обязательств.
<i>Он наконец присоединился к толстым, где встретил почти все знакомые лица.</i>	<i>Cho nên cuối cùng y đến với bọn người béo. Trong bọn họ, y gặp ngay những bộ mặt đã quen.</i>	«я так рассеялся... приехал...» → СВ прошедшего + забывание (<i>đến miện... quên</i>). «жаль, что продала мед дешево» → СВ завершенной сделки с оценкой (<i>bán rẻ... mất rồi</i>). «и умер такой славный народ...» → результат потери (<i>chết đi toàn trai tráng</i>).
<i>Тут же он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «Прошу прощения».</i>	<i>Bây giờ, người ta giới thiệu y với hai tay quý tộc hương thôn là Manilóp, một người rất lễ độ, nhã nhặn và Xôbakiêvits nặng nề thô lỗ thoạt mới gặp đã xéo ngay lên chân y và mồm nói: “xin lỗi”.</i>	«заседатель подъехал – подать уплачивать» → СВ-факт визита + требование; перевод
<i>Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном.</i>	<i>Người ta đưa cho Tsitsikóp một quân bài, mời y đánh Uyxт, y cầm láy và lễ phép cúi chào như lúc nãy.</i>	
<i>Все разговоры совершенно</i>	<i>Tất cả mọi câu chuyện đều chấm dứt</i>	

прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному.	hấn , đúng như người ta bắt tay vào một công việc quan trọng.	делает норму (<i>vẫn đến thu thuế</i>). «на прошлой неделе сгорел кузнец» → СВ событие (<i>chết cháy</i>). «сам сгорел... истлел» → СВ последовательные результаты. «третью неделю внесла... подмаслила» → СВ оплаты/взятки (<i>đã phải đóng... đấm mõm</i>). «живых-то я уступила... двух девок...» → СВ продажи с давностью (<i>cách đây hai năm</i>). «почем продали мед?»... → торговая сцена: СВ факты/клятва (<i>xin thề</i>). «там вы получили... двенадцать рублей» → СВ результат труда (<i>kiếm được</i>). «загадать на картах... бог насрал» → причинно-следств. СВ (<i>phải hấn đến để phạt</i>). «верно, что-нибудь затеял» → предположение НСВ (<i>định mưu...</i>). «пришла фантазия... слово дал, да и на попятный» → СВ намерения/нарушения обещания (<i>niốt lời</i>). «задумал жениться...» → инхотатив СВ намерения (<i>có ý định</i>).
Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию.	Tuy tính rất ba hoa, ông giám đốc bưu vụ, khi đã cầm bài trên tay, liền lên ngay một vẻ mặt đăm chiêu .	
Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше.	Y chú ý nhất đến hai trang chủ Manilốp và Xôbakiêvits mà chúng ta đã có dịp giới thiệu trên kia.	
Он тотчас же осведомился о них, отозвавши тут же несколько в сторону председателя и почтмейстера.	Y mời quan chánh án và ông giám đốc bưu vụ ra một nơi, rồi lập tức hỏi dò về hai tay trang chủ này.	
Несколько вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имена, а потом уже осведомился, как имя и отчество.	Sau khi hỏi kỹ về số nông dân và tình hình đất đai của họ; Y mới chú ý tới tên họ của hai lão chúa nông thôn ấy; trình tự cuộc điều tra lý lịch như vậy tỏ rằng y không những có óc hiếu kỳ, mà còn có trí phán đoán chắc nịch nữa.	
Собакевич тоже сказал несколько	Đến lượt Xôbakiêvits thì hấn bảo	

лаконически: «И ко мне прошу».	у <u>với</u> một giọng hơi cộc lốc: «Cũng xin mời đến chơi tôi nữa!»	«я заплатил десять тысяч» → СВ результат оплаты. «девятка... я все просадил» → СВ итог проигрыша (làm tờ sạt nghiệp).
На другой день Чичиков <u>отправился</u> на обед и вечер к полицеймейстеру.	Hôm sau, Tsitsikôp <u>đã đến</u> ăn chiều và chơi buổi tối tại nhà cảnh sát trưởng.	«что ж делать? так бог создал» → статив/норма; вид не актуален. «по восьми гривенок!» → оценка цены; СВ оферта. «души давно умерли» → статив (đã chết từ đời nào).
Там, между прочим, он <u>познакомился</u> с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех-четырех слов <u>начал</u> говорить «ты».	Ở đây, у <u>gặp được</u> một trang chủ khác tên là Nôzdriôp một kẻ vui đời, tuổi trạc ba mươi, sau đôi ba câu là <u>đã câu câu, tờ tờ ngay</u> .	«наладили на два... не хотите съехать» → закрепление цены как состояние (không muốn nhả ra).
Нет, я понимаю ... те души, которые, точно, уже <u>умерли</u> .	Tôi nói những nông phu <u>đã chết thật</u> .	«благодарю, что посетили» → СВ прощания/благодарности. «последние три года... выморила...» → НСВ
Я <u>привык</u> ни в чем не отступить от гражданских законов, хотя за это и <u>потерпел</u> на службе.	Bao giờ tôi <u>cũng theo</u> đúng pháp luật; điều ấy <u>đã đem đến</u> cho tôi nhiều sự bực mình.	длительности + итог (ba năm nay... đã cướp...). «и много выморила? – снесли многих» → количеств. результат СВ (chết mất nhiều lắm).
Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде <u>окончили</u> свое существование?	Vậy ra bác nghĩ rằng tôi lại đòi tiền cả nông phu, trong một chừng mực nào đó, <u>đã hết tồn tại rồi</u> sao?	«черт знает... откуда взялся» → неопределенный источник (обобщенный субъект). «спустил денежки... актриса выманила» → СВ результатов (потерял/выманили).
Если уж вам <u>пришло</u> этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я передаю их вам <u>безынтересно</u> и купчую беру на себя.	Bởi vì, thật lẽ bác, bác <u>đã có</u> cái ý muốn là như thế thì tôi xin nhường không hầu bác và chịu các lệ phí về giấy tờ.	

<p>Я так <u>рассеялся</u>... <u>приехал в ночное время</u>.</p>	<p>Đêm qua tôi đến <i>tiệm quá... lại quên đi</i> mất.</p>	<p>«вот утешили старика!» → результат эмоции.</p>
<p>Как же жаль, право, что я <u>продала</u> мед купецам так дешево</p>	<p><i>Hoài của, tôi bán</i> <i>mật của tôi rẻ quá cho</i> <i>bọn lái đi buôn lại</i> mất rồi!</p>	<p>«ну, чего ты пришел, дурак» → СВ прихода; иллюция.</p>
<p>И <u>умер</u> такой все славный народ, все работники.</p>	<p><i>Mà chết đi toàn</i> <i>traí tráng cả, toàn là thợ</i> <i>giỏi!</i></p>	<p>«сухарь из кулича...» → статив; вид несущественен.</p>
<p>А <u>заседатель</u> <u>подъехал</u> – <u>подать</u>, <u>говорит</u>, <u>уплачивать</u> с души.</p>	<p><i>Thế mà ông trợ tá</i> vẫn đến <i>thu thuế đầu</i> <i>người, như là chúng nó</i> <i>còn sống cả.</i></p>	<p>«сестре ее прислали материйку» → СВ получения (<i>gửi cho</i>).</p>
<p>На прошлой неделе <u>сгорел</u> у меня кузнец.</p>	<p>Tuần trước, <i>thằng thợ rèn của tôi lại</i> <i>chết cháy.</i></p>	<p>«выпросила выкройку... принялась шить» → СВ просьба/начало процесса</p>
<p>... сам <u>сгорел</u>, отец мой. Внутри у него как- то <u>загорелось</u>, <u>чересчур</u> <u>выпил</u>, только синий огонек <u>пошел</u> от него, весь <u>истлел</u>, <u>истлел</u> и <u>почернел</u>, как уголь.</p>	<p><i>Tự nó thiêu nó ấy</i> <i>chứ, ông anh à. Nó</i> <i>nghiện rượu và ruột gan</i> <i>nó phát hỏa lên; một</i> <i>ngọn lửa xanh từ mồm</i> <i>nó thè ra và cả người nó</i> <i>bốc cháy, đen thui như</i> <i>than.</i></p>	<p>(<i>bắt đầu khâu</i>).</p> <p>«сестра привезла... я уж дала слово...» → два СВ факта (привезла/пообещала).</p>
<p>Еще третью неделю <u>внесла</u> больше полтора ста. Да <u>заседателя подмаслила</u>.</p>	<p>Cách đây mười lăm ngày, tôi đã phải <i>đóng hơn một trăm năm</i> <i>mười rúp!... Thế mà đã</i> <i>phải đâm mồm cho ông</i> <i>trợ tá rồi đấy.</i></p>	<p>«распустили слухи...» → НСВ неопред. агенс (<i>người ta cho rằng</i>).</p> <p>«слушайте, что рассказала...» → СВ рассказ-факт.</p>
<p><u>Живых-то</u> я <u>уступила</u>, вот и третьего года <u>протопону</u> двух девок, по <u>сту рублей</u> каждую ... такие <u>вышли</u> славные</p>	<p><i>Người sống thì</i> <i>khác; cách đây hai năm,</i> <i>tôi bán hai đứa con gái</i> <i>cho Prôtôpôpôp mỗi đứa</i> <i>một trăm rúp. Hai đứa</i> <i>là thợ giỏi.</i></p>	<p>«за старуху принялся...» → СВ действия; оценка. «скандалозу наделал... деревня сбежалась» → СВ последствия. «не можете представить...»</p>

работницы.		перетревожилась» →
Ну, признайтесь, почему <u>продали</u> мед? – По двенадцати рублей пуд. – <u>Хватили</u> немножко греха на душу, матушка. По двенадцати не <u>продали</u> . – Ей-богу, <u>продала</u> .	Này, tôi hỏi thật, bà <u>bán</u> mật <u>được</u> bao nhiêu nào? – Mười hai rúp một pút. – <u>Nói dối</u> tôi chết đấy mẹ ạ, bà không <u>bán</u> <u>được</u> giá ấy đâu. – Xin thể danh dự.	НСВ эмоции + СВ инициирующее событие. «как смекнула» → внезапный СВ (<u>đoán ngay ra</u>). «нашлись некоторые дамы...» → существование НСВ (<u>lắm bà...</u>).
Там вы <u>получили</u> за труд, за старание двенадцать рублей.	Một đàng thì phải làm, phải chăm mới <u>kiếm</u> <u>được</u> mười hai rúp.	«были даже такие, которые первые...» → суперлативная итеративность НСВ (<u>cuớp lấy cái ghế...</u>). «отвечал... куря трубку... сделал привычку» → НСВ привычки (<u>đã quen</u>).
<u>Вздумала</u> было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и <u>наслал</u> его. Такой гадкий <u>привиделся</u> .	Tôi <u>đã</u> có ý <u>định</u> bôi bài sau khi cầu kinh buổi tối; có lẽ Chúa <u>đã</u> <u>phải</u> hấn đến để phạt tôi. <u>Trông</u> hấn khiếp lắm.	«вошла хозяйка...» → СВ входа; перечисл. признаков.
Ну уж, верно, что-нибудь <u>затеял</u> . – Да что ж <u>затеял</u> ?	Cậu <u>đã</u> <u>định</u> mưu việc gì đấy <u>rồi</u> . – Chẳng có gì cả.	«женитьба... не переменяла... жена скоро отправилась» → НСВ неизменности + СВ смерти.
Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так, <u>пришла</u> фантазия ... слово <u>дал</u> , да и на попятный двор.	Biết thì có hơn gì kia chứ? Chỉ vì tôi có cái thích khác người một tí thôi ... vừa <u>thề</u> <u>xong</u> lại nuốt lời ngay.	«взглянул искоса... показался как медведь» → СВ восприятия → сравнение.
Я <u>задумал</u> жениться ... Такая, право, комиссия: не рад, что <u>связался</u> .	Tôi <u>có</u> ý <u>định</u> lấy vợ... Chẳng biết tôi lại <u>nhúng</u> <u>vào</u> cái việc này làm gì?	«после кампании... начал почтмейстер» → СВ начала рассказа.
Да ведь я за него <u>заплатил</u> десять тысяч.	Tớ <u>mua</u> mười nghìn rúp <u>liền</u> .	«наведалься было домой к отцу» → попытка СВ (<u>thử làm... mũi lòng</u>).
Вот та проклятая девятка, на которой я все <u>просадил</u> !	Nó đấy, con chín chết tiệt <u>đã</u> <u>làm</u> tớ sạt nghiệp đấy!	«решился отправиться...»
Что ж делать? так бог <u>создал</u> .	Biết làm sao <u>được</u> , trời sinh <u>ra</u> thế!	

Эк куда <u>хватили</u> – по восьми гривенок!	<i>Bác nói gì vậy! Tám mươi kopek à?</i>	→ инхоатив СВ решения. «дотащился до Петербурга» → СВ достижения (<i>đến được</i>). «понатолкался нанять квартиры» → СВ намерений → <i>nghĩ đến việc đi tìm</i> . «приютился за рубль...» → СВ устройства (<i>trợ... trả mỗi ngày</i>).
Ведь души-то самые давно уже <u>умерли</u> .	<i>Chúng nó <u>đã chết</u> từ đời nào <u>rồi</u>.</i>	«встал пораньше... поскреб... натащил... отправился... расспросил» → серия СВ.
Как <u>наладили</u> на два, так не хотите с них и съехать.	<i>Bác <u>vấp phải</u> hai rúp và không muốn <u>nhả ra</u> nữa.</i>	«втащился... настоялся...» → длительность ожидания (НСВ) описательно, затем СВ.
Благодарю, что <u>посетили</u> .	<i>Thôi chào bác. Cảm ơn bác <u>đã đến chơi</u>.</i>	«пронеслась суета... тишина» → СВ вспышка/итог.
Последние три года проклятая горячка <u>выморила</u> у меня здоровенный куш мужиков.	<i>Ba năm nay, cái bệnh sốt nóng <u>chết tiệt đã cướp</u> của tôi <u>đi</u> hàng đống.</i>	«зашел выпить... пообедал... отправился в театр – кутнул» → линейка СВ. «кровь разыгралась... побежал... подумал, пусть после» → инхоатив + прерванное СВ.
Скажите! и много <u>выморила</u> ? – <u>воскликнул</u> Чичиков с участием. – Да, <u>снесли</u> многих.	<i>Thật à! Tsitsikốp <u>thốt lên</u> về thương hại. – Vâng, <u>chết mất</u> nhiều lắm, ông ạ.</i>	«вельможа тотчас узнал» → СВ узнавания (<i>nhận ra ngay</i>).
Черт знает его, откуда <u>взялся</u> .	<i>Nhưng có Chúa biết được là hắn từ cái xó nào mà <u>chui ra</u>.</i>	«вышел в положении неопределенном» → результат СВ (<i>lâm vào thế</i>
Верно, <u>спустил</u> денежки, служба в офицерах, или театральная актриса <u>выманила</u> .	<i>Chắc là để sống cuộc đời sĩ quan, hắn <u>đã ăn sạch hết</u> vốn liếng, nếu không phải là hắn <u>đã tự để</u> cho một con đào hát vật trụi lông.</i>	
Вот <u>утешили</u> старика!	<i>Ông <u>đem đến</u> cho tuổi già của tôi một niềm an ủi lớn biết bao!</i>	
Ну, чего ты <u>пришел</u> , дурак.	<i>Mày vào <u>đây</u> làm gì, đồ ngu,</i>	
Там на полке есть сухарь из кулича, который <u>привезла</u> Александра Степановна.	<i>Trong ấy còn <u>mẩu bánh</u> sữa mà Alexandra Xtêpanôpna <u>đem đến</u>.</i>	

<i>Я вдруг постигнул ваш характер.</i>	<i>Tôi hiểu ngay tính cụ.</i>	<i>kỳ (quảс).</i> «решился пролезть... дождался... проскользнул» → цепочка СВ.
<i>Сестре ее прислали материйку.</i>	<i>Em vừa gửi cho chị em một thứ vải.</i>	«схватили... да в тележку» → СВ насильственного действия.
<i>Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смеху; Меланья моя принялась шить.</i>	<i>Em có xin chị em đem cho một cái mẫu; con Mêlania nhà em đã bắt đầu khâu.</i>	«куда привезли - неизвестно» → отсутствие результата в знании. «через два месяца появилась шайка... атаман был...» → СВ появления/тождествления. «должны ожидать решения» → требование НСВ (норма ожидания). «изломал кровать» → СВ результат (đập nát). «так проводили жизнь...» → НСВ длительного быта (sống như thế). «читатель... уже заметил» → СВ восприятия читателя. «надобно сказать... перегнали» → оценка- результат СВ. «задумался ли он...» → потенциальный НСВ (вопрос о процессе). «обратило очи» → персонифицированный СВ воздействия (quay lại
<i>Как же, сестра привезла. – Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне.</i>	<i>Có chứ... bà chị em đem đến cho một cái. — Nhưng em lại đã hứa cho Praxkôvia Fiôđôrôpna.</i>	
<i>Ведь вы знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам?</i>	<i>Anna Grigôriepna ạ, chị có biết em đem đến cho chị cái tin như thế nào không?</i>	
<i>Распустили слухи, что он хорош.</i>	<i>Thằng cha ấy mà người ta cho rằng là đẹp trai!</i>	
<i>Слушайте только, что рассказала протопопша.</i>	<i>Chị hãy nghe câu chuyện vợ ông Prôtôpôp kể lại cho em.</i>	
<i>Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться.</i>	<i>Hắn lại kiếm chác cả bà lão nữa cơ đấy! Các phu nhân của chúng ta quả thật là có con mắt tinh đời: họ khéo vớ được người mà phải lòng!</i>	
<i>Словом, скандалозу наделал ужасного: вся деревня сбежалась.</i>	<i>Tóm lại, hắn làm ra om sòm, khủng khiếp. Cả làng đổ xô tới.</i>	
<i>Но вы себе</i>	<i>Chị không thể</i>	

представить не можете, Анна Григорьевна, как я перетревожилась, когда услышала все это.	<i>tương tượng được hết nỗi kinh hãi của em, khi nghe xong câu chuyện ghê gớm ấy.</i>	nhìn). «осенило... онемела мысль» → внезапные СВ. «осветились мои очи» → СВ воздействия (<i>mở mắt</i>). «пробежавшая дрожь... сменила ее теплота» → СВ смены состояний. «проснулся... убежало пять станций...» → СВ пробуждения + результат пути.
Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положение, когда я услышала это.	<i>Anna Grigôriepna ạ, chị có thể hình dung được là nghe xong tất cả những chuyện khủng khiếp ấy, em hoảng sợ đến thế nào không.</i>	«проснулся – и опять поля...» → повтор СВ → фоновая неизменность. «толчок – и опять проснулся» → СВ моментальный. «увидят, как заронилось...» → будущая НСВ-регулярность (<i>sẽ thấy... ăn sâu</i>).
А я, признаюсь, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чем дело.	<i>Còn em thì chị mới nói là em đã đoán ngay ra được việc gì rồi.</i>	«обратили в лошадь... изморили» → СВ результатов воздействия. «неведомая сила подхватила» → СВ перемещения (<i>mang... đi</i>). «эх, тройка!» → экспрессия; вид неактуален.
Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были неравнодушны к нему.	<i>Thế mà lắm bà lại có biệt nhãn với hấn đấy!</i>	«в немного времени успел очаровать» → СВ достижения (<i>chinh phục</i>). «Петрушка стал устраиваться... уже успел
... были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе.	<i>Chẳng phải người ta thấy có bà cướp lấy cái ghế gần cửa nhất để được ngồi cạnh hấn đấy à?</i>	
Отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить <u>сделал</u> привычку.	<i>Chàng vừa nói vừa hít những hơi dài với cái tẩu thuốc lá; đó là cái thói mà chàng đã quen khi tòng ngũ.</i>	
<u>Минуту</u> спустя вошла хозяйка женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее.	<i>Nhưng bà chủ nhà đã bước ra; một người đã có tuổi, đội mũ ngủ, một miếng nỉ quấn quanh cổ.</i>	
Женитьба его	<i>Việc lập gia thất</i>	

ничуть не <u>переменяла</u> , тем более что жена скоро <u>отправилась</u> на тот свет.	<i>không làm thay đổi được hẳn; và lại vợ hẳn <u>ra đi</u> sớm.</i>	притащить» → инхоатив НСВ (<u>bắt đầu dọn dẹp</u>) + СВ результата (<u>đã mang vào</u>).
Когда Чичиков <u>взглянул</u> искоса на Собакевича, он ему на этот раз <u>показался</u> весьма похожим на средней величины медведя.	<i>Tsitsikôp liếc Xôbakiêvits và lần này hẳn <u>nhắc</u> cho y nhớ <u>lại</u> hoàn toàn hình thù một con gấu hạng vừa.</i>	«не успел осмотреться, как уже схвачен» → «не успел... как» = мгновенный СВ → <i>chưa kịp... thì đã</i> . «нашел, что город...» → СВ вывода (<u>nhận thấy</u>).
«После кампании двенадцатого года, судырь ты мой», – так <u>начал</u> почтмейстер.	<i>Sau chiến dịch 1812, tiên sinh ạ – ông <u>giám đốc bưu vụ mở đầu</u> như thế.</i>	«больше не нашлось чиновников» → СВ отсутствия результата (<u>chẳng còn kiếm ra</u>).
<u>Наведаясь</u> было домой к отцу.	<i>Hẳn thử làm cho ông bố hẳn <u>mủi lòng</u>.</i>	«влетели... чтобы показать себя» → СВ цели (<u>để phô mình</u>).
Вот мой капитан Копейкин <u>решился</u> отправиться, судырь мой, в Петербург.	<i><u>Bây giờ</u>, tiên sinh ạ, đại úy Kôpêikin <u>quyết</u> đi lên Pêterbua.</i>	«у толстого явился дом...» → СВ приобретения (даже расширено в переводе).
Ну, как-то там, знаете, с обозами или фурами казенными, – словом, судырь мой, <u>дотащился</u> он кое-как до Петербурга.	<i>Hẳn kiếm cách đi nhờ xe chở lương thực của cục quân nhu; và thế là hẳn <u>đến được</u> Pêterbua.</i>	«испытал много на веку» → НСВ обобщенного опыта.
Ну, можете представить себе: эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и <u>очутился</u> <u>вдруг</u> в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире!	<i>Các ngài hãy tưởng tượng đại úy Kôpêikin <u>đặt chân</u> đến một kinh thành mà, có thể nói là, không kinh thành nào trên thế giới sánh kịp!</i>	«Пошла... Пошел...» → императивы — СВ приказа.
<u>Понатолкался</u> было нанять квартиры	<i>Trước tiên hẳn <u>nghĩ đến</u> việc đi tìm chỗ</i>	«с трех часов... играли до двух» → НСВ длительности → <i>liên miên</i> . «мнение держалось... пока не привело...» → НСВ устойчивости + СВ перелома.
		«как с того времени много умерло...?» →

	<i>trọ.</i>	периодизация времени задает вид (результат в интервале). «мне слышалось... престранное слово» → СВ восприятия (<i>nghe...</i>). «вот этих-то всех, что умерли» → фокус на результате (мертвые). «чего ж ты рассердился так горячо?» → СВ эмоц. вспышки через <i>giận lên</i> . «остался один звук» → СВ остаточного результата. «а теперь пошли... прибавь...» → СВ требуемых действий (итоговая «цена»). «сухарь... испортился» → СВ изменения состояния (<i>mức</i>). «отчего вы обиделись?» → СВ эмоционального результата. «хватила топором...» → серия СВ (создание частей лица). «рукава... засалились и залоснились» → НСВ → результат видим по состоянию (<i>bóng lên</i>). «под Красным ли... ему оторвало» → СВ травмы. «в обществе... Прометей останется... а чуть выше — превращение» → НСВ/СВ
<i>Ну, как-то там приютился в ревельском трактире за рубль в сутки;</i>	<i>Vậy là hẳn phải đến trọ ở một khách sạn Rêven, trả mỗi ngày một rúp.</i>	
<i>Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду ... натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе. Расспросил квартиру.</i>	<i>Hôm sau, đây sớm, tiên sinh ạ, hẳn tự cao râu lấy bằng tay trái...; rồi diên quân phục vào; và các ngài thử tưởng tượng, hẳn lon ton trên cái chân gỗ, tức khắc đến gặp ông bộ trưởng. Hẳn nhờ một viên lính tuần cảnh cho biết địa chỉ.</i>	
<i>Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе ... Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь,... пришел еще в такое время, когда генерал, в некотором роде, едва поднялся с постели и камердинер, может быть, поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких.</i>	<i>Anh chàng Kôpêikin của chúng ta cứ thế. Bước thấp, bước cao, leo lên đến phòng khách và nép mình vào một góc ... Tất nhiên là hắn ta phải chờ đấy rất lâu, ... vì ngài bộ trưởng lúc ấy mới ngủ dậy, và, hãy tưởng tượng, các ngài ạ, người hầu buồng đang đem đến một cái chậu thau bằng bạc để ngài rửa mặt.</i>	
<i>Вдруг в комнате, понимаете, пронеслась чуть заметная суета, как эфир какой-нибудь тонкий. Раздалось там и</i>	<i>Bỗng mọi người xôn xao; những tiếng suýt, suýt, truyền đi trong phòng rồi cuối cùng thì im phăng phắc</i>	

там: «шу, шу», – наконец тишина <u>настала</u> страшная.	<i>như mọi người đã chết cả rồi.</i>	противопоставление: устойчивость vs внезапная смена.
<u>Зашел</u> в Палкинский трактир выпить рюмку водки, <u>пообедал</u> , судырь мой, в Лондоне, <u>приказал</u> подать себе котлетку с каперсами, пулярку <u>спросил</u> с разными финтерлеями; <u>спросил</u> бутылку вина, <u>ввечеру</u> <u>отправился</u> в театр – одним словом, понимаете, <u>кутнул</u> .	<u>Nốc một cốc rượu</u> con ở hiệu cà phê Pankin; <u>ăn chiều</u> ở khách sạn Luân Đôn, một món sườn rán với nụ hoa phong điều dâm dấm, một con gà mái tơ quay với rất nhiều rau, kèm theo một chai rượu ngon; <u>tối lại đi xem hát</u> ; và sau cùng, xin vô phép quý vị, là <u>đã ăn chơi một</u> <u>trận không kể gì nữa</u> .	
Мой Копейкин – кровь-то, знаете, <u>разыгралась</u> в нем – <u>побежал</u> было за ней на своей деревяшке, трюх- трюх следом – да нет, <u>подумал</u> , пусть после.	Đầu anh chàng <u>nóng bừng lên</u> ; <u>hắn sẵn</u> <u>sàng lọc cóc nháy nhót</u> với cái chân gỗ, như cái đầm đập đất; theo bóng người đẹp; nhưng không, <u>hắn dừng lại</u> kịp thời. Vứt mẹ cái chuyện gái đi!	
Вельможа, можете вообразить, тотчас его <u>узнал</u> .	Bộ trưởng <u>nhận</u> ra <u>hắn ngay</u> .	
Копейкин, можете вообразить себе, <u>вышел</u> в положении самом неопределенном.	Kôpêikin của chúng ta, các ngài hiểu chứ, <u>lâm vào</u> một cái thế kỳ quặc.	
Наконец <u>сделалось</u> бедняге, в некотором роде, невтерпеж, <u>решился</u> во что бы то ни стало пролезть <u>штурмом</u> ,	<u>Sau cùng</u> thì anh chàng khôn khổ không nhịn được nữa: <u>hắn</u> <u>quyết</u> gặp tận mặt bộ trưởng dù đến thế nào thì đến. <u>Hắn đứng ngoài</u>	

<p>понимаете. <u>Дождался</u> у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель, и там с каким-то генералом, понимаете, <u>проскользнул</u> с своей <u>деревяшкой</u> в приемную.</p>	<p>cửa, <u>chờ</u> có kẻ đến thỉnh cầu là lên vào theo; và các ngài hiểu chứ, theo một viên tướng, hấn <u>lên vào được</u> phòng khách.</p>
<p>Вот его, раба божия, <u>схватили</u>, сударь мой, да в тележку, с фельдъегерем.</p>	<p>Thế là, tiên sinh ạ, hấn <u>được chờ lên</u> một chiếc xe tải, có liên lạc ngồi cạnh.</p>
<p>Ну, уж как только его <u>доставили</u> на место и куда именно <u>привезли</u>, ничего этого неизвестно.</p>	<p>Vậy là, các ngài thử tưởng tượng, chẳng một ai biết đích Kôpêikin <u>đã</u> được <u>chờ</u> đến đâu.</p>
<p>Итак, куда <u>делся</u> Копейкин, неизвестно; но не <u>прошло</u>, можете представить себе, двух месяцев, как <u>появилась</u> в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой не кто другой.</p>	<p>Thế là, người ta mất hút dấu vết của Kôpêikin; nhưng, các ngài thử tưởng tượng, hai tháng trời <u>trôi qua</u>, trong các rừng vùng Riazan <u>đã nổi lên</u> một đảng cướp; ataman chẳng phải ai khác đại úy Kôpêikin của chúng ta cả.</p>
<p>Ведь я уже <u>объявил</u> вам, что вы должны <u>ожидать</u> решения.</p>	<p>Chẳng phải tôi <u>đã</u> <u>cắt nghĩa</u> cho anh rõ là chịu khó chờ ít lâu à?</p>
<p>Даже собственную кровать в спальне <u>изломал</u> он в куски.</p>	<p>Anh ta <u>đập nát</u> cả giường của anh ta <u>ra</u>.</p>
<p>Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые</p>	<p>Hai cư dân ở cái xóm yên tĩnh ấy sống như thế; họ <u>bỗng như hiện ra</u></p>

нежданно, как из окошка, <u>выглянули</u> в конце нашей поэмы.	ở một khung cửa sổ vào cuối thiên trường ca của chúng ta.
Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился.	Tôi nghĩ là bạn đọc cũng nhận <u>thấy</u> rằng tuy bề ngoài có vẻ nhã nhặn đấy, Tsitsikôp vẫn tự ý mình, chẳng ngại ngừng gì và nói năng tự do hơn nói với Manilôp nhiều.
Надобно сказать, кто у нас на Руси если не <u>угнались</u> еще кой в чем другою за иностранцами, то далеко <u>перегнали</u> их в умении обращаться.	Phải nói rằng ở nước Nga, chúng ta <u>còn thua kém người ngoài về nhiều cái, nhưng đã vượt xa họ trong nghệ thuật dùng các công thức.</u>
<u>Задумался</u> ли он над участью Абакума Фырова.	Y nghĩ <u>đến</u> số phận của Abakum Furôp chẳng.
И зачем все, что ни есть в тебе, <u>обратило</u> на меня полные ожидания очи?	Tại sao tất cả những gì trong nước Nga đều quay lại nhìn ta với những đôi mắt đầy vẻ mong chờ?
А уже главу <u>осенило</u> грозное облако..., и <u>онемела</u> мысль пред твоим пространством.	Một đám mây đầy giông tố sắp <u>võ ra</u> thành mưa, làm tối sầm bầu trời trên đầu ta, và tư duy của ta <u>lặng thình</u> trước cảnh bao la của nó.
Неестественной властью <u>осветились</u> мои очи:	Một sức mạnh siêu phàm <u>làm ta mở mắt ra.</u>
В последний раз пробежавшая дрожь	Một cái rùng mình cuối cùng, rồi một

<i>прохватила</i> члены, и уже <i>сменила</i> ее приятная <i>теплота</i> .	<i>hơi ẩm áp dịu dàng lan <u>dần</u> khắp thân ta.</i>
<i>Проснулся: пять станций убежало назад ... Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам.</i>	<i>Thức dậy thì năm trạm <u>đã</u> qua ... Ánh trăng chiếu từng đám như những miếng vải trắng trên các bức tường.</i>
<i>Проснулся – и уже опять перед тобою поля и степи.</i>	<i>Tỉnh <u>dậy</u>, cũng lại chỉ những cánh đồng và những thảo nguyên.</i>
<i>Толчок – и опять проснулся.</i>	<i>Nhưng một cái lắc lại <u>đánh thức</u> bạn <u>dậy</u> lần nữa.</i>
<i>Вот увидят, как глубоко <u>заронилось</u> в славянскую природу то, что <u>скользнуло</u> только по природе других народов.</i>	<i>Và người ta sẽ thấy những cái chỉ <u>lướt qua</u> trên tâm hồn các dân tộc khác, <u>đã</u> ăn sâu vào tâm hồn Xlav đến thế nào</i>
<i>Потому что <u>обратили</u> в лошадь добродетельного человека ... потому что <u>изморили</u> добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а <u>остались</u> только ребра да кожа вместо тела.</i>	<i>Vì người ta <u>đã</u> đem người đức hạnh <u>ra</u> làm con ngựa ... vì người ta <u>đã</u> làm cho con người đức hạnh kiệt lực; đến nỗi giờ đây, đến bóng dáng của đức hạnh nó cũng không còn nữa, mà chỉ <u>còn</u> có xương với da thôi.</i>
<i>Кажись, неведомая сила <u>подхватила</u> тебя на крыло к себе.</i>	<i>Có thể nói là một sức mạnh huyền bí <u>đã</u> mang anh <u>đi</u> trên cánh.</i>

Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?	Ôi! Trôiika! Con chim trôiika: ai <u>đã</u> <u>phát minh</u> <u>ra</u> người?
В немного времени он совершенно <u>успел</u> очаровать их.	Chỉ một lát sau, y <u>đã</u> <u>chinh phục</u> <u>được</u> cả hai trang chủ.
Лакей Петрушка стал устраиваться в маленькой передней, очень темной конурке, куда уже <u>успел</u> притащить свою шинель.	Gã hành bộc Pêtruska thì dọn dẹp căn phòng xép bên ngoài, chật hẹp và tối tăm như cái chuồng chó. Hắn <u>đã</u> <u>có</u> <u>đủ</u> <u>thì</u> <u>giờ</u> mang vào <u>đẩy</u> cái áo khoác.
Не <u>успел</u> Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором.	Tsitsikôp chưa <u>kip</u> <u>định</u> <u>thần</u> thì tỉnh trưởng <u>đã</u> <u>khoác</u> tay y.
Павел Иванович Чичиков ... <u>нашел</u> , что город никак не уступал другим губернским городам.	Y <u>nhân</u> <u>thấy</u> không thua kém các tỉnh lỵ khác tí nào cả.
... да уж больше в городе не <u>нашлось</u> чиновников.	... nhưng trong thành phố chẳng còn <u>kiếm</u> <u>ra</u> viên quan lại nào nữa.
... они <u>влетели</u> ... чтобы только показать себя.	... đàn ruồi <u>bay</u> <u>lượn</u> ... chính là để phô mình.
У толстого ... <u>явился</u> где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены.	Trong lúc ấy thì anh béo ... lấy tên vợ, <u>tâu</u> <u>một</u> <u>cái</u> <u>nhà</u> ở đầu tỉnh, rồi cái nữa ở cuối tỉnh.
... что он ... <u>испытал</u> много на веку своем.	Bình sinh nó <u>đã</u> <u>phải</u> <u>chịu</u> <u>biết</u> bao là thử thách.

« <u>Пошла</u> , старая попадья!» ... « <u>Пошел</u> , тамбовский мужик!»	« <u>Tiến lên</u> , mẹ già!» ... « <u>Cố thủ đi</u> , lão tujik ở Tambôp»
С трех часов после обеда <u>засели</u> в вист и играли до двух часов ночи.	Ở đây người ta <u>đánh</u> uyxт liên miên từ khi ăn xong lúc ba giờ chiều, cho đến hai giờ sáng.
Оно (мнение) держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие ... не <u>привело</u> в совершенное недоумение почти всего города.	Dư luận tốt đẹp ấy tồn tại cho đến ngày mà một hành động lạ lùng của người khách ... <u>làm cho</u> hầu hết mọi người trong thành phố đều sửng sốt.
Как с того времени много у вас <u>умерло</u> крестьян?	Và từ đây, bác <u>có</u> <u>mất</u> nhiều nông dân không ạ?
Сколько у нас <u>умерло</u> крестьян с тех пор, как подавали ревизию?	Từ lần điều tra dân số vừa rồi đến nay, ta <u>mất hết</u> bao nhiêu nông dân?
Как-с? извините... мне <u>послышалось</u> престранное слово...	Thế nào ạ? Xin lỗi... hình như tôi <u>được</u> <u>nghe</u> một tiếng là lạ.
Да вот этих-то всех, что <u>умерли</u> .	Ai nữa, tất cả những đũa <u>chết rồi</u> ấy.
Да чего ж ты <u>рассердился</u> так горячо?	Sao tự nhiên ông lại <u>giân lên</u> thế?
<u>Остался</u> один неосязаемый чувствами звук.	Bây giờ chỉ còn có một cái tiếng suông ấy mà thôi.
А теперь <u>пошли</u> целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое	Bây giờ thì phải <u>có</u> một gánh bột sáy hảo hạng kèm theo một tờ bạc đồ nữa.

<i>сребролюбие!</i>	
<i>Сухарь-то сверху, чай, <u>поиспортился</u>.</i>	<i>Mẫu bánh <u>có</u> hơi <u>mốc</u>.</i>
<i>Отчего же вы <u>обиделись</u>?</i>	<i>Sao tự nhiên chị lại <u>phật ý rồi</u>?</i>
<i>Хватила топором раз — <u>вышел</u> нос, хватила в другой — <u>вышли</u> губы, большим сверлом <u>ковырнула</u> глаза.</i>	<i>Một nhát là <u>thành</u> <u>ra</u> cái mũi, một nhát nữa thành <u>ra</u> đôi môi; hai nhát đục kéch xù là <u>khoét</u> <u>xong</u> hai bọng mắt.</i>
<i>Рукава и верхние полы до того <u>засалились</u> и <u>залоснились</u>, что походили на юфть, какая идет на сапоги.</i>	<i>Ổng tay và vạt áo <u>nhờn</u> những mỡ, <u>bóng</u> <u>lên</u> đến nỗi người ta phải bảo rằng đó là da đóng ủng.</i>
<i>Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему <u>оторвало</u> руку и ногу.</i>	<i>Ở Kraxnôie hay ở Lairxíc gì đấy, các ngài thử tưởng tượng, hẳn <u>bi</u> <u>mất</u> một tay và một chân.</i>
<i>В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и <u>останется</u> Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем <u>сделается</u> такое превращение, какого и Овидий не <u>выдумает</u>.</i>	<i>Nhưng nếu có một kẻ có hàm hơn một tí thôi, thì Prômêthêux của chúng ta <u>đủ</u> <u>biến</u> <u>hóa</u> một cách thần thông mà đích thị Ôvidiux cũng <u>không bao giờ</u> <u>nghĩ ra được</u>.</i>

2.4. Передача значения целостного действия, имеющего место в будущем

Оригинал	Перевод	Комментарии
<p>«Что ты думаешь, <u>доедет</u> то колесо ... в Москву или не <u>доедет</u>?» – «<u>Доедет</u>». «А в Казань-то, я думаю, не <u>доедет</u>?» – «В Казань не <u>доедет</u>».</p>	<p>«...(bánh xe) có đi <u>được</u> tới Mạc-tư-khoa không nào? <u>Tới được</u> chứ». «Còn đi Kazan thì xem chừng chẳng đến <u>được</u> đâu nhỉ?»</p>	<p>«доедет... не доедет?» → модальная завершенность через có... không / chẳng... được.</p>
<p>... лапа вся в комке, земли не <u>заденет</u>.</p>	<p>... cẳng quắp lại chỉ khẽ chạm đất mà không hề <u>để lại</u> tí lốt chân nào.</p>	<p>«лапа... земли не заденет» → результат отсутствия следа лексически (không hề để lại).</p>
<p>Машиница такая, что в эту комнату не <u>войдет</u>!</p>	<p>Nó là một tên khổng lồ, không vào <u>lọt</u> cái buồng này!</p>	<p>«машиница... не войдет» → невозможность/граница:</p>
<p>Ведь что ни говори, а против слова-то божия не <u>устоишь</u>.</p>	<p>Ai mà <u>có thể</u> cưỡng lại một bài giảng đạo đức ý sâu và lời rõ?</p>	<p>«против слова божия не устоишь» → обобщенный субъект (ai mà có thể...) →</p>
<p>Француз или немец век не <u>смекнет</u> и не <u>поймет</u> всех его особенностей и различий.</p>	<p>Người Pháp cũng như người Đức, <u>không bao giờ hiểu được</u> tất cả các đặc điểm, các cách phân biệt ấy.</p>	<p>вневременная истина. «француз... не поймет» → вечная отрицательная способность: không bao giờ hiểu.</p>
<p>Из нее все можно сделать, она <u>может</u> быть чудо, а <u>может</u> выйти и дрянь, и <u>выдет</u> дрянь!</p>	<p>Nàng <u>sẽ thành</u> một người tuyệt diệu hay một kẻ thô lỗ, <u>sẽ là</u> một kẻ thô lỗ thì đúng hơn!</p>	<p>«может быть чудо / выйдет дрянь» → альтернатива результата: sẽ thành... / sẽ là....</p>
<p>Толстые ... если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрепичит и угнется под ними, а уж они не</p>	<p>Hạng béo ... đã ngồi vào đâu là họ sẽ ngồi thật vững, thật chắc; đến nỗi chẳng bao lâu chỗ ngồi sẽ oằn xuống, kêu răng rắc dưới sức nặng của họ;</p>	<p>«толстые... сядут надежно» → итеративная норма: đã... là... + описат. следствие (oằn xuống, kêu răng rắc).</p>

<i>слетят.</i>	<i>nhưng họ thì chẳng bao giờ chịu thả ra đâu.</i>	«прочность такая: обобьет, покроет» →
<i>Прочность такая, сам и обобьет, и лаком покроет!</i>	<i>Mà xe đóng xong, lại chỉnh lót bên trong, sơn bên ngoài.</i>	последовательные СВ: <i>chỉnh lót..., sơn...</i>
<i>А как начнет соболезнавать, вой такой подымет, что уши береги.</i>	<i>Và khi mà hấn bắt đầu thông cảm thì hấn hét đến vỡ cả tai người ta ra.</i>	«как начнет соболезнавать... вой подымет» → инхотатив + гиперболa (<i>khi... bắt đầu... thì hét...</i>).
<i>Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки.</i>	<i>Ngày trước chỉ vài đồng tiền với một túi bột là xong.</i>	«прежде... отделаешься» → прошлое обычное: <i>Ngày trước... là xong.</i>
<i>Глуп ведь как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет!</i>	<i>Ngốc như gỗ mà hễ cứ để cái gì ra là nó móc lấy ngay.</i>	«глуп... украдет» → привычка/немедленный результат: <i>hễ... là...</i>
<i>Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке.</i>	<i>Và hình như hiến bạn tát cả tình bằng hữu của họ, nhưng thường thì ngay chiều hôm ấy, giữa bữa tiệc chén chú, chén anh, họ đã túm lấy cổ bạn mà vật.</i>	«дружбу заведут... подерется» → шаблон-сценарий: <i>nhưng thường thì ngay chiều hôm ấy...</i>
<i>Выведут его под руки из зала жандармы... Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет: ... или нарежется в буфете ..., или проврется самым жестоким образом, так что наконец самому сдается совестно. И наврет совершенно</i>	<i>Hoặc sen đâm đuổi hấn đi ... Ngoài những trường hợp quá quắt ấy, hấn còn trải qua nhiều cuộc phiêu lưu: ... hấn say rượu ..., hấn tuôn ra lảm điếu khoác lác đến nỗi cuối cùng thì chính hấn cũng phải xấu hổ. Hấn nói dối không chút cần thiết nào; tự nhiên vô cớ hấn cho là hấn có một con ngựa màu hồng hay màu xanh da trời.</i>	«жандармы выведут...» → варианты последствий: перечислением НСВ/СВ (<i>say..., khoác lác...</i>). «чиновник... нагадит» → контраст высокий регистр → низкий акт: <i>chơi bạn một vớ...</i>
		«теперь... возьмет селедку» → бедность через минимум (<i>mỗi bữa chỉ ăn...</i>). «не умел взяться слегка» → постоянная характеристика: <i>lúc nào cũng...</i>
		«тем же голосом...» → равное обращение; уступка в душе: <i>mặc dù... vẫn...</i>

<p>без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти.</p>		<p>«слово британца/француза/немца» → типологические стативы; вид не маркирован, лексика задает аспект.</p>
<p>Иной, например, даже человек в чинах ... будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор.</p>	<p>Một ông quan lớn ... bắt tay bạn, nói với bạn những lời lẽ cao thượng, rồi tức khắc trước công chúng chơi bạn một vở rất đê tiện, một vở chỉ đáng là của một kẻ cạo giấy.</p>	<p>«не развеселят... не опрокинется... не блеснут» → универсальное отрицание через không thấy/không hề. «давно... не припомню» → неопределенное прошлое: đã khá lâu... chẳng nhớ rõ. «напишем, что они живы» → будущий результат: ghi rõ là.... «дам деньги» → обещание результата: sẽ trả tiền.</p>
<p>... а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленный да хлеба на два гроша.</p>	<p>... bây giờ mỗi bữa chỉ ăn có một con cá mèi, một quả dưa chuột muối và hai đồng tiền bánh mì.</p>	<p>«не возьму в толк» → непонимание: chẳng hiểu ra. «избавлю от хлопот... дам 15» → перформатив + результат (giúp... lại đưa thêm...).</p>
<p>Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу.</p>	<p>Anh ta chẳng biết làm cái gì nhẹ nhàng cả; lúc nào cũng do anh ta mà, hoặc có người sái tay, hoặc có người dập mũi.</p>	<p>«крепость на свои деньги» → обязательство: tôi chịu cả các phí tổn. «и тряпке есть цена» → обобщенная истинность (cũng còn có giá trị).</p>
<p>Он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя,</p>	<p>Mặc dù trong thâm tâm, họ bỏ sất đất trước mặt người triệu phú, họ vẫn nói với hắn cùng một giọng như nói với lão bán thuốc lá.</p>	<p>«это деньги... не сыщете на улице» → аксиома: Có phải... nhất được đâu. «повременю... примерюсь к ценам» → намерение/будущее: miופן</p>

конечно, в душе поподличает в меру перед первым.		<i>chờ... sẽ so xem.</i> «лучше... пеньку продам» → замена сделки: <i>ông mua... thì hơn.</i>
Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец.	<i>Tiếng nói của người Anh chứng tỏ một sự am hiểu sâu sắc lòng người và cuộc đời; tiếng nói của người Pháp rực rỡ một ánh sáng nhẹ nhàng, duyên dáng, phù phiếm, người Đức thì nhai đi, nhai lại mãi một câu nói cầu kỳ mà không mấy ai hiểu được.</i>	«в другой раз приеду» → отсрочка: <i>lần khác...</i> «дай прежде слово» → требование обещания: императив. «не сделаю, пока не скажешь» → условие: <i>nếu... không nói.</i> «скажу прямее» → перформатив откровенности: <i>nói thật.</i>
Не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы ... не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся ... каменные глыбы; не блеснут ... темные арки ... не блеснут ... вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса.	<i>Trên đất Nga, người ta không thấy những thành phố với những cung điện tráng lệ cheo leo trên vực thẳm ... người ta không phải ngừng đầu lên để ngắm những khối đá chồng lên nhau đến một độ cao chóng cả mặt; người ta không hề thấy, qua những vòm cây râm mát, chằng chịt những dây trường xuân, tường vi và nho, những nét núi không thay đổi, sáng rực lên ở đằng xa</i>	«знаю тебя... подлец... дорого не дашь» → оценка + модальность цены. «купи жеребца – дам в придачу» → условная уступка: <i>câu mua... tớ sẽ cho thêm.</i> «продашь втрое... лучше сам продай» → гипотеза прибыли → контраргумент. «продам такую пару... мороз по коже» → гипербола результата. «покажу еще» → немедл. будущ.: <i>lại cho câu xem.</i>
Да уж давно; а лучше сказать не припомню.	<i>Hình như đã khá lâu rồi; nhưng thật ra tôi cũng chẳng nhớ rõ nữa.</i>	«а я-то в чем поеду? – дам другую бричку» → возражение → решение.
Мы напишем, что они живы.	<i>Chúng ta ghi rõ là chúng còn sống.</i>	«чувствовал, что продаст» → предвидение результата.
Я вам за них дам деньги.	<i>Tôi sẽ trả tiền.</i>	«не получишь!... хоть три царства» →
Я, право, в толк-то не возьму.	<i>Tôi chẳng hiểu ra.</i>	

<i>А теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Да не только избавлю, да еще сверх того дам вам пятнадцать рублей.</i>	<i>Tôi giúp bà không phải tốn kém, lo phiền gì nữa, lại đưa bà thêm mười lăm rúp.</i>	категорический отказ. «скинем фраки... приотдохнем» → ближайшее будущее-план. «сыщете дурака по двугривенному?» → риторический вопрос → невозможность.
<i>Я совершу даже крепость на свои деньги.</i>	<i>Ta sẽ lập văn tự và tôi chịu cả các phí tổn.</i>	«чтобы не входить... по полтора рубли» → завершающий оффер.
<i>И тряпке есть цена: ее хоть по крайней мере купят на бумажную фабрику.</i>	<i>Một miếng giẻ chùi cũ chẳng hạn, cũng còn có giá trị ít nhiều: có thể đem bán cho người làm giấy</i>	«другой мошенник обманет» → предостережение-будущее.
<i>Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице.</i>	<i>Số tiền có nhỏ đâu! Có phải cứ ra ngoài đường là nhặt được đâu.</i>	«голову прозакладую» → клятва-гипербола. «Максим... что шилом кольнет — то и сапоги» → эталонное качество через формулу <i>chỉ một mũi dùi</i> ... «таких не сыщете» → суперлатив: <i>chẳng còn... tìm đâu ra</i> .
<i>Лучше ж я маненько повременю, авось понаедут купцы, да примерюсь к ценам.</i>	<i>Tôi muốn chờ ít lâu, thế nào chả có khách mua hàng tới đây; tôi sẽ so xem giá cả thế nào đã.</i>	«по полтине прибавлю... последнее слово: 50» → торг: эскалация цены.
<i>Право, я все не приберу, как мне быть; лучше я вам пеньку продам.</i>	<i>Tôi chẳng thể quyết định được; ông mua cho tôi sợi gai thì hơn.</i>	«в другом месте нипочем возьму... дурак станет держать?» → рынок/норма: <i>ai chẳng cho không</i> ...
<i>Дай прежде слово, что исполнишь.</i>	<i>Anh hãy thế là sẽ không từ chối đi đã.</i>	«посидите минутку... слово приятное» → промиссив.
<i>А не сделаю, пока не скажешь, на что.</i>	<i>Nhưng tớ chẳng biết gì hết, nếu cậu không nói.</i>	«ни... даже четверти угла не дам» → нулевая уступка.
<i>Ну, так я ж тебе скажу прямее.</i>	<i>Này, tôi nói thật với anh.</i>	«получите за одним
<i>Да ведь я знаю</i>	<i>Tớ còn lạ gì cậu, đồ</i>	

<i>тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них?</i>	<i>vô lại; cậu thì trả được bao nhiêu?</i>	разом... как только напишете» → схема расчета (<i>ký xong... thì...</i>). «кто любит попа...» → пословица сохранена лексически.
<i>Купи у меня жеребца, я тебе дам их в придачу.</i>	<i>Cậu mua con ngựa giống, tớ sẽ cho thêm cậu bọn nông phu chết.</i>	«может быть, услужить» → вежливое будущее-надежда.
<i>Ты их продашь, тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше. – Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое. – Я знаю, что выиграю.</i>	<i>Cậu bán lại; đến phiên chợ đầu tiên, người ta sẽ trả cho cậu gấp ba lần thế. – Nếu vậy thì anh đi mà bán lấy! Lãi cầm chắc còn gì. – Tớ cũng biết thế.</i>	«байют тысячи душ... ничего не начтешь» → скепсис: <i>Thôi đi, đếm mà хет...</i> «не стану лгать» → обещание правдивости.
<i>Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает!</i>	<i>Tớ để cho cậu một đôi, trông thấy là nổi da gà lên ngay!</i>	«до ста двадцати наберется» → подсчет результата (<i>phải tới trăm hai</i>).
<i>Вот я тебе покажу ее еще!</i>	<i>Này tớ lại cho cậu xem một lần nữa; nhìn kỹ đây!</i>	«соболезнование в карман не положишь» → идиома → буквальная передача.
<i>Ну вот еще, а я-то в чем поеду? – Я тебе дам другую бричку. Вот пойдём в сарай, я тебе покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будет чудо бричка.</i>	<i>Chỉ còn thế nữa mà thôi cơ à? Thế thì tôi sẽ đi bằng gì? – Tớ cho cậu một chiếc xe khác. Ra nhà xe tớ cho xem. Sơn lại xong thì tuyệt.</i>	«совершим купчую крепость» → решение-итог (<i>lập văn tự bán</i>). «соскоблит ножом... не бросает... снесет в курятник» → инструкции-императивы.
<i>Чувствовал, что продаст.</i>	<i>Tớ cảm thấy là nó sẽ phản tớ.</i>	«попробуй пойти... я из окна глядеть» → угроза-контроль.
<i>Черта лысого получишь! хотел было, даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам.</i>	<i>Ngồi đấy mà chờ! Tớ muốn biểu không cậu đấy, nhưng giờ thì đừng hòng. Đem cho tớ ba vương quốc, tớ cũng không bán đâu!</i>	«десятков до семи наберется» → приблизительная оценка. «по две копейки пристегну... всего семьдесят восемь» → мелкая надбавка →

<p><i>Мы с Павлом Ивановичем скинем фракки, маленько приотдохнем!</i></p>	<p><i>Paven Ivannôvits và tôi sắp bỏ áo ra ngủ một giấc đây.</i></p>	<p>точный итог. «не стану подражать» → категорический отказ-будущее.</p>
<p><i>Так вы думаете, сыщите такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?</i></p>	<p><i>Vậy bác nghĩ là sẽ có đũa ngọc nào nó để lại cho bác tám mươi kopek một nông phu đã đăng ký sổ đình đây hẳn?</i></p>	<p>«кто станет носить после...» → риторический вопрос-норма. «скажу прямо... но послушайте» → столкновение оценок/интрига.</p>
<p><i>Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам.</i></p>	<p><i>Và lại, để cho chóng xong, tôi cũng xin gửi bác một rúp rưỡi.</i></p>	<p>«мать кокетка... дочка превзойдет» → сравнит. результат (<i>còn hơn cả mẹ</i>). «с виду... но не сгорит» → условная перспектива → отрицание наступления.</p>
<p><i>Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души.</i></p>	<p><i>Một thằng bịp nó còn lừa bác, đem của vứt đi để đánh tráo lấy nông phu.</i></p>	<p>«Персия целиком... попираешь капиталы» → метафора тотальной наличности.</p>
<p><i>Я голову прозакладую, если вы где сыщите такого мужика.</i></p>	<p><i>Cam đoan là cứ chặt đầu tôi đi, nếu bác gặp được đũa nào như nó.</i></p>	<p>«пойду в другой раз... должен умереть с голода» → внутренняя речь: условный результат.</p>
<p><i>Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги.</i></p>	<p><i>Maxcim Têliatnikôp, thợ giày: chỉ một mũi dùi là nó đóng xong cho bác một đôi ủng và ủng đẹp làm sao!</i></p>	<p>«найду средства» → решимость-будущее. «чем глубже — тем не поймешь» → парадоксальная норма.</p>
<p><i>Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщите.</i></p>	<p><i>Những đũa như Mikhêiev, bác chẳng còn có thể tìm đâu ra được, xin phép đổi với bác như vậy.</i></p>	<p>«все обвинят... гласность» → причинно-следственные будущие последствия.</p>
<p><i>Извольте, по полтине прибавлю. – Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово:</i></p>	<p><i>Được rồi, tôi thêm năm mươi kopek nữa. – Còn tôi, tôi nói giá hạ nhất, không thể thêm bớt gì nữa: năm mươi rúp! Lấy danh dự</i></p>	<p>«если бы слон родился... нужно выдумать» → гипотетика → требуемое действие. «теперь как дитя...» →</p>

<i>пятьдесят рублей! Право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!</i>	<i>mà thế, như thế là tôi thiệt rồi đấy. Bác không mua được ở đâu những quân trai tráng như thế và rẻ hơn thế đâu.</i>	статив настоящего (<i>ngữ</i> <i>gì</i> <i>nói</i> <i>nấy</i>). «пусть возьмутся... наполнит... не узнает» → прогноз-будущее с эскалацией.
<i>Да я в другом месте нипочем возьму. Еще мне всякий с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться. Дурак разве станет держат их при себе и платить за них подати!</i>	<i>Tất cả mọi người, ai chẳng cho không tôi mà lại còn mừng vì tổng được những của nợ ấy đi. Có đưa ngốc nào lại muốn giữ lấy để mà phải đóng thêm thuế?</i>	«если наградит словом... утащит...» → длительная судьба прозвища (итератив будущее). «как ни хитри... прозвище скажет» → неотменимость эффекта. «могила милосерднее...» → сопоставление-статив. «хлебный арсенал... пока не перегрузится...» → цепочка будущих результатов. «что пророчит простор?» → риторический вопрос- размышление.
<i>Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово.</i>	<i>Bác chờ cho một tí, tôi xin nói hai tiếng thôi có thể làm bác vui lòng.</i>	«дамам не понравится» → твердая оценка будущего восприятия.
<i>Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.</i>	<i>Không, một phần tư như thế cũng không? Tôi không thêm một kopek.</i>	«как ни загляни... цены не дадут» → неустранимая реакция общества.
<i>Вы получите в городе за одним разом все деньги.</i>	<i>Bác lĩnh một lúc cả số tiền ở ngoài tỉnh luôn.</i>	«может быть, почувются иные струны...» → перспектива-надежда.
<i>Как только напишете расписку, в ту же минуту.</i>	<i>Bác ký xong giấy biên nhận thì có thể lấy tiền.</i>	«вы посмеетесь... похвалите... прибавите» → сценарий реакции читателя (будущее).
<i>Кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица.</i>	<i>Kẻ thích ông pops người thích vợ ông pops, tục ngữ đã nói như vậy.</i>	«а кто из вас... толкнет соседа... побежит вдогонку» → разоблачительный
<i>Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу.</i>	<i>Có thể là chúng ta còn giúp nhau được nhiều việc nữa.</i>	
<i>Вот, бают,</i>	<i>Nghìn nông phu!</i>	

<i>тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтешь!</i>	<i>Thôi đi, đếm mà xem, ông sẽ thấy còn lại bao nhiêu!</i>	сценарий поведения, итератив будущего.
<i>Не стану лгать, батюшка.</i>	<i>Tôi không quen nói dối, ông ạ.</i>	
<i>Это бы еще слава богу, – сказал Плюшкин, – да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберется.</i>	<i>Chưa. Nếu kể từ lúc ấy thì phải tới trăm hai.</i>	
<i>Да ведь соболезнование в карман не положишь.</i>	<i>Tôi không thể đút túi nó được.</i>	
<i>Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость.</i>	<i>Chúng ta sẽ chỉ lập, một văn tự bán..</i>	
<i>Так пусть соскоблит его ножом да крох не бросает, а снесет в курятник.</i>	<i>Bảo nó lấy dao cạo đi; nhưng mà không được ném các vụn bánh mà mang ra cho gà.</i>	
<i>Вот попробуй-ка пойти в кладовую, а я тем временем из окна стану глядеть.</i>	<i>Cố, cố mà luôn vào kho đi; tao nhìn thấy hết từ cửa sổ này đấy.</i>	
<i>Да десятков до семи тоже наберется.</i>	<i>Độ bảy chục.</i>	
<i>По две копейки пристегну, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят? – Нет. Всего наберется семьдесят восемь.</i>	<i>Thì vâng, để cho cụ vui lòng. Cụ có tất cả bao nhiêu đũa? Cụ nói bảy mươi thì phải? – Tất cả là bảy mươi tám.</i>	
<i>Я ни за что не стану подражать этому.</i>	<i>Cái mốt ấy, em không bao giờ theo đâu.</i>	

<p><i>Кто ж станет носить после Прасковыи Федоровны? Это уже слишком странно будет с вашей стороны, если вы чужих предпочтете своим.</i></p>	<p><i>Ai lại đi mặc áo thừa của Praxkôvia Fiôđôrôpna! Thật là lạ lùng, chị lại đi thích bọn người ngoại quốc hơn em chẳng?</i></p>	
<p><i>А я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек. – Да послушайте только, что я вам открою.</i></p>	<p><i>Thật là một thằng cha thâm hại, tôi sẽ nói thẳng vào mặt nó. – Nhưng chị hãy để em kể cho chị nghe.</i></p>	
<p><i>Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдет матушку.</i></p>	<p><i>Mẹ nó làm đởm nổi tiếng và con còn hơn cả mẹ!</i></p>	
<p><i>... хотя с виду и кажется, будто бы в комодe ничего нет, кроме ... распоротого салопa, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгорит платье и не изотрется само собою ...</i></p>	<p><i>Tuy vậy, trông bề ngoài thì cái tủ chỉ đựng có quần áo vải, những áo ngắn đàn bà, những con chỉ, một cái áo choàng số đường khâu để chờ lúc thay cho cái áo dài đã rách hay bị cháy ngày hôm trước của buổi lễ nào đó, trong khi rán bánh đa hay thức ăn bọc bột. Nhưng đó chỉ là một việc phòng xa, vì tất đã xảy đến ...</i></p>	
<p><i>Персия целиком; ногой, так</i></p>	<p><i>Ở đấy, có thể nói là người ta giẫm lên, xéo lên</i></p>	

<p>сказать, попираешь капиталы.</p>	<p>tiền bạc.</p>	
<p>Ну, нет, – думает себе, – пойду в другой раз, объясню, что последний кусок доедаю, – не поможете, должен умереть, в некотором роде, с голода.</p>	<p>Và anh chàng bèn nghĩ: «VẬY thì trở lại gặp bộ trưởng! Mình sẽ hỏi: Các hạ đã quyết định như thế nào chưa? Tôi ăn hết những đồng kôpek cuối cùng rồi. Nếu ngài không cứu giúp thì, xin ngài bỏ lỗi, tôi đành phải chịu chết đói vậy”.</p>	
<p>Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, – хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!</p>	<p>Muốn tớ phải tự giúp mình, tốt lắm, tớ sẽ kiếm được cách giúp lấy mình.</p>	
<p>Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!</p>	<p>Thật ra, thật ra, càng đi sâu vào thiên nhiên, càng không nắm được gì hết!</p>	
<p>Да и меня же все обвинят в жестокости; а человек он честолобивый, укори его при другом-третьем, он уймется, да ведь гласность-то – вот беда! город узнает, назовет его совсем собакой.</p>	<p>Vả lại mọi người sẽ bảo tôi là ác; mà nó thì tự ái. MẮNG nó trước mặt người khác tất nhiên nó làm thình nhưng không may mà người ngoài biết được, cả thành phố sẽ biết và cho nó là đồ chó.</p>	
<p>Ну а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста</p>	<p>Nếu con voi mà từ một quả trứng nở ra, thì vỏ trứng sẽ dày một cách phi thường; đại bác bắn không</p>	

<p>была, пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать.</p>	<p>vỡ được và phải sáng chế ra một thứ súng mới vậy!</p>	
<p>Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться.</p>	<p>Giản dị như một đứa trẻ, nàng nghĩ gì nói vậy, thích lúc nào thì cười lúc ấy.</p>	
<p>Вот пусть-на только за нее примутся теперь маменьки и тетюшки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность, станет ворочаться по вытверженным наставлениям, станет ломать голову и придумывать ... запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выйдет просто черт знает что!</p>	<p>Cứ để cho các bà cô, bà dì và bà mẹ làm việc! Chỉ một năm là họ làm cho người bố tội nghiệp không còn nhận ra con gái nữa. Thói kiêu căng làm bộ, làm tịch sẽ đến với nàng, chẳng biết từ đâu. Nó lệ những bài học thuộc lòng, nàng sẽ nghĩ nát óc để ... nàng sẽ lúng túng rồi rốt cục chỉ nói dối suốt đời và sẽ thành ra cái gì, họa có Chúa biết được!”</p>	
<p>И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и</p>	<p>Họ mà đặt cho ai một cái biệt hiệu, thì người ấy lưu truyền nó lại cho con cháu, mang nó theo suốt cả</p>	

<p><i>потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света.</i></p>	<p><i>đời, đến Péterbua, đến tận cùng thế giới.</i></p>	
<p><i>И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.</i></p>	<p><i>Dù có đánh lộn sòng, có làm bộ ra người quý phái, có thuê những gia hệ học giả gán cho mình một dòng dõi vương công, thì cũng đến toi công, toi của mà thôi: cái biệt hiệu, như một con quạ gan lì, cứ rán hết gân, hết sức mà quạ quạ và tổ cáo lai lịch của mình là quạ.</i></p>	
<p><i>Могила милосерднее ее, на могиле напишется: «Здесь погребен человек!», но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.</i></p>	<p><i>Năm mồ còn rộng lượng hơn, vì trên mộ người ta còn đọc được mấy chữ: Ở đây an nghỉ một người; còn trên những nét âm đạm và lạnh ngắt của tuổi già vô nhân đạo, ta chẳng đọc được gì cả.</i></p>	
<p><i>Громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот.</i></p>	<p><i>Cái công binh xưởng khổng lồ ấy sắp phải biến vào lòng sâu của những thuyền buồm, và chờ khi băng tan là thuyền nối đuôi nhau xuôi theo dòng nước.</i></p>	

<p><i>Что пророчит сей необъятный простор?</i></p>	<p><i>Không gian vô tận này báo hiệu cái gì?</i></p>	
<p><i>Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно.</i></p>	<p><i>Nó không vừa ý các bà, có thể nói chắc như vậy.</i></p>	
<p><i>Как глубоко ни загляни автор ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены. Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему: полноты ни в каком случае не простят герою, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкий!»</i></p>	<p><i>Dù tác giả có phân tích sâu sắc tâm hồn của nó, phản ánh hình dáng của nó trung thành như một tấm gương; người ta cũng phải nhận hết mọi giá trị. Vóc người phì nộn với cái tuổi trung niên của Tsitsikốp chắc chắn sẽ làm hại y không ít; người ta không bao giờ tha thứ cho nhân vật cái tội phì nộn và chắc rằng nhiều bà sẽ vừa quay đi vừa nói: «Eo! Xấu khiếp!»</i></p>	
<p><i>Может быть, в сей же самой повести почувятся иные ... струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж ... И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга пред живым словом! Подымутся русские движения ...</i></p>	<p><i>Nhưng... có thể là, ngay trong truyện này, người ta cũng được nghe rung lên những sợi dây đàn ... người ta được thấy xuất hiện cái phong phú của tâm hồn Nga ... Và bên cạnh những nhân vật mới ấy, tất cả mọi người đức hạnh của các dân tộc khác tựa hồ người chết cả; cũng như cuốn sách là một nhân vật chết bên cạnh lời nói sinh động! Những hành động Nga sẽ được biểu lộ...</i></p>	
<p><i>Вы посмеетесь</i></p>	<p><i>Các anh cũng thật</i></p>	

<p>даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора, скажете: «Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!» И после таких слов с удвоившеюся гордостью обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите.</p>	<p>bụng chê cười Tsitsikốp đấy; và có lẽ các anh còn khen cả tác giả nữa; các anh nói: «Tuy vậy, hẳn cũng quan sát kỹ được một số nét nào đấy! Chắc hẳn phải là một thằng cha vui tính lắm!» Sau đấy, lòng tự phụ tăng lên gấp bội và một nụ cười tự mãn nở trên môi, các anh nói thêm:</p>	
<p>А кто из вас ... углубит вовнутрь собственной души сей тяжелей запрос ... он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему ... И потом ... побежит за ним вдогонку.</p>	<p>Nhưng mà, ai là một người trong các anh ... sẽ nghĩ kỹ đến câu hỏi nặng nề này ... anh liền thúc khuỷu tay vào người bên cạnh và vừa kêu, vừa cười âm lên ... Rồi ... anh chạy theo y, gọi mãi để chòng ghẹo.</p>	

3. Группа случаев отсутствия адекватности и эквивалентности перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» оригиналу

3.1. Передача значения настоящего исторического

Оригинал	Перевод	Комментарии
<i>A</i> <i>заседатель</i> <i>подъехал – подать, <u>говорит</u>, уплачивать с души.</i>	<i>Thế mà ông trợ tá vẫn đến thu thuế đầu người, như là chúng nó còn sống cả.</i>	<i>A</i> <i>заседатель</i> <i>подъехал...</i> → факт регулярного взимания передан через описательное настоящее и ввод « <i>như là... còn sống</i> » (ироническая реальность). «...зажмурив
<i>Да уже, зажмурив глаза, <u>думаю</u> себе: «Черт тебя поberi, продавай, проклятая!»</i>	<i>Nhưng tớ vẫn nhắm mắt, đặt liều, vừa đặt vừa tư như: “Ê, có tất cả các thứ quý sừ trên đời, mà y phân tao đi, bán đưng tao đi, quân chết tiệt!”</i>	<i>глаза...</i> → внутренняя речь и решимость: <i>nhắm mắt, đặt liều</i> (ингрессив/решительный акт). «Черт возьми...» →
<i>Черт возьми, – подумал Чичиков про себя, – этот уж <u>продает</u> прежде, чем я заикнулся!</i>	<i>Quý sừ! Đây là một thằng mà mình chưa kịp hờ lời, <u>đã nói</u> đến bán.</i>	мгновенное осознание: междометие + перфектив <i>đã nói đến bán</i> .
<i><u>Говорит</u>, будто и след простыл, но ведь он человек военный:</i>	<i>Nó <u>bảo</u> rằng chúng mắt hút, chẳng còn tằm hơi gì.</i>	«след простыл... он военный» →
<i>Прасковья Федоровна, однако же, <u>находит</u>, что лучше, если бы клеточки были помельче.</i>	<i>Thế mà Praxkôvia Fiôđôrôpna lại <u>cho</u> là các ô kê to quá.</i>	исчезновение как результат: <i>mắt hút, chẳng còn tằm hơi</i> . «лучше клеточки помельче» →
<i>Вообразите: <u>приходит</u> ко мне <u>сегодня</u> <u>протопопша</u>.</i>	<i>Chị nghĩ xem, em vừa được bà vợ ông Prôtôpôp <u>đến chơi</u>.</i>	оценка-норма: <i>cho là... to quá</i> .
<i>Приехала, <u>говорит</u>, к ней помещица Коробочка ... и <u>рассказывает</u>, и как <u>рассказывает</u>, послушайте только, совершенный роман: <u>вдруг</u> в глухую полночь, когда все уже</i>	<i>Và bà ta <u>kể</u>, chao ôi, bà ta <u>kể</u>! Nghe đây, chị này... Một cuốn tiểu thuyết thực sự. Giữa đêm khuya, cả nhà đang ngủ yên, <u>bỗng có tiếng đập cổng, khiếp lên được, rồi tiếng kêu</u> ...</i>	

<p>спало в доме, <u>раздается</u> в ворота стук, опаснейший ... <u>кричат</u> ...</p>		<p>«вообразите... пришла...» → ввод рассказа/перфектив</p>
<p>... <u>является</u> вооруженный с ног до головы ... и <u>требует</u>: «Продайте, <u>говорит</u>, все души, которые умерли». Коробочка <u>отвечает</u> очень резонно, <u>говорит</u>: «Я не могу продать, потому что они мертвые». – «Нет, <u>говорит</u>, они не мертвые, это мое, <u>говорит</u>, дело знать, мертвые ли они, или нет, они не мертвые, не мертвые, <u>кричит</u>, не мертвые» ... <u>ребенки плачут</u>, все <u>кричит</u>, никто никого не <u>понимает</u>.</p>	<p><i>Hắn đến gặp bà ta, giơ súng đeo suốt từ đầu đến chân ... hắn ra lệnh: «Bán cho ta tất cả các nông phu chết của nhà người». Kôrôbôtka trả lời phải chăng rằng: «Không thể bán được, vì chúng chết rồi». Hắn nói: «Không, chúng không chết; muốn biết chúng chết hay không là việc của ta». Rồi hắn <u>thét lên</u>: «Chúng không chết, không chết, không chết!» ... trẻ con <u>khóc như ri</u>; mọi người <u>kêu la</u>; chẳng còn <u>nghe</u> ra cái gì nữa.</i></p>	<p>прихода: <i>em vừa được... đến chơi.</i> История у Коробочки → эскалация действия и крик через повторы <i>không chết... + шум толпы (khóc như ri, kêu la).</i> «Голубушка...» → поспешность действий: императивы и серия перфективов (<i>bảo thẳng ngựa... chẳng nói năng gì được.</i> «я не знаю, что</p>
<p>Голубушка барыня, – <u>говорит</u> мне Машка ... – «Не до зеркала, <u>говорю</u>, мне, я должна ехать рассказать Анне Григорьевне». В ту же минуту <u>приказываю</u> заложить коляску: кучер Андриюшка <u>спрашивает</u> меня, куда ехать, а я ничего не <u>могу</u> и <u>говорить</u>, <u>гляжу</u> просто ему в глаза, как дура; я <u>думаю</u>, что он подумал, что я сумасшедшая.</p>	<p><i>Con Maska phải bảo em ... — «Tao không phải soi gương. Tao phải chạy ngay đến kể tất cả đầu đuôi cho bà Anna Grigoriepna nghe đây». — Thế là em <u>bảo</u> thẳng ngựa; thẳng xà <u>ích</u> Anđriusa <u>hỏi</u> đi đâu; em <u>chẳng</u> nói năng gì được, cứ <u>nhìn</u> nó <u>sừng sốt</u>; nó ngỡ là em điên.</i></p>	<p>делать... фальшивая бумага» → беспомощность: <i>chẳng còn biết làm thế nào... ném... mười lăm rúp.</i> «Румянец... отваливается» → результатив через метафору: <i>roi lá tá tưng màng.</i> «я помню...» → актуализация памяти: <i>Em nhớ là...</i></p>
<p>И теперь, – <u>говорит</u> Коробочка, – я не знаю, <u>говорит</u>, что мне делать. Заставил, <u>говорит</u>,</p>	<p><i>Kôrôbôtka lại nói: «Tôi chẳng còn biết làm thế nào nữa. Tên tướng cướp bắt tôi ký một tờ văn</i></p>	<p>«бледна как смерть» → интенсив через сравнение буквально: <i>nhợt nhạt</i></p>

подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями; я, <u>говорит</u> , неопытная беспомощная вдова, я ничего не знаю.	<i>tự giã, ném vào mắt tôi mười lăm rúp; tôi là đàn bà góa, chẳng biết gì».</i>	<i>như cái xác chết. «нужно работать бы... левая» → долженствование vs невозможность: phải làm... nhưng chỉ còn tay trái.</i>
<i>Румянец в палец толщиной и <u>отваливается</u>, как штукатурка, кусками.</i>	<i>Đôi má nó trát phần hồng dày tới một tấc và rơi lả tả từng mảng như thạch cao.</i>	<i>«Отец говорит» → категоричность коротким сообщением (nói dứt khoát).</i>
<i>Я помню, как теперь, что я <u>сизжу</u> возле Манилова и <u>говорю</u> ему.</i>	<i>Em nhớ là có <u>nói</u> với Manilốp ngồi cạnh em như thế này:</i>	<i>«пахнет тысячами» → гипербола</i>
<i>Машка моя <u>видит</u>, что я бледна как смерть. «Душечка барыня, – <u>говорит</u> мне, – вы бледны как смерть». – «Машка, <u>говорю</u>, мне не до того теперь».</i>	<i><u>Thấy</u> mặt em tái đi, Maska bảo em: «Thưa bà thân mến, nom bà nhợt nhạt như cái xác chết!», em <u>đáp lại</u>: «Maska, chẳng phải nói đến việc ấy»</i>	<i>наличности: phải phát mùi giấу bạc nghìn rúp. «Вон – указав дом» → деиксис сохранен:</i>
<i>Капитан Копейкин <u>видит</u>: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая.</i>	<i>Đại úy Kôpêikin tự <u>nhủ</u>: Phải làm mà sống chứ. Nhưng khôn thay, hẳn chỉ còn có tay trái.</i>	<i>Đáy – ... chỉ. «швейцар... генералиссимусом» → преувеличение</i>
<i>Отец <u>говорит</u>.</i>	<i>Nhưng mà ông lão <u>nói</u> dứt khoát.</i>	<i>статусом: nom như một vị đại nguyên soái.</i>
<i>Ну просто, то есть, <u>идешь</u> по улице, а уж нос твой так и <u>слышит</u>, что пахнет тысячами.</i>	<i>Trong không khí, như có phải phát cái mùi giấу bạc nghìn rúp.</i>	<i>Ожидание у министра → длительность + надежда: chờ... suốt cùng... báo.</i>
<i>Вон – <u>говорят</u>, указав ему дом на Дворцовой набережной.</i>	<i>Đáy – người lính vừa <u>nói</u> vừa chỉ một ngôi nhà trên bến Hoàng cung.</i>	<i>«в восторге... подпрыгивает» → экспрессия радости:</i>
<i>Один швейцар уже <u>смотрит</u> генералиссимусом.</i>	<i>Người gác cửa <u>nom</u> như một vị đại nguyên soái.</i>	<i>sung sướng quá... nháy nhót.</i>
<i><u>Ждет</u> мой Копейкин часа четыре, как вот <u>входит</u> наконец адъютант</i>	<i>Kôpêikin của chúng ta <u>chờ</u> như thế đúng bốn giờ; <u>suối</u> cùng, một phó</i>	<i>«англичанка как</i>

или там другой дежурный чиновник. «Генерал, <u>говорит</u> , сейчас выйдет приемную».	quan hay viên chức trực nhật nào <u>đầy vào</u> báo bộ trưởng đến.	лебедь» → сравнение сохранено (yếu điệu như thiên nga).
Все четвертого или пятого класса, полковники, а кое-где и толстый макарон <u>блестит</u> на эполете.	... mà toàn là những triều thần tứ phẩm trở lên cả; những đại tá, tiên sinh ạ, và lác đác có cả những vị tướng nữa; cứ nhìn kim tuyến thêu trên các ngù vai thì biết.	Повторные визиты → серия перфективов + отказ: lại... cho biết... chẳng thềm nhìn. Соблазны города → перечисление
Вельможа <u>входит</u> ... Все, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, <u>ожидает</u> , <u>дрожит</u> , <u>ждет</u> решения, в некотором роде, судьбы. Министр, или вельможа, <u>подходит</u> к одному, к другому.	Bộ trưởng <u>vào</u> ... Mỗi người <u>chờ đợi</u> , có thể nói là, quyết định số phận họ. Ngài <u>đến gần</u> người này, người nọ.	кулинарий + рефрен «завтра» (отсроченная перспектива). «Зачем вы?... опять он» → узнавание/досада через реплику-эха (Ồ hay! Lại cái anh này!).
Хорошо, <u>говорит</u> , понаведаетесь на днях. Копейкин мой <u>выходит</u> чуть не в восторге.	Bộ trưởng nói: «Được, mấy hôm nữa trở lại đây». Kôpêikin của chúng ta <u>sung sướng quá</u> .	«фельдъегерь уж там» → готовность-результат (đã chờ sẵn).
В духе, понимаете, таком, <u>подпрыгивает</u> по тротуару.	Không nén được nổi mừng, hắn bèn <u>nhảy nhót</u> trên hè phố.	Езда с фельдъегерем → внутренний монолог-решимость: ít ra... tớ sẽ kiếm được cách.
На тротуаре, <u>видит</u> , идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить эдакой.	Ra về, hắn <u>trông thấy</u> một người đàn bà Anh nhỏ nhắn, đi lướt trên hè phố, yếu điệu như một con thiên nga.	«начинается завязка романа» →
Вот, сударь мой, какие-нибудь через три-четыре дня <u>является</u> Копейкин мой снова к министру, дождался выхода. «Так и так,	Ba hay bốn hôm sau, tiên sinh ạ, hắn <u>trở lại</u> gặp bộ trưởng. Hắn <u>nói</u> : «Tôi đến chờ tin tức. Thương tật của tôi như thế, có thể nói là tôi đổ máu»	метакомментарий прямой: đến đây mới là chỗ thắt nút. «орел → куропатка» → мгновенная метаморфоза через

<p><u>говорит</u>, пришел, <u>говорит</u>, услышать приказ вашего высокопревосходительства по одержимым болезням и за ранами.</p>		<p>лексическую замену (сохранен образ)</p>
<p>Словом, <u>приходит</u> он, судырь мой, опять на Дворцовую набережную; <u>говорят</u> ... На другой день – то же; а швейцар на него просто и смотреть не хочет. А между тем у него из синюх-то, понимаете, уж <u>остается</u> только одна в кармане ... словом, <u>голодает</u> бедняга, а между тем аппетит просто волчий.</p>	<p><i>Nghĩ là làm: hấn lại đến bộ. Người ta cho biết như vậy. Hôm sau người gác cổng chẳng thêm nhìn hấn một cái nữa. Thằng cha khôn khổ chỉ còn mỗi một tờ bạc xanh trong túi. Mà, tội nghiệp thằng cha, cứ háu đói như là chó sói vậy.</i></p>	
<p><u>Проходит</u> мимо эдакого какого-нибудь ресторана ... <u>работает</u> там фензерв какой-нибудь ... Пройдет ли мимо Милютинских лавок, там из окна <u>выглядывает</u>, в некотором роде, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбуз-громадище, дилижанс эдакой, ... <u>ищет</u> дурака, который бы заплатил сто рублей, – словом, на всяком шагу соблазн такой, слюнки <u>текут</u>, а он <u>слышит</u> между тем все «завтра» ... ему <u>подносят</u> все одно и то же блюдо «завтра».</p>	<p><i>Kôpêikin của chúng ta đi qua một tiệm ăn: lão chủ người Pháp ... đang làm món trứng đúc rau thơm, món sườn xào nậm và các mỹ vị khác ... Hấn đến trước chợ Miliutin; trong các tủ kính nào là cá hồi, là quả anh đào năm rúp một, lại một quả dưa hấu khổng lồ to tày chiếc xe ngựa, như đang đợi kẻ ngu nào đến trả trăm rúp; tóm lại là cứ mỗi bước lại có một cái gì đấy ... làm người ta thêm nhỏ rãi; ấy thế mà hấn cứ phải tự nhủ rằng: «Ngày mai» ... còn đằng kia thì lại biểu hấn một món ăn đây vị đắng cay gọi là ngày mai.</i></p>	

<p>Вельможа, по обыкновению, <u>выходит</u>: «Зачем вы? Зачем вы? А! – <u>говорит</u>, увидевши Копейкина.</p>	<p>Như thường lệ, bộ trưởng <u>bước vào</u>. «Ông muốn gì? Còn ông? ... Ô hay! Lại cái anh này! Thoạt thấy Kôpêikin, bộ trưởng <u>kêu lên</u>.</p>	
<p>А фельдъегерь уж там, понимаете, и <u>стоит</u>.</p>	<p>Người liên lạc, các ngài hiểu chứ, <u>đã chờ sẵn</u> sau cánh cửa.</p>	
<p>Ну, – Копейкин <u>думает</u>, – по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то. Вот он, сударь мой, <u>едет</u> на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, <u>рассуждает</u> сам себе: «Когда генерал <u>говорит</u>, чтобы я поискал сам средств помочь себе, – хорошо, <u>говорит</u>, я, <u>говорит</u>, найду средства!»</p>	<p>Kôpêikin <u>tự nghĩ</u>: «Ít ra cũng không phải mất tiền xe; cảm ơn vậy!». Và dọc đường, tiên sinh ạ, <u>ngồi cạnh tên liên lạc</u>, vâng, <u>ngồi cạnh tên liên lạc</u>; hẳn ngẫm nghĩ, có thể nói là hẳn <u>lập luận</u> một mình rằng: «<u>Muốn</u> tớ phải tự giúp mình, tốt lắm, tớ sẽ kiếm được cách giúp lấy mình».</p>	
<p>Но, <u>позвольте</u>, господа, вот тут-то и <u>начинается</u>, можно сказать, нить, завязка романа.</p>	<p>Và, thưa các ngài, có thể nói là cuốn tiểu thuyết của tôi đến đây mới là chỗ thắt nút.</p>	
<p>Тот же самый орел, как <u>только</u> вышел из комнаты и <u>приближается</u> к кабинету своего начальника, куропаткой такой <u>спешит</u> с бумагами под мышкой, что мочи нет.</p>	<p>Nhưng <u>vừa bước ra</u> khỏi phòng, nách cặp tập giấy để đến văn phòng ông giám đốc, thì đại bàng đã hóa thân thành chim đa đa.</p>	